АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
VIII

5

~~СЕНТЯ~~БРЬ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959

РЕДКОЛЛЕГИЯ

О. С. Ахманова, Н. А. Баскаков, В. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор), *В. М. Жирмунский* (зам. главного редактора), *А. И. Ефимов, Н. И. Конрад* (зам. главного редактора), *В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев, Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой* (и. о. отв. секретаря редакции), *А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова*

Адрес редакции: Москва, Б—62, Подсосенский пер., 21. Тел. Б 7-19-93.

СОДЕРЖАНИЕ

И. К. Белодед, А. С. Мельничук (Киев). Вопросы развития национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму 3
Люй Шу-сян (Пекин). Вопрос о слове в китайском языке 12
Н. Н. Прокопович (Москва). К вопросу о простых и сложных словосочетаниях 21

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. М. Шанский (Москва). Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера 32
О. П. Суник (Ленинград). О происхождении морфологической структуры слова. 43
Об образовании восточнославянских национальных литературных языков . . . 52

МАТЕРИАЛЫ И РАЗЫСКАНИЯ

Г. К. Венедиктов (Москва). О «следах» старого сигматического аориста в современном болгарском языке. 60
Ю. С. Маслов (Ленинград). Категория предельности/непредельности глагольного действия в готском языке 69
А. С. Гарибян (Ереван). Об армянском консонантизме 81

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

П. Скок. Об этимологическом словаре хорватского, или сербского, языка 91

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Лю Юн-цюань (Пекин). Исследовательская работа в области машинного перевода в КНР. 102

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Л. А. Гиндин (Москва). Обзор литературы по «пелазгскому» языку . . . 105

Рецензии

Р. В. Бахтурина (Москва). «Russisches rückläufiges Wörterbuch». *H. H. Bielfeldt.* Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart». 115
И. И. Ревзин (Москва). «Словарь польского языка XVI века» 119
Э. А. Макаев, А. Я. Шайкевич (Москва). *J. de Vries.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 123
А. И. Кузнецова (Москва). *Els Oksaar.* Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit. 126

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Р. Ф. Мискуш (Любляна). Письмо в редакцию 129

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. П. Зверковская (Москва). Изучение языка и стиля трудов В. И. Ленина в ГДР 131
И. Н. Анацкий (Москва). Вторая научная сессия по вопросам германского языкознания. 132
Научно-исследовательская работа на местах 136
Хроникальные заметки 143
Новые издания. 150
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию 151

№ 5 1959

И. К. БЕЛОДЕД, А. С. МЕЛЬНИЧУК

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ СОЦИАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

В свете решений XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза большие задачи встают перед работниками общественных наук, в том числе и перед советскими языковедами. Язык как могучее средство общения внутри каждого народа и между разными народами, как форма национальной культуры всегда играл и играет первостепенную роль в жизни общества, и поэтому для общества никогда не безразлично, в каком состоянии он находится и в каком направлении развивается. В связи с этим важное значение приобретают вопросы развития национальных языков в многонациональном советском обществе в период перехода от социализма к коммунизму, когда до небывалых масштабов возрастает интенсивность общения между различными социальными группами внутри каждой нации и между всеми дружественными нациями Советского Союза, а социалистическая культура каждой нации поднимается на качественно высшую ступень, которой не знала еще история человечества.

Среди важнейших вопросов языковедческой науки, глубокая разработка которых диктуется новыми потребностями развернутого строительства коммунизма в СССР, серьезное внимание должно быть уделено вопросу об основных закономерностях развития национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму. Всесторонний анализ и освещение этого вопроса будут способствовать прежде всего выработке правильного и целеустремленного подхода ко многим вопросам языковой практики, что в свою очередь создаст условия для значительного повышения аффективности языка как орудия развития культуры и как средства общения в многогранном процессе коммунистического строительства. Вместе с тем научная оценка основных тенденций и закономерностей в развитии и взаимодействии различных национальных языков в этот период может явиться серьезным вкладом в развитие и усиление интернационалистических связей между социалистическими нациями.

Вопрос о закономерностях развития национальных языков в период развернутого строительства коммунизма может быть разрешен наиболее основательно лишь общими усилиями специалистов—языковедов и социологов с учетом конкретного опыта коммунистического строительства. На современном этапе марксистская наука о языке имеет возможность предвидеть только наиболее определяющие направления, по которым будет происходить развитие национальных языков в период развернутого строительства коммунизма. Возможность такого предвидения обеспечивается достигнутым в советском языкознании марксистским пониманием природы языка, его общественных функций и связи его развития с развитием общества.

Марксистское языкознание рассматривает язык как один из наиболее существенных признаков человеческого общества наряду с мышлением и изготовлением орудий труда. Язык является основным и решающим средством налаживания взаимодействия между всеми членами общества и их различными группами в процессе общественного производства,

в процессе обмена, в процессе развития культуры и науки, в осуществлении различных общественных и политических организационных мероприятий, направленных на усовершенствование форм общежития в коллективе и внешних сношений между различными общественными коллективами. «Язык есть важнейшее средство человеческого общения»,— подчеркивал В. И. Ленин[1]. Эта существенная роль языка в общественной жизни обусловливает зависимость темпов, а также некоторых определяющих направлений и форм развития языка от исторических изменений в политико-экономической и культурной жизни общества.

Период развернутого строительства коммунизма в разных странах будет характеризоваться наличием ряда общих закономерностей, независимо от местных особенностей стран. Преимущественное большинство этих закономерностей будет представлять собой продолжение тенденций, свойственных социалистическому обществу уже на первой фазе коммунизма с тем лишь отличием, что теперь они становятся более выразительными и последовательными. Сюда относятся, например, высокие темпы развития социалистической экономики, увеличение удельного веса общенародной собственности в общей системе социалистической экономики, дальнейшее повышение трудовой и политической активности трудящихся и возрастание их роли в экономической и общественно-политической жизни, дальнейшее укрепление связей между социалистическими нациями и т. п. Другая часть закономерностей, свойственных развитию общества в период перехода от социализма к коммунизму, берет свое начало именно в этот период. Такова, в частности, общая закономерность усиления и ускорения в период перехода к коммунизму исторических процессов, характерных для социалистического общества в целом. Некоторые из этих общих закономерностей развития общества в период перехода от социализма к коммунизму оказывают непосредственное влияние на развитие языка, вызывая к жизни характерные для данного периода закономерности в развитии языков. Как и большинство свойственных этому периоду закономерностей развития общества в целом, соответствующие закономерности развития языков будут являться преимущественно лишь более глубоким и последовательным осуществлением тенденций, характерных для развития языков уже в первой фазе коммунизма.

Для освещения вопроса об особенностях развития национальных языков в период перехода к коммунизму особенно большое значение приобретает подчеркнутое в решениях XXI съезда положение о том, что развернутое строительство коммунизма является исторически закономерным процессом, осуществляющимся как результат очень высокой трудовой и политической активности самых широких масс трудящихся.

Признавая высокую активность народных масс одной из решающих предпосылок построения коммунизма, марксизм-ленинизм предусматривает все более полное привлечение трудящихся к участию в разрешении всех государственных вопросов. В полном соответствии с этим марксистским требованием и с особенно показательным в этом отношении практическим опытом советского общества в последние годы Н. С. Хрущев, говоря о перспективах развития советского государства в последующий период, отмечал: «Главным направлением в развитии социалистической государственности является всемерное развертывание демократии, вовлечение самых широких слоев населения в управление всеми делами страны, привлечение всех граждан к участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством»[2]. Эта перспектива, бесспорно, в одинаковой степени относится к каждой стране, вступающей на путь перехода от социализма к коммунизму.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 20, 4-е изд., стр. 368.

[2] Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг., М., 1959, стр. 120.

Привлечение всех трудящихся — творцов и носителей языка—к участию в разрешении общегосударственных вопросов и одновременный рост их практической активности в развитии общественной экономики означает прежде всего небывалую интенсификацию взаимного общения между всеми членами общества, небывалое расширение масштабов этого общения между различными, в том числе и территориально наиболее отдаленными частями данного народа. Современные средства связи — печать, радио, телевидение и т.п.— полностью обеспечивают возможности такого общения. А это вызывает серьезное увеличение роли единого общенародного (т. е. прежде всего литературного) языка, который смог бы наиболее совершенным образом удовлетворить возрастающие потребности широкого общения. Вместе с тем необходимость четкого и умелого изложения своих мыслей в языковой форме, приемлемой для всех членов общества, по мере возрастания активности и общественной инициативы трудящихся поведет к все более совершенному овладению едиными нормами литературного языка со стороны всего населения. Это в свою очередь вызовет дальнейшее обогащение и развитие общенародного языка нации.

Всякое расширение сферы употребления единого национального языка всегда означало соответствующее сужение сферы употребления диалектов. Процесс нивеляции местных диалектов в связи с расширением единых национальных языков начался уже в условиях капитализма; в ряде европейских стран этот процесс происходит более или менее последовательно уже около полутора веков, но своего завершения он еще нигде не достиг. Объясняется это прежде всего тем, что при капитализме высокий процент членов общества в силу своего классового, экономического и политического положения остается в стороне от участия в общегосударственных делах и поэтому не вовлекается в единый процесс внутринационального общения. Эта исторически обусловленная пассивность трудящихся масс по отношению к административным мероприятиям буржуазных государств усиливается искусственными препятствиями со стороны правящих буржуазных партий, пытающихся всеми средствами оттеснить народные массы от участия в государственно-политической деятельности во всех тех случаях, когда это угрожает интересам буржуазии.

В условиях развернутого строительства коммунизма окончательно исчезают все факторы, которые могли бы вызвать экономическую и политическую изоляцию каких-либо групп в составе социалистического общества. В этих условиях исчезает та социальная почва, которая поддерживала диалектные особенности в языке представителей различных территориальных областей, а вследствие этого становится более явственным и последовательным стирание диалектных особенностей и вытеснение их из всех сфер языкового функционирования.

Однако следует иметь в виду, что вытеснение диалектов единым литературным языком представляет собой не простой процесс, который может осуществиться в течение нескольких лет, а многогранный комплекс направлений языкового развития, усложненный особенностями различных сторон языковой структуры. В ходе вытеснения диалектов литературным языком наиболее гибким и подвижным оказывается словарный состав, который начинает пополняться новыми словами под влиянием литературного языка одновременно с проникновением в сферу местного употребления новых понятий, в то время как диалектные особенности в области грамматики и фонетики вытесняются более медленно и постепенно.

Второй закономерный результат расширения сферы применения литературного языка будет заключаться, очевидно, в уменьшении различий между нормами письменного языка и особенностями языка разговорного. До тех пор, пока некоторая часть общества в активной речевой практике обходилась

одной лишь разговорной разновидностью языка, а письменной разновидностью пользовалась только пассивно — в роли слушателя или читателя, разговорный язык оставался до определенной степени автономным по отношению к письменному. Но с увеличением числа активных носителей литературного языка за счет новых масс населения, в среде которых до сих пор активно использовался лишь разговорный язык, часть структурных элементов разговорного языка неминуемо вольется в язык литературный и тем самым вызовет более или менее заметное его обновление.

Наряду с активизацией непосредственного участия широких масс населения в развитии коммунистической экономики и в разрешении общегосударственных вопросов существует еще одна особенность развития социалистических наций в период строительства коммунизма, оказывающая заметное влияние на развитие языков: это общеизвестная тенденция к тесному экономическому и культурному сотрудничеству между всеми социалистическими нациями. Как и общее повышение трудовой и общественно-политической активности масс, эта исторически обусловленная тенденция к сотрудничеству между социалистическими нациями отчетливо проявилась уже и в первой фазе коммунизма, в период перехода ко второй фазе она станет лишь более глубокой и всеобъемлющей. Поэтому и отражение этой тенденции в развитии языков социалистических наций в период развернутого строительства коммунизма будет представлять собой, собственно говоря, лишь более последовательное продолжение тенденций языкового развития, существующих уже в период социализма.

Основная закономерность развития национальных языков, связанная с дальнейшим усилением экономического и культурного сотрудничества между социалистическими нациями в период перехода от социализма к коммунизму, будет заключаться в дальнейшем количественном росте структурных черт, общих для языков всех социалистических наций. Как и во всех других случаях изменения языковой структуры под влиянием факторов экономического и политического характера, эти общие черты будут распространяться главным образом в сфере лексики и фразеологии. Они будут представлять собой отражение в языках социалистических наций новых явлений социалистической экономики, новых, коммунистических способов организации труда, новых понятий в области коммунистической идеологии и политики, которые будут в одинаковой степени характерными для всех социалистических стран[1].

Как уже отмечалось, процесс распространения общих элементов лексики и фразеологии в языках социалистических наций начинается значительно раньше, чем в период перехода от социализма к коммунизму. Большое количество социалистических интернационализмов уже имеется в языках стран социалистического лагеря и на первой фазе строительства коммунизма. Весь этот общий социалистический фонд лексики и фразеологии, за немногими исключениями, сохранится в языках социалистических наций и в период перехода от социализма к коммунизму. Но период развернутого строительства коммунизма будет знаменоваться весьма ощутимым увеличением масштабов данного процесса в силу сформулированного XXI съездом КПСС положения о том, что страны социалистического лагеря будут переходить в высшую фазу коммунистического общества более или менее одновременно[2]. Это поло-

[1] Отдельные возможные проявления взаимовлияний между языками социалистических наций в сфере грамматики и особенностей произношения не могут в одинаковой мере распространяться на все языки социалистического лагеря, поскольку эти взаимовлияния обусловливаются еще некоторыми более специальными факторами (степень родства или структурной близости языков, их географическое распространение и т. п.).

[2] См. Н. С. Хрущев, указ. соч., стр. 126.

жение означает, что по мере продвижения к коммунизму тех стран социалистического лагеря, которые позже вступили на путь социалистических преобразований, все более будет увеличиваться размер их активного участия в создании коммунистической экономики и культуры, а вследствие этого все более будет расширяться почва для возникновения и закрепления новых элементов общего социалистического фонда лексики и фразеологии.

Распространение в языках социалистических наций в период перехода от социализма к коммунизму общих слов и выражений можно рассматривать как первоначальное проявление будущего сближения и постепенного слияния всех языков мира после сформирования единого коммунистического общества на земле.

Кроме общих закономерностей, характерных для развития языков всех наций, приступающих к развернутому строительству коммунизма, в каждой стране будут существовать конкретно-исторические условия и специфически местные факторы, которые будут усложнять или же видоизменять обусловленные строительством коммунизма общие закономерности. Особенно большой вес эти конкретно-исторические особенности развития языков в период строительства коммунизма приобретают в такой многонациональной стране, как Советский Союз.

Советское государство объединяет в своем составе свыше 120 наций и народностей, каждая из которых имеет свой отдельный язык. Языки наций и народностей Советского Союза разнообразны не только по своей структуре, но и по сферам своего распространения, по своей исторической роли и современным функциям. Одни из языков СССР (например, русский, украинский, грузинский, армянский и некоторые другие) имеют многовековую письменную историю и поэтому достигли высокого уровня совершенства как орудия развития литературы и культуры соответствующих народов. Другие языки ряда народов и народностей СССР оставались до Великой Октябрьской социалистической революции вне письменного употребления, и поэтому в период культурной революции, вызванной потребностью привлечения всех народов СССР к участию в социалистическом строительстве, для этих языков была впервые создана письменность. Коммунистическая партия, осуществляя ленинскую национальную политику, провела ряд государственных мероприятий, ускоривших развитие литературных языков в прошлом бесписьменных и младописьменных народов и обеспечивших их постепенное приближение к уровню наиболее развитых языков, среди которых на первом месте стоит русский язык. Но при этом не было достигнуто какое-то идеальное сведéние всех литературных языков народов СССР к единому уровню развития. Такое сведение было бы невозможным прежде всего потому, что языки социалистических наций, более развитые в прошлом, продолжали развиваться в период социализма ускоренными темпами. Поэтому равенство литературных языков народов СССР, достигнутое в период социализма, состоит не столько в подъеме всех языков до одинаковой степени структурного и стилистического совершенства, сколько в обеспечении всем нациям одинаковых фактических возможностей развития своих литературных языков и применения их во всех сферах национальной жизни.

Многочисленные литературные языки наций и народностей СССР развиваются не обособленно друг от друга, а в обстановке тесных связей между собой, обусловленных дружбой советских народов. Общая закономерность взаимодействия языков социалистических наций, находящая свое проявление в создании общего социалистического фонда лексики и фразеологии, действует и в рамках многонационального советского государства. Эта закономерность в конкретных условиях Советского Союза подвергается заметному видоизменению, которое объясняется, с одной стороны, сравнительно поздним началом развития литературных языков

значительной части советских наций и народностей, а с другой — объединением этих наций и народностей в едином государстве с нациями, литературные языки которых достигли уже высокого уровня развития; конкретно здесь речь идет прежде всего о языке русском. В данных условиях общая закономерность взаимодействия между языками социалистических наций реализуется в виде преимущественного процесса заимствования менее развитыми литературными языками народов СССР средств и образцов для своего развития у наиболее развитого среди них языка — русского.

Естественно, взаимодействие между языками на территории Советского Союза не исчерпывается одним лишь влиянием русского литературного языка на развитие литературных языков других наций и народностей. Из многих языков советских народов в русский язык вливается определенное количество слов, обозначающих большей частью специфические предметы и явления, характерные для экономики, культуры и быта соответствующих народов, а иногда и слов с более широкой общественно-политической семантикой. Но такие заимствования из других языков в русский играют менее значительную роль в его развитии, чем заимствования из русского языка в развитии других литературных языков.

Поскольку в период социализма различия в уровнях развития литературных языков разных наций и народностей СССР полностью не устраняются, общая закономерность взаимодействия между всеми языками социалистических наций в условиях Советского Союза будет и в период перехода к коммунизму проявляться в преимущественном влиянии русского литературного языка на развитие других языков советских народов. Правда, с одной стороны, в связи с дальнейшим общим подъемом экономики и культуры всех социалистических наций, при переходе к коммунизму влияние высокоразвитого русского языка будет вызывать все большее расширение в каждом национальном языке его собственных ресурсов. Это неминуемо увеличит и удельный вес заимствований из различных национальных языков Советского Союза в русский литературный язык. Но, с другой стороны, продолжение влияния русского языка на другие литературные языки народов СССР в период перехода к коммунизму будет поддержано дальнейшим закономерным для этого периода возрастанием роли русского языка как орудия межнационального общения в едином Советском государстве.

Переход от социализма к коммунизму в условиях Советского Союза предусматривает не только небывалый подъем трудовой и политической активности масс и усиление процесса коммуникации внутри каждой советской нации и народности, но и дальнейшее развертывание сотрудничества и взаимного общения между всеми советскими народами. Это означает дальнейшее сохранение и возрастание в период перехода советского общества к коммунизму потребности в общем языке межнационального общения, роль которого в СССР успешно выполняет русский язык. Одновременно с усилением значения коммуникативной роли русского языка в межнациональных отношениях будет возрастать и его роль как общего для всех народов орудия развития социалистической идеологии.

Усиление значения русского языка как средства межнациональных связей в период перехода советского общества от социализма к коммунизму ни в какой степени не означает ограничения роли или темпов развития отдельных национальных языков. Наоборот, при наличии такого эффективного и совершенного средства межнационального общения и его творческой помощи значительно ускоряется процесс дальнейшего развития национальных языков, которые будут самой жизнью постоянно приближаться к уровню развития русского языка.

Факт тесной взаимообусловленности развития языков и экономического, культурного и политического развития общества, в одинаковой степени распространяющийся и на период перехода от социализма к коммунизму, ставит перед советскими языковедами и работниками отраслей культуры, непосредственно связанных с языком, ряд ответственных задач, выполнения которых требуют решения XXI съезда КПСС. Четкое понимание и успешное разрешение этих задач будет представлять значительную часть того вклада, который должен быть сделан советской языковедческой наукой в общее дело развернутого строительства коммунизма в СССР.

Основное условие выполнения языковедческой наукой своей важной роли в осуществлении перехода советского общества от социализма к коммунизму заключается в обеспечении глубокого марксистского исследования на богатом историческом и особенно современном материале общих закономерностей и конкретных вопросов связи языкового развития с развитием общества. При этом освещение теоретических вопросов взаимосвязи языкового развития с развитием других сторон общественной жизни не должно сводиться к схоластическому перечислению тех моментов, в которых эта взаимосвязь проявляется; при таком освещении необходимо смело ставить вопросы о том, в какой степени и в каких исторических условиях различные стороны языкового развития, имеющие определенное значение для развития экономики и культуры общества, допускают сознательное вмешательство со стороны самого общества и в какой степени они могут подвергаться сознательному регулированию. Такой подход к освещению общего теоретического вопроса о связи истории языка с историей общества обеспечит языкознанию новые возможности для активного влияния вместе с другими науками на общий процесс общественного развития.

Большие задачи перед языковедческой наукой в период перехода от социализма к коммунизму возникают в связи с дальнейшим усилением роли русского литературного языка в межнациональном функционировании. Русский язык является могучим средством приобщения народов Советского Союза к сокровищам русской и мировой культуры. В этом отношении основная задача языковедов и работников просвещения в каждой республике заключается в том, чтобы обеспечить параллельно с овладением литературными нормами и стилистическими средствами родного языка наиболее совершенное овладение русским языком как в средней школе, так и другими путями обучения. С этой целью желательно было бы уделить больше времени для практических занятий по разговорному русскому языку (там, где в этом имеется необходимость), а также для упражнений, развивающих свободное владение русским литературным языком. Специалистам-языковедам необходимо позаботиться о создании совершенных в методическом и научном отношении учебников и пособий по русскому языку, в которых бы наиболее полно учитывались специальные особенности, характерные для изучения русского языка носителями того или иного национального языка.

Одна из важнейших задач советского языкознания в наступающем семилетии вытекает из положения о закономерном возрастании роли национальных литературных языков в период перехода от социализма к коммунизму. Задачей языковедческой науки в связи с этим является всемерное содействие дальнейшему развитию литературных национальных языков, широкому развертыванию их общественных функций и лучшему усвоению их всеми представителями соответствующих наций. С этой целью необходимо в первую очередь обеспечить дальнейшее улучшение материально-технических предпосылок для наиболее успешного выполнения каждым национальным языком принадлежащей ему роли в культурном развитии соответствующей нации. Важное значение в этом отношении будет иметь, в частности, осуществление в республиках намеченных

в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде и в контрольных цифрах на семилетку мероприятий относительно дальнейшего развития печати, радио и телевидения, расширения полиграфической базы и увеличения тиражей книг, журналов, газет и т. п.[1].

Но основной в этом комплексе задач, направленных на стимулирование развития национальных языков в наступающий период, является специально языковедческая задача, заключающаяся в создании научно-методических средств для облегченного, ускоренного и вместе с тем совершенного усвоения норм литературного языка и особенно практической стилистики всеми представителями соответствующей нации. Эта задача стояла перед советскими языковедами и раньше, но нельзя сказать, что она была удовлетворительно решена. Изучение родного языка в средней школе и даже в вузах до сих пор в ряде случаев не обеспечивает умения свободно и правильно использовать литературный язык для изложения собственных мыслей в связном тексте. Результатом такого положения является непродуктивная трата времени, усилий и рабочих рук, когда у соответствующих лиц возникает потребность в литературном оформлении своих мыслей или когда в различных ситуациях приходится иметь дело со стилистически несовершенными текстами.

Такие результаты ни в коей мере не отвечают общей установке семилетнего плана на повышение продуктивности и культуры труда, на экономию времени и рабочих рук. Устранить это серьезное отставание в уровне речевой культуры от требований времени можно лишь путем создания научных трудов, в которых всесторонне освещались бы экспрессивные возможности и стилистические средства литературного языка, а также практических пособий типа синонимических словарей, общих практических стилистик и других справочников, могущих оказать эффективную помощь широким кругам населения в овладении мастерством литературного оформления текста любого содержания. В связи с этим следует подумать о необходимости введения курса практической стилистики литературного языка в программы старших классов средних школ и филологических факультетов вузов. Здесь уместно напомнить следующее замечание А. В. Луначарского: «Так как каждый человек,— писал он,— должен быть в известном смысле ученым, т. е. должен уметь анализировать факты, делать выводы и передавать результаты своей умственной работы другим, то возможно бóльшее совершенство владения языком как точным орудием передачи явлений и мысли должно являться целью школы»[2].

Процесс усвоения широкими массами населения литературного языка и — как следствие этого процесса — приближение литературного языка к языку разговорному, а также связанный с распространением литературного языка процесс дальнейшего, в некоторых местах окончательного вытеснения территориальных диалектов обязывает языковедов занять более внимательную и гибкую позицию относительно вопросов литературной нормы. Если нормативные стилистики и словари станут на путь безоговорочного оберегания литературного языка от проникновения в него новых, преимущественно лексических и фразеологических элементов, которые получат общее распространение в разговорном языке, то это может привести только к вредному отрыву литературного варианта общенародного языка от его разговорного варианта.

В связи с усиленным стиранием диалектных отличий языка при переходе от социализма к коммунизму возникает и чисто профессиональная задача перед диалектологией: наиболее полно зафиксировать доступные пока для наблюдения диалектные явления, которые уже в недалеком будущем могут окончательно исчезнуть и таким образом навсегда оказать-

[1] См. Н. С. Хрущев, указ. соч., стр. 68.

[2] А. В. Луначарский, Искусство слова в школе, «Искусство в школе», 1927, № 1, стр. 8.

ся потерянными для языковедческой и исторической науки. В наибольшей степени это касается лексических особенностей диалектов.

Особо необходимо отметить еще одну важную задачу научно-идеологического характера, которая в период перехода советского общества от социализма к коммунизму становится особенно актуальной именно для работников языкознания. Речь идет о преодолении возможных и в период развернутого строительства коммунизма проявлений вредных для социалистического общества и поддерживаемых враждебной зарубежной пропагандой уклонов в национальном вопросе, которые в условиях социализма вызываются в большинстве случаев неправильным пониманием объективных тенденций общественного развития и искаженной трактовкой ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Успешному развитию социалистической культуры могут принести вред как проявления националистической ограниченности в отношении представителей отдельных наций к русскому языку, так и проявления нигилистического отношения к потребностям развития национальных языков. Это обязывает советских языковедов быть бдительными и непримиримыми ко всяким проявлениям буржуазного национализма в вопросе развития языков. Необходимо создать ряд серьезных теоретических и научно-популярных лингвистических работ, в которых были бы с марксистской объективностью освещены вопросы развития национальных языков народов Советского Союза и их взаимоотношения с русским языком как орудием межнационального общения, источником совершенствования национальных языков.

Развитие языка межнационального общения народов Советского Союза — русского языка и национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму является важной составной частью общего процесса развернутого строительства коммунизма в СССР. Правильное понимание и партийно-объективное освещение основных тенденций этого развития представляет собой одну из наиболее актуальных задач работников советского языкознания и связанных с ним отраслей других общественных наук.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1959

ЛЮЙ ШУ-СЯН

ВОПРОС О СЛОВЕ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья представляет собой краткое изложение тех положений, которые за последние годы были внесены китайскими учеными в вопрос, что такое слово в китайском языке[1].

Задача дать определение слову, дело нелегкое в отношении любого языка, оказывается особенно трудной в отношении китайского языка. Да, по правде сказать, в исследованиях по китайскому языку сама проблема слова является новой. В древние времена объектом изучения для китайских ученых всегда был «цзы», т. е. значащий однослог, представляемый на письме иероглифом; с точки зрения языкознания эта единица в современном китайском языке может оказаться отдельным словом, но может оказаться и частью отдельного слова. Как неспециалисты, так и ученые-языковеды в прошлом чаще всего говорили о «цзы» и «цзюй»[2]. Например, Лю Се, автор известного труда «Вэнь-синь Дяо-лун» («Резной дракон Сердца литературы») [3], сказал: «В языке человека цзюй рождается из цзы». В традиционной китайской науке никогда и никто не ставил вопроса о единице, которая была бы больше, чем «цзы», и меньше, чем «цзюй». Тот иероглиф «цы», которым мы записываем современный термин «слово», в древние времена мог иметь различные значения, но не имел среди них такого значения, которое позволило бы ему быть эквивалентом русск. «слово» или англ. «word»: в таком значении термин «цы» стал выступать лишь в недавнем прошлом [4]. Несомненно, что не только в древнем, но даже и в современном языке значащий однослог («цзы») обладал и обладает известной долей самостоятельности и продолжает играть крайне важную роль в языке говорящих по-китайски,— роль гораздо более важную, чем роль, скажем, корня в языках типа русского. Однако значащий однослог («цзы») в китайском языке ни в коем случае не является тем, что в языкознании называется «словом» («цы»). Между тем именно «цы» — «слово» — постепенно стало играть в современном языке особенно важную роль.

Проблема слова для нас является новой и вместе с тем насущной, требующей своего разрешения. И это потому, что для исследователей современного китайского языка проблема слова имеет не только теоретическое значение (в этом отношении она столь же важна для нас, как и для наших

---

[1] Предлагаемая статья является максимально кратким обзором существующих в китайском языкознании работ по этому вопросу. При изложении взглядов отдельных ученых здесь не приводятся оригинальные цитаты из работ, а привлекаются лишь места, способствующие освещению проблемы. Если из-за краткости настоящего изложения читатель составит неполное или неправильное представление о теоретических положениях того или другого ученого, ответственность за это берет на себя автор настоящей статьи.

[2] Традиционный термин «цзюй» таким же образом не эквивалентен грамматическому термину «предложение» в основном потому, что он обозначает отрезок речи между двумя паузами и тем самым часто оказывается короче «предложения». Так, например, стихи в 20 «цзы» часто определяются как «четыре пятисловных цзюй».

[3] Классический трактат VI в. по теории литературы.— *И. О.*

[4] Насколько мне известно, первым, кто предложил термин «цы» в значении «слово» и указал на его отличие от «цзы», был Чжан Ши-чжао (см. его работу «Чжундэн говэнь-дянь», Шанхай, 1907).

коллег, занимающихся изучением западных языков), но и огромное практическое значение, поскольку здесь нам приходится подумать о правилах орфографии в том фонетическом письме, на которое когда-нибудь перейдет и китайский язык (наших коллег этот вопрос не занимает, ибо правила орфографии для изучаемых ими языков уже установлены, пусть даже не всегда безукоризненно).

Итак, в древности для китайских ученых существовало лишь понятие «цзы», но не «слово». Больше того: не только древние ученые, но и исследователи нового времени — например, Ма Цзянь-чжун, автор грамматики «Маши вэньтун» (1898 г.), или Чэнь Чэн-цзэ, автор более поздней грамматики «Говэньфа цаочуан» (1922 г.), — тоже не различали четко эти два понятия. В ряде случаев они ошибочно приравнивали «цзы» в китайском языке к «слову» в западных языках [например, современные термины «мин*цы*» («существительное») — или «дун*цы*» («глагол») в их трудах были представлены соответственно как «мин*цзы*» или «дун*цзы*»]. Все это вполне объяснимо, если учесть, что объектом исследования этих лингвистов был древнекитайский язык, для которого в основном (но, конечно, не всегда) «цзы» и «слово» совпадают.

В современном же китайском языке многие и многие «цзы» (иногда — только в том или ином из своих значений) уже не могут употребляться в качестве отдельного слова и являются лишь морфемами[1].

Однако первые исследователи грамматики современного китайского языка не уясняли себе этого с достаточной четкостью: они лишь понимали, что слово может состоять и из двух или трех «цзы», но эти факты не явились еще для них предметом строгого научного исследования. Научное же изучение этого вопроса было начато иными силами — учеными, занятыми составлением проектов китайского фонетического письма. В самом деле, если китайский язык перейдет на фонетическую систему письма, то совершенно очевидно, что нельзя будет больше писать раздельно слог за слогом, как это делается при иероглифическом письме. Эти ученые произвели целый ряд опытов «слитного написания» слова. Поначалу эта задача представлялась весьма несложной, однако постепенно выяснилось, что она не так уж проста. Оказалось, что разнобой в орфографии существует не только у разных авторов: даже у одного и того же автора во многих совершенно аналогичных случаях предлагалась различная орфография. Только тогда и было понято, что вопрос этот не может быть успешно решен без предварительного теоретического исследования природы слова в современном китайском языке. В свою очередь, и специалисты по грамматике тоже начали понимать всю важность слова в составе грамматических конструкций. Умножилось число дискутирующих по этому вопросу, в связи с чем оживилась и сама дискуссия.

Слово — это лингвистическое понятие, раскрытое языковедами Европы на материале европейских языков. В подавляющем большинстве европейских языков слово как орфографическая единица сложилось и оформилось уже давно, и лингвистам, предлагающим те или иные гипотезы о природе слова, остается лишь обобщать эти уже готовые, сложившиеся факты. Как бы ни были разнообразны выдвигаемые теоретические положения, одно ясно: фактические границы слова выделяются на основе морфологических признаков. Чем развитее морфология языка, тем меньше затруднений встречает исследователь в решении этого вопроса. Например, слово в русском языке очерчено намного яснее, чем в английском. И если в китаистике вокруг проблемы слова ведутся нескончаемые дебаты, то

[1] Термину «морфема» среди лингвистов даются различные определения. В настоящей статье под этим термином, как правило (за исключением одного ниже отмеченного случая —см. стр. 14), понимается значащий отрезок слова, не поддающийся дальнейшему делению на значащие части; такое определение морфемы является наиболее обычным и для советских лингвистов (см., например, академическую «Грамматику русского языка», т. I, М., 1952, § 6).

это потому, что слово в китайском языке крайне бедно морфологическими признаками, а живым средством словообразования является у нас не словопроизводство, а словосложение. Поэтому границы слова не являются очевидными с первого взгляда.

Вопрос о том, что́ такое слово в китайском языке,— это вопрос о разграничении слова и неслова, вопрос о выделении в одних случаях границы между словом и словосочетанием, а в других — границы между словом и морфемой. Фактически это сплошь и рядом один и тот же вопрос: если АВ — слово, значит, А и В могут быть только морфемами; если же А и В — слова, то АВ может быть только словосочетанием.

Однако наши современные языковеды более раннего периода не ставили перед собой этот вопрос с такой ясностью. Как правило, они подходили к проблеме с точки зрения семантики. Они говорили: слово обозначает понятие [1]. Такая формулировка определения слова не может считаться удовлетворительной, так как остается неясным, как понимать здесь «понятие»: может оно быть простым и сложным, или же здесь говорится единственно о простом? Возьмем для примера комплекс *ню-жоу* «коровье мясо», «говядина». Ведь его можно рассматривать как выражение одного (сложного) понятия, можно рассматривать и как выражение двух (простых) понятий. Другими словами, самый комплекс можно рассматривать и как одно, и как два слова. Таким образом, предлагаемое определение слова попросту оказывалось совершенно бесполезным. Если же считать, что в этом определении имеется в виду только простое понятие, то это будет равносильно признанию, что слово есть минимальная единица языка, имеющая самостоятельное значение [2]. Но такое определение фактически будет не чем иным, как определением морфемы, и может быть приемлемым лишь для тех, кто готов признать, что в китайском языке слово полностью равно морфеме, ничем от последней не отличаясь[3].

Другой наиболее распространенной формулой для тех, кто в основу определения слова кладет смысловой критерий, является следующая: если значение двусложного комплекса представляет собой синтез значений его составных частей,— мы имеем дело со словосочетанием; если же при образовании комплекса происходит расширение или, наоборот, сужение значений его составных частей,— значит данный комплекс представляет собой слово. Здесь обычно приводят для примера комплекс *чи-фань*: если он означает «есть рис», то это — словосочетание; если же он имеет значение «есть, кушать (вообще)», то это — слово [4]. Затруднение здесь состоит в выяснении того, имеет ли место в каждом конкретном случае изменение значения или нет; разные лингвисты сплошь и рядом дают на данный вопрос противоположные ответы. Возьмем, например, *ма* «лошадь» +*чэ* «повозка»=«конная повозка», «извозчик» или *те* «железо» +*лу* «дорога»=«железная дорога». Одни лингвисты считают, что как *ма-чэ*, так и *те-лу* являются словами (основание: *мачэ* необязательно везется лошадью, но иногда и мулом; из железа делается рельсовый путь не только для железнодорожных составов, но, скажем, и для трамвая) [5]; другие языковеды, наоборот, считают комплексы типа *ма-чэ* словосочета-

[1] См. Л и Ц з и н ь - с и, Синьчжу гоюй вэньфа, 1-е изд., Шанхай, 1924. В настоящей статье ссылки даются по изданию 1951 г. (Пекин).

[2] См. В а н Л и, Чжунго юйфа лилунь, т. I, Чунцин, 1944, стр. 18. Автор этой работы вкладывает, однако, в слово «минимальный» свое собственное понимание. Например, англ. *triangle* он считает содержащим не две, а лишь одну минимальную смысловую единицу.

[3] Термин «морфема» применен нами здесь в более широком смысле, чем это было указано выше: для обозначения не только части слова, но и всего состава отдельного односложного слова.

[4] См. Л и н ь Х а н ь - д а, Дунцы-ды ляньсе вэньти, журн. «Чжунго юйвэнь», 1953, № 16, стр. 7.

[5] См., например, е г о ж е, Шэммо бу ши «цы», там же, 1955, № 34, стр. 8.

нием [1]. Отсюда ясно, что на основании одного лишь семантического критерия различить слово и словосочетание совсем не легко.

Лингвисты более позднего времени предпочитают искать критерий слова в форме (в широком смысле этого слова). Некоторые ученые определяют слово как единицу, выделяемую в отрезке речи способом изотипной замены [2]. Например, в построении *вǒ чī фàнь* «я ем рис» элемент *вǒ* «я» может быть заменен элементами *нǐ* «ты» или *тā* «он», элемент *чī* «есть»—элементами *чжǔ* «варить» или *чэ̀н* «накладывать», наконец, элемент *фàнь* «рис»—элементами *мя̀нь* «лапша» или *цзя̌оцзы* «пельмени». Обобщение дает простую формулу: *вǒ, нǐ, чжǔ, чэ̀н* || *фàнь, мя̀нь, цзя̌оцзы*. Применение этой формулы служит доказательством тому, что *вǒ* «я», *чī* «есть» и *фàнь* «рис» являются отдельными словами точно так же, как и *нǐ* «ты», *тā* «он», *чжǔ* «варить», *чэ̀н* «накладывать», *мя̀нь* «лапша», *цзя̌оцзы* «пельмени». Вопрос здесь, однако, в том, какое число возможных подстановок следует признать достаточным для установления действенности данной формулы? Если ограничиться слишком малым числом возможных подстановок, например двумя, то совсем нетрудно будет доказать принадлежность к словам таких единиц, которые единодушно признаются морфемами. Например, из возможности перекрестной замены единиц *кэ̀* «отделение» и *цзǔ* «группа», с одной стороны, и *чжа̀н* «начальник» и *юа́нь* «член»— с другой, в комплексах *кэ̀-чжа̀н* «начальник отделения» и *цзǔ-юа́нь* «член группы» можно вывести, что все четыре однослога являются словами, точно так же как и из возможности перекрестной замены *ī н* «английский» и *жì* «японский», с одной стороны, и *ю̌й* «язык» и *вэ́нь* «письменный язык»— с другой, в комплексах *ī н-ю̌й* «английский язык» и *жì-вэ́нь* «японский письменный язык» можно доказать, что и здесь все четыре однослога являются словами. Между тем лишь очень немногие, пожалуй, согласятся считать словами шесть из указанных однослогов (кроме *кэ̀* «отделение» и *цзǔ* «группа»). Если же требования к числу возможных подстановок повысить, например, до пяти, то окажется, что очень многие единицы, которые по ряду других критериев должны считаться словами, не удовлетворяют этому условию и должны быть отнесены к морфемам. Прежде всего при таком подходе сюда попадут некоторые служебные (пустые) слова типа *хэ* «и», «с», *ды* (формант определения), *дэ* (например, в словосочетании *хǎо дэ хэ́нь* «очень хорошо»), а также конечные модальные частицы предложения. Да и из полнознаменательных слов далеко не все будут удовлетворять этому условию. С другой стороны, целый ряд глагольно-объектных комплексов допускает лишь весьма небольшое число подстановок в своем составе,— таковы, например, *кāй мǔ* «поднять занавес», «открыть»; *цǐн цзя̀* «просить отпуск», *дǎ дǔр* «соснуть», *фāнь гэ̀ньтоу* «перекувырнуться» и т. д. Так следует ли на этом основании считать все эти конструкции словами, а не словосочетаниями?

За последние годы чаще всего предлагается определение слова как «минимальной единицы языка, способной к свободному употреблению или к свободному функционированию»[3]. Приведенное определение перекликается с известным определением

---

[1] См. Ван Ли, Ханьюй юйфа ганъяо, 1946 (ср. на русском: Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики, М., 1954, стр. 22). Однако автор этой работы в одной из своих поздних статей признал *мǎ-чэ̌* и др. сложным словом (см. журн. «Чжунго юйвэнь», 1953, № 15, стр. 4).

[2] Лу Чжи-вэй, Бэйцзинхуа даньиньцы цыхуй, Пекин, 1951, стр. 13 и сл. См. также позднейшую критику этого метода самим автором (журн. «Чжунго юйвэнь», 1955, № 34, стр. 11). Кроме того, Лу Цзун-да и Юй Минь в своей совместно написанной монографии также определяют слово как «единицу, свободно заменяемую в отрезке речи», однако они добавляют еще критерий — наличие силового ударения (см. Лу Цзун-да, Юй Минь, Сяньдай ханьюй юйфа, Пекин, 1954, стр. 40).

[3] Чжан Чжи-гун и др., Ханьюй, вып. 1 и 2, Пекин, 1956, стр. 13. См. также Лу Чжи-вэй и др., Ханьюй гоуцыфа, Пекин, 1957, стр. 1.

Л. Блумфилда «minimum free form», но отнюдь ему не идентично. По Блумфилду, «free» означает способность слова к изолированному употреблению, иными словами, его способность в соответствующих условиях составить полное высказывание [1]. Предложенный метод имеет свои преимущества: он прост и точен. Однако он страдает чрезмерной узостью, ибо таким образом под категорию слова трудно подвести, например, предлоги, союзы, артикли. В применении же к китайскому языку оказывается, что невозможно изолированно употребить подавляющее большинство служебных («пустых») слов, да и некоторые из полнознаменательных слов тоже неспособны к изолированному употреблению. Таковы, например, счетные слова, некоторые слова-заместители (*чжэ̀* «этот», *нà* «тот» и *нǎ* «который», *чжэ̀мо* «этак», *нàмо* «так», *дóмо* «насколько же»). Сюда придется добавить и некоторые существительные вроде *хӯнь* «брак» (ср. *цзé хӯнь* «заключить брак»), *цзáо* «купанье» (ср. *сǔ цзàо* «принять ванну», «искупаться»). Поэтому китайские лингвисты в своем определении говорят лишь о «свободном употреблении» слова и, таким образом, считают словом как «самостоятельные» (т. е. способные к изолированному употреблению) единицы языка, так и единицы «отдельные» (но к изоляции неспособные). Но в этом именно и заключается вопрос: если «самостоятельность» или «несамостоятельность» слова различаются относительно легко, то как различить «отдельное» слово от «неотдельного»? Необходимость в более конкретном критерии все же остается.

С другой стороны, в комплексах типа *мǎ+чэ̄* «конная повозка», «извозчик» или *тě-лỳ* «железная дорога» все составные части (*мà* «лошадь», *чэ̄* «повозка», *тé* «железо» и *лỳ* «дорога») могут быть употреблены изолированно. Тем самым рассматриваемые комплексы (*мǎ-чэ̄* и *тě-лỳ*) не являются уже минимальными единицами, способными к свободному функционированию: их приходится относить к словосочетаниям. Фактически так именно квалифицируют их некоторые наши грамматисты. Но тогда оказывается возможным следующий парадокс: *чá* «чай» и *хý* «чайник» могут быть употреблены отдельно, и на этом основании *чá-хý* «чайник» оказывается словосочетанием; *бэ́й* «стакан» отдельно в речи не употребляется (в отдельном употреблении мы говорим *бэйцзы*), а потому *чá-бэ̀й* «чайный стакан», «чайная чашка» оказываются словом. Однако подобная различная трактовка одинаковых явлений противоречит чувству языка: гораздо целесообразнее было бы трактовать оба эти комплекса одинаково — либо как словосочетания, либо как слова; надо сказать при этом, что большинство лингвистов в общем склоняется в пользу второй трактовки.

Далее, многие ученые считают специфическим признаком слова его неделимость: если комплекс поддается распространению за счет введения в его состав тех или иных промежуточных элементов, — как, например, *бáй-чжǔ* «белая бумага» с возможным введением форманта определения *ды*, — значит, он является словосочетанием; если же комплекс такому распространению не поддается, как, например, *сǔнь-чжǔ* «почтовая бумага», — значит, это слово. Этот критерий имеет под собой достаточное основание: если слово представляет собой некоторую цельную единицу, значит оно не должно допускать разрыва на две отдельные части. Очень велико значение такого определения и в практике языка. Однако при практическом использовании этого критерия дело без трудностей не обходится.

Прежде всего встает важнейший теоретический вопрос: какие «промежуточные элементы» можно считать вводимыми в состав комплекса пра-

[1] См. L. Bloomfield, Language, New York, 1933, стр. 178. Еще в 1876 г. английский лингвист Суит (H. Sweet) предложил применить метод изоляции для выделения слова, но он не говорил при этом, что каждое слово непременно должно удовлетворять этому условию (см. ст. «Words, logic and grammar», «Collected papers of H. Sweet», Oxford, 1913, стр. 5—6).

вильно? Рассмотрим ряд комплексов, составные части которых могут быть разделены приведенными в скобках элементами: 1) *я́н* «баран» (*ды*) + *жоу* «мясо» = «баранина» («мясо барана»); *гуа̀* «висеть» (*ды*) + *ту́* «карта» = «настенная карта» («висящая карта»); 2) *мӑ* «лошадь» (*цзоу* «идти» + формант определения *ды*) + *лу́* = «проезжая дорога», «улица» («дорога, по которой бежит лошадь»); 3) (*чэ̄н* «наложить») *фа̀нь* «рис» (*ды*) + *ва̀нь* «чашка» = «пиала для риса» («чашка, в которую накладывают рис»); *юа́нь* «круглый» (*ды*) + *чжо̄* «стол» (*цзы* — суффикс) = «круглый столик»; 4) *нюй* «женщина» + (*сюе́* «учиться») *шэ̄н* «ученик» = «ученица», «учащаяся». Следует ли подобные комплексы принимать за словосочетания? Совершенно очевидно, что далеко не всякие разделяющие элементы, вводимые в состав комплекса, могут быть признаны вводимыми правильно; здесь необходимо соблюдать определенные условия. Одним из таких условий является требование, чтобы после распространения данного комплекса не произошло очевидного изменения его значения. Принятие такого условия исключает комплексы второго типа. Другое условие заключается в том, что вводимые в состав комплекса элементы не должны ставиться впереди первой или позади второй части комплекса: это исключает третью группу приведенных примеров. Для исключения комплексов четвертого типа необходимо дополнительно установить, что вводимые в состав комплекса разделяющие элементы должны быть либо словами, либо вспомогательными морфемами, но никак не знаменательными морфемами. Наиболее же спорными оказываются комплексы первого типа. Одни ученые во всех случаях трактуют их как словосочетания, другие считают необходимым внести дополнительно еще следующее ограничение: нужно, чтобы форма, полученная после распространения комплекса, могла быть подставлена на его место в то же предложение[1]. Это ограничение позволяет определять комплексы *я́н-жоу* «баранина» и *гуа̀-ту́* «настенная карта» как слова, ибо нельзя сказать «*вэ̆ мӑйла ӣ-цзэ̄нь я́н-ды жоу*» или «*ця́н-ша̀н ю̆ ӣфэ̆-ю̀ гуа̀-ды ту́*».

Такова одна сторона вопроса. Исходя из другой стороны дела, вполне резонно будет спросить: безусловно ли является словом всякий комплекс, не поддающийся распространению? Возьмем фамилии и имена людей, например *Мэй Лань-фан*. Такой комплекс нет никакой возможности распространить. Между тем на вопрос «как Ваша фамилия?» ответ может быть дан просто: «*Мэй*», а на вопрос «как Ваше имя?» последует ответ: «*Лань-фан*». Так что же такое *Мэй Лань-фан* — одно слово или два?

В качестве исключения из указанного выше правила часто приводят образования еще двух типов: известную часть глагольно-объектных комплексов и ряд глагольно-результативных комплексов, которые хотя и могут быть распространены, но тем не менее, согласно мнению этих лингвистов, должны быть признаны словами — здесь принципом нераздельности слова следует будто бы поступиться в пользу принципа внутренней взаимозависимости частей комплекса. Глагольно-объектные комплексы, о которых здесь идет речь, принадлежат к следующему типу: *цзю̆й-гӯн* «кланяться», *гӯ-чжа̀н* «аплодировать», *фа̀н-сюе́* «распустить на каникулы», *цӣ-цао̀* «написать начерно», *фу́-ю̀* «служить» и т. д. Все эти комплексы могут быть разделены введенными между ними словами: *цзю̆йла ӣгэ гӯн* «сделать (один) поклон», *гӯла ӣ-чжэнь чжа̀н* «разразиться аплодисментами», *фа̀нла ӣ тя̄нь сюе́* «распустить на каникулы на один день», *цӣ ӣгэ цао̀* «написать (один) черновик», *фу́ ӣ-цы ю̀* «сослужить (одну) службу» и т. д. Однако в этих комплексах либо глагол нельзя употребить отдельно без данного дополнения (в первых четырех примерах), либо как глагол, так и дополнение не употребляются по отдельности (в последнем примере). Некоторые ученые считают, что такие комплексы, независимо от того, употреблены ли их составные части вместе или врозь, все равно являются словом, — его

[1] Лу Чжи-вэй и др., указ. соч., стр. 8, 22.

особой разновидностью —«разделяемым словом». Другие ученые считают, что эти комплексы в слитном виде являются словом, в раздельном же употреблении представляют собой два слова. Они называют такие комплексы «раздельно-слитными словами»[1].

Однако такой подход к вопросу создает трудности двоякого рода. В теоретическом отношении это равносильно признанию, что словом можно считать лишь такую форму, которую можно употреблять изолированно; выше мы уже говорили, что в применении к китайскому языку, как правило, нежелательно было бы стеснять себя такими узкими рамками. В практическом же отношении при указанной установке тоже возникают большие неудобства, ибо глагольно-объектные комплексы являются структурной формой, занимающей в китайском языке превалирующее положение, их число чрезвычайно велико, и в составе предложения они в основном одинаково подвижны [ср. приведенные выше примеры с комплексами *кàнь-шӯ* «читать» («смотреть книгу»), *сě-цзы* «писать» («писать иероглифы») и т. д.]. Принадлежность этих комплексов к словосочетаниям не отрицает никто. Если бы мы разбили эти структуры на две категории — слова и словосочетания, то при столь нечетком различии между этими двумя категориями мы оказались бы неизбежно вынужденными при пользовании фонетическим письмом каждый раз наводить соответствующие справки в словаре. Еще одна, относительно меньшая, трудность возникает в отношении раздельного или слитного написания этих комплексов в случае редупликации их глагольной части. Как, например, писать «поаплодировать»: *гӯгучжӑн* или же *гӯгу чжӑн*?

Что касается глагольно-результативных комплексов, то, во-первых, некоторые из них вообще не поддаются распространению; таковы, например, *цзя̄цян* «усилить» или *яньчӑн* «удлинить». Другие же поддаются распространению в ограниченных масштабах, допуская лишь введение в свой состав элементов *дэ* и *бу* при выражении возможности или невозможности совершения действия. Таковы, например, *сě* (*дэ*, *бу*) *вáнь* «(может, не может) дописать», *фàн* (*дэ*, *бу*) *ся̀* «(можно, нельзя) положить», *сӯн* (*дэ*, *бу*) *чӯ* «(можно, нельзя) выслать». Глагольно-результативные комплексы третьего типа распространяются свободно, например *чī* (*дэ хэ̀нь*, *дэ ю̌ ба̄фэнь*) *бǎо* «наелся (очень, почти) досыта», *кàнь* (*дэ хэ̀нь*, *дэ бу шӣфэнь*) *чжӯнь* «разглядеть (очень, не совсем) точно». Первая разновидность глагольно-результативных комплексов представляет собой слово, в этом отношении разногласий нет; в отношении второй, как и в отношении указанных выше глагольно-объектных комплексов, разногласия существуют: одни считают данные комплексы при любых условиях словами[2], по мнению других языковедов, словами они являются лишь в случае слитного их употребления[3]. В этом случае данная трактовка не создает таких затруднений, как в случае с глагольно-объектными образованиями, ибо данным комплексам уже не противопоставлено однотипное словосочетание, что обусловливало трудноуловимое различие между тем и другим. Различие между третьим и вторым типами является здесь чисто теоретическим, ибо способные к свободному распространению комплексы тем самым способные и к ограниченному распространению (ср. *чī дэ бу бǎо* «ел не досыта» и *чī бу бǎо* «пельзя наесться досыта») и, с точки зрения орфографии, конечно, должны трактоваться одинаково с примерами второго типа.

Многие лингвисты обращают внимание на фонетическую характеристику слова. Например, говорят, что слову свойственно иметь одно сило-

[1] Лу Чжи-вэй и др., указ. соч., стр. 90—92.

[2] Лу Цзун-да, Юй Минь, указ. соч., стр. 36, 118. Авторы этой книги наравне с некоторыми другим авторами считают *дэ* и *бу* в указанном положеши «инфиксами». С точки зрения всей структуры китайского языка, такая трактовка вряд ли может быть принята.

[3] Лу Чжи-вэй и др., указ. соч., стр. 78—82; Линь Хань-да, Шэммо бу ши «цы», стр. 9.

вое ударение[1]. Это правильно. Но при определении границ слова полезность применения этого критерия оказывается ограниченной: можно сказать, что в данном отрезке речи по меньшей мере содержится столько слов, сколько в нем силовых ударений, однако нельзя говорить, что в отрезке речи содержится лишь столько слов, сколько в нем силовых ударений, ибо некоторые односложные слова (главным образом служебные) в составе отрезка речи вообще не несут на себе силового ударения.

Относительно наличия силового ударения в китайском языке пока нет единого мнения; в противоположность этому нейтральный («легкий») тон — явление, различаемое без особых затруднений. Наличие нейтрального тона часто используется при доказательстве того, что данный двуслог или трехслог является словом[2]. Однако полезность применения этого критерия тоже оказывается ограниченной, ибо, с одной стороны, нельзя утверждать, что двуслог или трехслог, в котором ни один слог не произносится в нейтральном тоне, всегда и во всех случаях является словосочетанием, а с другой стороны, нельзя также и сказать, что всякий слог, произносимый с нейтральным тоном, никогда не является словом.

В китайском языке известны явления изменения тонов, что также было использовано в качестве основания для выделения слова. Возможно, что в тех или иных местных диалектах изменение тона при известных условиях и может быть использовано в целях различения слова и словосочетания, однако, если говорить с точки зрения фонетики пекинского диалекта, такой критерий оказывается совершенно бесполезным. В подавляющем большинстве слов изменение тона не имеет места, и, наоборот, при надлежащих условиях изменение тона может происходить в словосочетаниях и даже в предложениях. Возьмем, например, *вǒ мǎй→вǒ мâй* «я покупаю», *мǎй мǐ→мâй мǐ* «покупать рис», *вǒ мǎй мǐ→вǒ мāц̑ мǐ* «я покупаю рис».

Немалое число лингвистов обратили внимание на паузы в произношении (фактические и возможные), полагая, что их можно считать вехами, отмечающими границы слова[3]. В середину многосложного слова никак не могут быть введены междометия неуверенности *э*, *эн* или *чжэ̀гэ...чжэ̀гэ*. Если неспециалисту, имеющему, однако, некоторое представление о том, что такое слово, предложить записать отрезок речи при помощи звукового письма, то этот человек, как правило, не напишет слитно две единицы, которые могут быть разделены паузой. Однако, если у нас есть все основания утверждать, что части одного слова не могут разделяться паузой, то говорить о том, что все заключенное между двумя паузами обязательно является словом, у нас нет никаких оснований. В предложении *нǐ цю̀й гэнь тā шō* «пойди поговори с ним» или в предложении *вǒ лâйла сāнь тя̄нь ла* «я приехал три дня назад» между *гэнь* «с» и *тā* «он» или между *сāнь* «три» и *тя̄нь* «день» пауза сделана быть не может. Однако оба эти комплекса, очевидно, следует трактовать как словосочетания.

Из всего сказанного следует ряд выводов:

1. Единица языка, которая может быть изолирована в составе отрезка речи, является словом,— но это не значит, что всякое слово может быть изолировано.

2. Слово может быть единицей, способной к изотипной замене, однако не все единицы, допускающие изотипную замену, являются словами.

---

[1] Лу Цзуп-да, Юй Минь, указ. соч., стр. 41, 55, 73.

[2] См. Лу Чжи-вэй и др., указ. соч. Необходимо заметить, что «нейтральный тон» и «силовое ударение» не противопоставлены друг другу, ибо слог нейтрального тона является обязательно безударным, в то время как неударенный слог необязательно изменяет свой тон на легкий.

[3] См. об этом: Лу Чжи-вэй и др., указ. соч., стр. 28 и далее; Линь Хань-да, Шэммо бу ши «цы», стр. 6—9; Yuen-ren Chao, Mandarin primer, Cambridge (Mass.), 1948, стр. 37.

3. Слово не может быть разделено на части, однако не все, что не допускает разделения, обязательно является словом.

4. Слово не может иметь два силовых ударения, однако не всякий комплекс, имеющий в отрезке речи одно силовое ударение, обязательно является словом.

5. В слове могут иметься слоги нейтрального тона, однако не каждое слово содержит слог или слоги нейтрального тона; тем более нельзя утверждать, что любой однослог нейтрального тона не является словом.

6. В середине слова пауза невозможна, но это не значит, что в отрезке речи число слов соответствует числу пауз.

Таким образом, во всех этих перечисленных пунктах значение для выделения слова имеют не столько выведенные позитивные критерии, сколько сформулированные негативные условия. Совершенно очевидно, что попытка выделить все существующие слова на основании какого-то единственного критерия окажется совершенно несостоятельной. Однако если мы признаем, что в китайском языке существуют неодинаковые разновидности слова, тогда, применяя соответствующим образом каждый из перечисленных критериев, мы может достигнуть нашей цели. За последние годы китайские языковеды постепенно пришли к пониманию, что положение слов в языке не является одинаковым, что в языке существуют: 1) типологически совершенные, полные слова; 2) неполные слова, т. е. слова, близкие к морфемам; 3) протяженные слова, т. е. слова, близкие к словосочетаниям. В общем и целом типологически совершенные слова могут быть опознаны методом изоляции; к ним принадлежит огромное большинство «знаменательных слов». После выделения в данном отрезке речи всех типологически совершенных слов мы получаем в остатке неполные слова[1]. К этой категории относятся «пустые слова» и часть «знаменательных слов». Вопрос, таким образом, сводится к различению неполноценных слов и аффиксов. Здесь может быть использован принцип нераздельности слова: слово можно выделить, применяя способ распространения. Благодаря этому способу наречия, предлоги, союзы и модальные частицы могут быть дифференцированы от аффиксов. Единственная сложность здесь остается в отношении дифференциации частиц типа *ды* и *дэ* от аффиксов. Служебные частицы — тоже своеобразные аффиксы, с той лишь принципиальной разницей, что они способны оформлять не только слово. Поэтому изъятый из контекста отрезок речи, состоящий из служебной частицы вместе с окружающими ее словами, сплошь и рядом не может быть употреблен отдельно.

Что же касается различения протяженного слова и словосочетания, то средством для такого различения могут послужить речевая пауза и другие фонетические признаки, да и прием распространения тоже оказывается здесь небесполезным.

Изложенные здесь выводы приемлемы для большинства китайских лингвистов. Конечно, все это — лишь основные принципы для выделения слова в китайском языке, и вследствие особой сложности вопроса по отдельным деталям споры будут продолжаться и впредь.

Перевел с китайского
И. М. Ошанин

---

[1] Относительно полных и неполных слов см. Лу Чжи-вэй и др., указ. соч., стр 14; это — те самые «full word» и «half word» у Суита (см. указ. соч., стр. 6). Ср. также А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 192—193.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1959

Н. И. ПРОКОПОВИЧ

К ВОПРОСУ О ПРОСТЫХ И СЛОЖНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ

Сам по себе вопрос об объеме словосочетания в общей теории синтаксиса и в истории научной его разработки занимает скромное место. Значение этого вопроса определяется главным образом его неразрывной связанностью с тем или другим пониманием с у щ н о с т и словосочетания, его отношения к другим языковым единицам — предложению и слову. Поэтому, с одной стороны, решение этого вопроса обусловлено той или другой общей концепцией словосочетания, а с другой — то или иное решение в свою очередь служит либо подтверждением этой общей концепции, либо, напротив, вступает с ней в противоречие.

Хотя вопрос об объеме словосочетания и не стоял в центре внимания исследователей и теоретиков синтаксиса, почти все они в различной степени его касались. Ученые, рассматривавшие предложение лишь в качестве разновидности словосочетания (Ф. Ф. Фортунатов, М. Н. Петерсон в начале своей научной деятельности, на Западе — И. Рис и др.), специально не ставили вопроса об объеме и границах словосочетания, так как в последнее включались даже сложные предложения. Это же можно сказать и о тех ученых (А. А. Шахматов, А. М. Пешковский), которые, опираясь на синтаксическую концепцию Фортунатова, хотя каждый различно, стремились к объединению учения о словосочетании с учением о предложении. В работах этих ученых отмечается минимальный объем словосочетания — наличие по крайней мере двух полнозначных слов. Такое указание находим, например, у Фортунатова, определявшего словосочетание как «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения или выражение его части»[1]. Следует отметить, что Пешковский в стремлении непременно вывести предложение из словосочетания, как известно, склонялся к парадоксальному утверждению о наличии в языке одночленных словосочетаний, считая возможным в определенных случаях приравнивать к последним слова (однословные предложения). Однако в определении словосочетания указывается в качестве его минимального объема два компонента («словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли») [2].

В западноевропейской науке определение синтагмы как понятия чрезвычайно широкого и применимого не только в синтаксисе, но и в морфологии было выдвинуто Ф. де Соссюром и вытекает из его общей лингвистической концепции. Как известно, де Соссюр относил к синтагмам любые соединения смежных языковых элементов, которые «выстраиваются один за другим в речевой цепи» и выражают отношения определяющего и определяемого. В соответствии с этим, по определению де Соссюра, «синтагма всегда состоит из двух или нескольких последовательных единиц» [3]. Та-

[1] Ф. Ф. Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, «Труды I съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПб., 1904, стр. 393.

[2] А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 63.

[3] Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1938, стр. 121.

ким образом, под понятие синтагмы подводятся и морфемы производного слова, и предложно-падежные формы, и словосочетания, и соединения подлежащего со сказуемым, и даже части сложного предложения. С другой стороны, в определении синтагмы нет указания на обязательную ее двучленность; указывается лишь минимальный объем синтагмы — два элемента, два члена.

Лингвистическое учение Ф. де Соссюра оказало огромное влияние на дальнейшее развитие науки о языке на Западе. Основные принципы этого учения в большей или меньшей мере, прямо или косвенно были восприняты всеми школами современной структуральной лингвистики.

Применение структуралистских методов в области синтаксиса не привело пока к сколько-нибудь ощутимым результатам. Нет общей теории структурального синтаксиса, не разработаны методические основы для изучения синтаксиса отдельных языков [1]. Попытки применения общих установок и принципов к практике изучения и описания синтаксического строя национальных языков не только вносят мало нового (если не считать обилия новых терминов), но нередко свидетельствуют о возврате в известной мере к синтаксической традиции [2].

Об этом же свидетельствуют и более ранние по времени работы и исследования непосредственных учеников и последователей Ф. де Соссюра — представителей женевской и пражской школ (Ш. Балли, Н. Трубецкого, С. Карцевского и др.). Намеченное в «Курсе» Ф. де Соссюра лишь в самых общих чертах, учение о синтагме в их работах получает дальнейшее развитие. Прежде всего возникла необходимость уточнить самое понятие синтагмы, поскольку наряду с этим термином в указанном предельно абстрактном понимании де Соссюра непременно должны существовать другие термины для наименования различных понятий, поглощаемых термином «синтагма».

С таким именно фактом мы и встречаемся в упомянутых выше работах. Действительно, хотя словосочетание (как одна из разновидностей синтагмы в соссюрианском понимании этого термина) и слово обнаруживают известную близость, выступая в языке в качестве номинативных единиц и используясь в целях коммуникации только в строе предложения, они не только не тождественны, но и совершенно различны.

Различие между частями слов (морфемами) и членами словосочетания принудило С. Карцевского выделить в кругу синтагм две разновидности: синтагмы «внутренние» (т. е. морфемы) и синтагмы «внешние» (т. е. синтаксические единицы, близкие к словосочетанию в понимании Фортунатова и ряда других ученых)[3]. Именно эта внешняя синтагма используется С. Карцевским и для выяснения структуры предложения (фразы), представляющего собой цепной ряд синтагм, в котором знаменательные слова

[1] См. ответы Б. Гавранка, К. Горалка, В. Скалички и П. Троста на вопрос «Что нового внесла структуральная лингвистика в историческое и сравнительно-историческое изучение славянских языков?», ВЯ, 1958, № 2.

[2] Несомненный интерес в этом плане представляет статья В. Г. Адмони «Развитие синтаксической теории на Западе в XX в. и структурализм» (ВЯ, 1956, № 6), посвященная рассмотрению синтаксических построений двух течений современного структурализма — датских структуралистов (В. Брёндаль и особенно Л. Ельмслев) и американских дескриптивистов (работа Р. Холла, посвященная французскому языку, работа Дж. Трейджера и Г. Л. Смита и книга Ч. Фриза, посвященные английскому языку). Отмечая отдельные положительные черты в подвергнутых анализу работах, В. Г. Адмони приходит к выводу, что, «как это парадоксально ни звучит, с точки зрения анализа системы отдельного языка в ее цельности и своеобразии структурализм не причастен к тем достижениям, которые характерны для современной синтаксической теории, а, скорее, продолжает традиции старого эмпирического синтаксиса», а с другой, «что структурализм — по крайней мере в области синтаксиса — вряд ли является основным и обобщающим методом лингвистического анализа» (стр. 64), хотя отдельные его положительные стороны и должны быть учтены в дальнейшей разработке синтаксической теории и практики.

[3] См. С. О. Карцевский, Повторительный курс русского языка, М., 1928; см. также его «Système du verbe russe», Prague, 1927.

могут быть определяемыми по отношению к одним словам и одновременно определяющими — к другим.

С другой стороны, хотя в предложении и словосочетании можно обнаружить некоторые сходные черты, эти языковые единицы не только не тождественны, но и качественно различны. Примечательно в связи с этим стремление в ходе развития учения Ф. де Соссюра разграничить синтагмы-предложения и синтагмы-непредложения, синтагмы предикативные и непредикативные.

Так, Н. С. Трубецкой различает, с одной стороны, синтагмы определительные (déterminatifs), образованные определяемым и определяющим, и синтагмы предикативные, образуемые подлежащим и сказуемым (ср. незаконченные и законченные словосочетания у Фортунатова). Кроме того, выделяется и еще один разряд, который составляют синтагмы сочинительные (sociatifs)[1]. Последние соотносительны с синтагмами первых двух разрядов, вместе взятых, ибо вызывают представление о несочинительных (или, иначе, подчинительных) синтагмах. Такое уточнение находим в более поздней по времени статье А. Фрея «Заметки по анализу синтагм», который сочинительным (или координационным) противопоставляет синтагмы подчинительные (syntagmes de subordination) [2].

Большой вклад в разработку общей теории синтаксиса внес своим трудом «Общая лингвистика и вопросы французского языка» Ш. Балли (русск. перевод—М., 1955), хотя в его синтаксической концепции, в частности в высказываниях о синтагме, немало неясностей и противоречий [3]. В синтаксических построениях Ш. Балли центральное место отводится теории высказывания (см. §§ 26—212 его книги), в которой всестороннему анализу подвергается предложение как «наиболее простая возможная форма сообщения мысли» (§ 27). Учение же о синтагме включается в качестве составной части в эту теорию (см. раздел «Синтагматика»— §§ 151—163), играя в ней подчиненную роль. Больше того, сама синтагма выводится из предложения и рассматривается в первую очередь в качестве конструктивного элемента в его составе (ср. соотношение предложения и словосочетания, законченного и незаконченного словосочетания в синтаксической концепции Шахматова). «Всякое высказывание,— пишет Балли,— логически состоит из двух членов: того, о чем говорят, и того, что об этом говорят; то, что об этом говорят, составляет повод, или (в широком смысле) предикат; член же, представляющий собою причину повода, является темой, или (в широком смысле) субъектом» (§ 154). Тему Балли условно обозначает буквой A, повод — Z. Далее следует определение синтагмы: «Любая совокупность знаков, отвечающая формуле AZ, называется синтагмой; следовательно, синтагмой являются как предложение, так и любая бóльшая или меньшая группа знаков, которую можно свести к форме предложения» (§ 155).

В кругу синтагм выделяются, с одной стороны, полные синтагмы, которые «представляют собой, естественно, предложения», а с другой — неполные, частичные синтагмы, являющиеся «частями предложения» (§ 161). Для последних «тему» принято заменять определяемым, а повод — определяющим. Особую группу синтагм составляют так называемые composés, к которым Балли относит и собственно сложные слова, и фразеологические сочетания различного типа, а также свободные, но тесно связанные по смыслу сочетания слов, способные выступать в качестве наименования предмета и часто допускающие в связи с этим замену одним словом — синонимом (§ 154).

Нужно особенно подчеркнуть, что, в отличие от де Соссюра, Балли

[1] См. N. Trubetzkoy, Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini, сб. «Mélanges Bally», Genève, 1939.

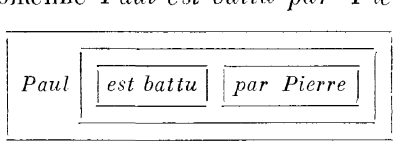
[2] H. Frei, Notes sur l'analyse des syntagmes, «Word», vol. 4, № 2, 1948.

[3] См. в «Общей лингвистике...» Ш. Балли вступительную статью Р. А. Будагова, а также указ. статью А. Фрея.

приходит к следующему выводу: всякая синтагма непременно состоит из двух членов, двух элементов. «Всякая синтагма бинарна», — пишет он и тут же совершенно правильно, на наш взгляд, утверждает: «Таким образом, синтагматическое отношение исключает сочинение и происходящие от него сочетания» (§ 155). Однако, несмотря на это, в число синтагм включаются такие сочинительные синтагмы, как «мужчины, женщины и дети», «красно-бело-голубой» и т. п. Противоречивость тезиса Балли о бинарности синтагмы обнаруживается и при обращении к тем синтагмам, которые являются предложениями, так как в кругу последних представлены не только двучленные (иначе диремы), но и «предложения с одним артикулируемым членом» (т. е. монаремы), например «Великолепно!» («Magnifique!»), «За дверь!» («A la porte!») (§ 62 и сл.) [1].

В связи с этим большой интерес представляет полемика по вопросу об объеме синтагмы между югославским лингвистом Ф. Микушем и А. Фреем. В статье «Бинарна ли синтагма?» [2] Ф. Микуш прежде всего не соглашается с определением синтагмы у Марузо, точнее с указанием на то, что синтагма состоит из «двух или нескольких знаков». По мнению Микуша, синтагма по своему существу всегда остается двучленной, бинарной.

В подтверждение постоянной бинарности синтагмы приводятся специально подобранные автором примеры из французского языка. Например, синтагма-предложение *Paul est battu par Pierre* членится по схеме:



Каждая группа знаков, заключенная в рамку, представляет собой синтагму и состоит только из двух членов.

В своих «Заметках по анализу синтагм» А. Фрей, возражая Ф. Микушу, высказывает ряд интересных мыслей по вопросу о сущности синтагмы. Подчеркивая, что у Трубецкого нет специального указания на бинарность или небинарность (non-binarité) синтагмы, он вслед за Трубецким признает существование социативных синтагм, но считает при этом, что последние, «совершенно очевидно, не могут интерпретироваться» как двучленные, бинарные. Подкрепляя эту мысль ссылкой на других исследователей, а также анализом ряда примеров (в число которых входят и сложные слова), Фрей, возражая Микушу, пишет: «Если хотят утверждать, что всякая синтагма двучленна, то придется отношение координации исключить из области синтагматики». Напротив, если признать эти отношения синтагматическими, то тогда нужно сделать вывод, что синтагма не всегда двучленна.

Как же решается этот вопрос? Фрей стремится сохранить отношения координации в кругу синтагматических отношений. Он ссылается на де Соссюра, который «специально не ставил этой проблемы, но в своем „Курсе“ рассматривал такие соединения, как „rouge-blanc-bleu“, в качестве синтагмы, но не бинарной». Делается ссылка также на то место «Курса», где рассматриваются составные числительные. Сохраняя общее понятие синтагмы, данное де Соссюром, Фрей считает нужным различать синтагмы подчинительные, которые могут быть только двучленными (бинарными), и синтагмы сочинительные, координационные («les syntagmes sociatifs de Troubetzkoy»), которые являются одни двучленными, другие не-

[1] Ср. высказывания о синтагмах-монаремах И. И. Мещаниновa в статье «Синтаксические группы» (ВЯ, 1958, № 3).

[2] F. Mikus, Le syntagme est-il binaire?, «Word», vol. 3, № 1—2, 1947. См. также: F. Mikus, Quelle est en fin de compte la structure-type du langage, «Lingua», vol. III, 4, 1953; Ф. Микуш, Обсуждение вопросов структурализма и синтагматическая теория, ВЯ, 1957, № 1.

двучленными. В связи с этим положение Балли о двучленности (бинарности) синтагмы предлагается заменить таким: «всякая подчинительная синтагма бинарна»[1].

Таким образом, обращение к изучению и описанию синтаксического строя отдельных национальных языков, как и разработка общей теории синтаксиса, привели учеников и последователей Ф. де Соссюра к выдвижению дополнительных терминов, наполненных конкретным содержанием и необходимых для обозначения реально существующих в языках синтаксических фактов и явлений (внешняя синтагма и внутренняя синтагма; синтагмы предикативные и атрибутивные, или полные и неполные; синтагмы подчинительные и сочинительные).

Весьма важную роль в этом плане сыграл анализ синтагмы с точки зрения ее объема, точнее количества составляющих ее элементов. В связи с этим выделяются как особые единицы социативные, или сочинительные, синтагмы, которые противопоставляются качественно отличным от них синтагмам подчинительным (т. е. предикативным и атрибутивным) (Балли, Фрей). Так выдвигается еще один аргумент в пользу теории словосочетания, которая не включает сочинительные сочетания слов («социативные синтагмы») в систему словосочетаний[2].

Как показывает история разработки синтаксиса, попытки объединения (или, точнее сказать, смешение) двух столь различных языковых единиц, как предложение и синтагма («внешняя синтагма», или в русском языкознании — словосочетание), несмотря на различия в обосновании, а также в терминах (ср. законченные и незаконченные словосочетания у Фортунатова, предикативные и определительные синтагмы у Трубецкого, полные и частичные у Балли), неизбежно приводят или к умолчанию об однословных предложениях, или к парадоксальному утверждению об однословных (одночленных) синтагмах (словосочетаниях). Ведь в тех случаях, когда предложение признается одной из разновидностей синтагмы (словосочетания), закономерно возникает вопрос о том, как быть с предложениями-словами. В русском языкознании этот вопрос возник перед А. М. Пешковским, вынужденным — хотя и с оговорками — отнести к словосочетаниям и однословные предложения. В. В. Виноградов объясняет это тем, что Пешковский не считался с фактом, что основные признаки предложения лежат за пределами форм словосочетаний»[3].

Вряд ли можно, как это предлагает Фрей, объединять в одну группу подчинительных синтагм, как всегда бинарных (двучленных), синтагмы предикативные и синтагмы определительные, поскольку в состав подчинительных синтагм последователи де Соссюра обычно включают и слова-предложения (моноремы, по Балли).

*

В советском языкознании последнее десятилетие характеризуется особенно большим интересом к проблеме словосочетания. Однако и до настоящего времени многие важные вопросы теории остаются недостаточно изученными. В частности, специальному исследованию еще не подвергался вопрос об объеме и границах словосочетания, хотя он попутно (и в различной мере) затрагивается в работах многих советских языковедов.

А. А. Реформатский, рассматривая синтагму как «сочетание двух членов, связанных тем или иным подчинительным отношением»[4], в самом

---

[1] H. F r e i, указ. соч., стр. 67.

[2] См. «Введение» ко II т. (ч. 1) академической «Грамматики русского языка» (М., 1954), написанное акад. В. В. Виноградовым.

[3] См. В. В. В и н о г р а д о в, Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 39.

[4] А. А. Р е ф о р м а т с к и й, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 253.

определении подчеркивает ее двучленность. Так как при этом предложение определяется как «высказывание, содержащее предикативную синтагму»[1], А.Реформатский встречается с тем же затруднением, с каким и раньше сталкивались ученые, не разграничивающие синтагму (словосочетание) и предложение: оказывается необходимым каким-то путем ввести в синтаксис однословные предложения.

Преодолевается это затруднение двумя путями. Двучленность однословных глагольных предложений типа *Морозит* «доказывается» путем морфологического анализа слова, в результате которого выделяются два элемента: основа (*мороз-*) и флексия (*-ит*) [2], хотя А. А. Реформатский вслед за С. Карцевским различает «синтагмы внешние» и «синтагмы внутренние». Двучленность однословных предложений иного типа (а их много: номинативные, инфинитивные и др.), очевидно, указанным выше способом доказать невозможно: такие предложения просто объявляются «скрытыми синтагмами» (ср. у Пешковского). При этом понятие, вкладываемое в данный термин, остается нераскрытым.

Рассматривая вопрос об объеме синтагмы, нельзя вкратце не остановиться и на «синтаксических группах» И. И. Мещанинова. «Выделяемые мною синтаксические группы,— пишет акад. Мещанинов,— рассматриваются как двучленные построения, передающие предикативные, атрибутивные и объектные отношения. Первая из них по своему содержанию соответствует предложению. Вторая и третья представляют собою двучленные по своему составу части предложения»[3]. Для однословных предложений И. И. Мещанинов вводит термин (и понятие) «бинармы», которая представляет собой понятийную категорию в отличие от синтаксической группы как категории грамматической [4]. В соответствии с этим в таких, например, однословных предложениях, как *Дождь!* или *Идет!*, как отмечает акад. Мещанинов, «синтаксическая группа отсутствует, так как имеется лишь один несинтагматизированный член предложения, содержание же бинармы остается тем же»[5] (ср. «скрытую синтагму» у А. А. Реформатского).

Справедливо отмечая сложность и недостаточную разработку вопроса об объеме и границах словосочетания, В. П. Сухотин ограничивается лишь некоторыми наблюдениями по этому вопросу [6]. Он подчеркивает большую роль, которую играют в образовании словосочетаний парные соединения полнозначных слов, отмечает довольно широкое распространение в русском языке трехсловных и четырехсловных словосочетаний и приводит краткий перечень различных типов сочетаний многословного образования. Сочинительные соединения слов В. П. Сухотин считает словосочетаниями особого типа, отличающимися от собственно словосочетаний и с точки зрения их объема [7].

Хотя В. В. Виноградов относит вопрос об объеме словосочетания к малоизученным, его работы вносят ясность в этот сложный и, как мы видели, запутанный вопрос. Принципиальное отличие теории словосочетания, выдвинутой В. В. Виноградовым, от других соответствующих, а вместе с тем и несомненное преимущество ее перед другими заключается прежде всего в том, что словосочетание сопоставляется как с предложением, так и со словом, но не отождествляется и не смешивается с ними. Словосочета-

[1] А. А. Реформатский, Введение в языкознание, стр. 260.
[2] Там же, стр. 254.
[3] И. И. Мещанинов, указ. соч., стр. 31.
[4] Там же, стр. 32.
[5] Там же, стр. 33.
[6] В. П. Сухотин, Синтаксис прозы М. Ю. Лермонтова (Словосочетание), т. 1—2. Докт. диссерт., М., 1950; см. его же, Глагольные словосочетания с винительным падежом в прозе М. Ю. Лермонтова, сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, 1953, и др.
[7] В. П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном русском языке, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», стр. 155—157.

ние, по определению В. В. Виноградова, представляя собою синтаксическую конструктивную единицу, служит средством номинации, сближаясь таким образом со словом, но сохраняя резкое отличие от отдельного (даже сложного) слова. Коммуникативную функцию словосочетание, как и слово, выполняет лишь при посредстве предложения в его составе. Словосочетание лишено основных признаков предложения (синтаксические категории модальности, времени, лица, а также интонация сообщения) и потому качественно отличается от него, хотя и постоянно взаимодействует с ним.

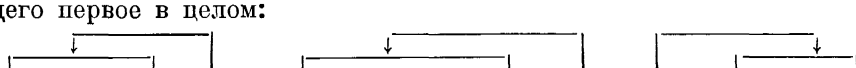
В соответствии с этим В. В. Виноградов рассматривает типы словосочетаний как «исторически сложившиеся в языке формы грамматического объединения двух и больше знаменательных слов, лишенные основных признаков предложения, но создающие расчлененное обозначение единого понятия»[1]. Таким образом, выделяются прежде всего наиболее употребительные словосочетания, состоящие из двух полнозначных слов, иначе простые словосочетания. Эти последние могут распространяться другими словами, образуя словосочетания сложные, состоящие из трех и более слов. Границы сложного словосочетания определяются возможностью выступать в качестве единого, хотя и сложного обозначения предметов, действий, качеств. С другой стороны, усложнение словосочетания не может выходить за рамки так наз. непредикативных сочетаний слов.

*

Сложные словосочетания, т. е. состоящие из трех и более полнозначных слов, при значительном их разнообразии могут быть сведены по существу к трем основным типам[2].

Первую группу составляют сложные словосочетания такой структуры: простое словосочетание плюс зависимое от него отдельное слово. Сюда относятся такие, например, адъективные словосочетания, как выделенные в приведенных ниже предложениях: 1) «В его душе пробуждалось смутное сожаление к тем *близким ему* ***по крови*** людям, которые...» (Мамин-Сибиряк, Приваловские миллионы); 2) «...нигде не могли бы достовернее сказать о *широко известном* ***в городе*** актере» (Федин, Необыкновенное лето); 3) «Он зорко следил за тем, чтобы все солдаты...берегли оружие и держали его ***всегда*** *готовым к бою...*» (Бубеннов, Белая береза).

Сложные словосочетания такого типа представляют собой продукт присоединения к простому словосочетанию зависимого слова, уточняющего первое в целом:



[близкие ему] *по крови*; [широко известный] *в городе*; *всегда* [готовый к бою] и т. д.

Таким образом, на основе распространения простого словосочетания, сохраняющего свое номинативное единство и выступающего в качестве стержня, возникает новое, более сложное (а вместе с тем и более конкретное), но единое по своему значению словосочетание. Ср., например, *известный* и *широко известный*, *широко известный* и *широко известный в городе* и т. д.

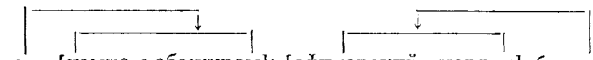
Сложные сочетания такого типа широко представлены и в кругу субстантивных словосочетаний. Например: 1) «На столе стояла ***красивая*** *лампа с абажуром*» (Л. Толстой, Анна Каренина); 2) «На нем был *офицерский* ***бюртук без эполет*** и ***черкесская*** *мохнатая шапка*» (Лермонтов, Бэла); 3) «Туркенич происходил из ***почтенной*** *краснодонской семьи...*» (Фадеев, Молодая гвардия); 4) «Ей вспомнилась... ***покосившаяся*** *хатенка около школы...*» (А. Толстой, Хмурое утро).

Эти субстантивные словосочетания также представляют собой результат распространения простых словосочетаний, состоящих в одном случае

[1] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 18—19.

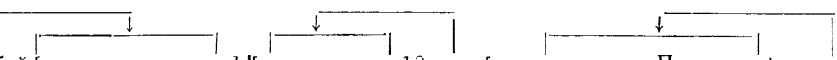
[2] Изложенные ниже наблюдения и выводы сделаны на основе изучения адъективных и частично субстантивных словосочетаний в русской художественной литературе. Примеры глагольных словосочетаний заимствованы из академической «Грамматики русского языка» (т. II, ч. 1).

из существительного и зависимого от него существительного с предлогом, а в другом — из существительного и зависимого от него прилагательного:



красивая [лампа с абажуром]; [офицерский сюртук] *без эполет* и т. д.

Сложные словосочетания подобного типа отмечаются и в системе глагольных словосочетаний. В качестве примеров можно привести такие:



с мольбой [просить о помощи]; [спасти жизнь] *другу*; [подружиться с Петровым] *на охоте*[1].

Характерные особенности рассмотренной группы сложных словосочетаний заключаются в следующем:

1. Зависимое слово, распространяющее простое словосочетание, уточняет последнее и относится по смыслу к нему в целом, а не к главному, стержневому его члену.

2. Возможность употребления зависимого слова определяется главным, стержневым словом распространяемого простого словосочетания; с ним присоединяемое зависимое связано грамматически по способу согласования или управления.

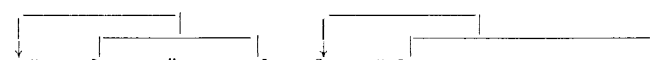
3. Зависимое слово, распространяющее простое словосочетание, и зависимое слово, входящее в состав последнего, ни по смыслу, ни грамматически друг с другом не связаны.

4. В связи со сказанным в рассмотренных сложных словосочетаниях возможны варианты в группировке представленных в них слов. Так, в сложном словосочетании ***покосившаяся*** *хатенка около школы* наряду с приведенным мог бы быть и другой вариант: *покосившаяся хатенка* ***около школы***; в сложном словосочетании *органически враждебный* ***Климу*** возможен и другой вариант: ***органически*** *враждебный* ***Климу***, и т. д. Это обусловлено употреблением словосочетания в речи, степенью смысловой связи различных членов словосочетания. При этом структурно рассматриваемый тип не меняется.

5. Таким образом, рассматриваемые сложные словосочетания по существу всегда парны: в основе их всегда лежит модель простого, двусловного словосочетания.

Вторая группа состоит из сложных словосочетаний такой структуры: стержневое (главное) слово плюс зависимое от него простое словосочетание. Таковы адъективные словосочетания, выделенные в приведенных ниже предложениях: 1) «...сколько я видел прекрасных молодых людей, *достойных* ***лучшей участи*** и уезжавших отсюда прямо под венец...» (Лермонтов, Княжна Мэри); 2) «Налево, параллельно дороге, тянулся холм, *кудрявый* ***от мелкого кустарника*** (Чехов, Враги); 3) «*Необычная* ***для начала весны*** раскохалась теплынь» (Шолохов, Поднятая целина); 4) «Затем натянутая любезность, с какой обращался с ней доктор, тоже шокировала *покорную* ***приличиям света*** натуру Хионии Алексеевны» (Мамин-Сибиряк, Приваловские миллионы).

Отношения между компонентами в структуре таких сложных словосочетаний графически можно обозначить так:



достойных [лучшей участи]; *кудрявый* [от мелкого кустарника] и т. д.

Сложные словосочетания этого типа (как и словосочетания первой группы) характеризуются номинативным единством. Следует отметить, что сложные словосочетания рассматриваемого типа могут быть подразделены на две

[1] См. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 20, 130—132.

подгруппы: а) такие, которые могут выступать только как трехсловные (см. 1-й и 3-й примеры), так как без пояснительного слова при зависимом существительном они были бы семантически, по смыслу недостаточны (ср. невозможность образования сочетаний *достойный участи* и др.); б) такие, наряду с которыми возможны и простые, двусловные (примеры 2-й, 4-й). Ср. *кудрявый* ***от кустарника*** и *кудрявый* ***от мелкого кустарника***.

Однотипны по структуре и такие субстантивные словосочетания, как приводимые ниже: 1) «Пастухов шел ***полной достоинства*** *походкой*» (Федин, Необыкновенное лето); 2)«Прохор...нервно перебирал пальцами ***скользкие от росы*** *поводья*» (Шолохов, Тихий Дон); 3) «Идут лучшие сердца, ***честного ума*** *люди...*» (Горький, Мать); 4) «*Судья* ***с бледным лицом*** поднял веки» (Горький, Мать); 5) «В... *доме* ***с белыми колоннами***... жила некогда барыня...» (Тургенев, Муму); 6)«Я увидел *необходимость* ***переменить разговор***...» (Пушкин, Капитанская дочка); 7) «Она чувствовала *потребность* ***высказаться перед Смолиным***...» (Горький, Фома Гордеев).

Как видно из примеров, в качестве зависимого члена в таких сложных единицах могут выступать адъективные, субстантивные и глагольные словосочетания; связь между членами в этих сложных словосочетаниях графически можно изобразить так:

Все сказанное относительно адъективных словосочетаний этой группы полностью относится и к субстантивным. В частности, и здесь можно выделить такие разновидности: а) словосочетания, которые могут употребляться только как трехсловные (см. примеры 1-й, 4-й, 5-й, 6-й), так как главное слово зависимого словосочетания без пояснительного семантически неполноценно [1]; б) словосочетания, наряду с которыми возможны и простые, двусловные сочетания (примеры 2-й, 5-й, 7-й). Ср. *дом* ***с белыми колоннами*** и *дом* ***с колоннами***, *потребность* ***высказаться*** и *потребность* ***высказаться перед кем-то*** и т. д.

К этой же группе примыкают сложные субстантивные словосочетания такого типа, как: *солдат* ***с винтовкой в руках***, *старик* ***с мешком за плечами***, *скатерть* ***в пятнах по краям*** и т. д. Например: 1) «На козлах сидел *лакей* ***с...хлыстом в руках***» (Чехов, Степь); 2) «*Фасад с* ***резным... крыльцом посредине*** обращен во двор...»(Горький, Жизнь Матвея Кожемякина); 3) «*Паренек* ***с пушком на губе*** и смеющаяся Фаина... — дорогие образы, оставленные у входа в жизнь» (Панова, Спутники).

Сложные словосочетания с такой же структурой обнаруживаются и в системе глагольных. Таковы, например, словосочетания: 1) «Танки *горели* ***голубым пламенем*** среди белых ромашек» (Кетлинская, В осаде); 2) «Эти дни ставка *жила* ***лихорадочной жизнью***» (Шолохов, Тихий Дон); 3) «***Быстрыми шагами*** она *шла* к дому...» (Николаева, Жатва).

В связи с наличием таких сложных глагольных словосочетаний может возникать «синонимический параллелизм функционально сближающихся двусловных и трехсловных словосочетаний». Ср. *идти* ***быстрыми шагами—быстро идти***, а также: ***тихо*** *поздороваться* и *поздороваться* ***тихим голосом***, ***вяло*** *идти — идти* ***вялой походкой*** [2].

Характерные особенности второй рассмотренной нами группы сложных словосочетаний заключаются в следующем:

1. В качестве зависимого компонента, распространяющего стержневое слово, здесь выступает не отдельное слово, а простое словосочетание. Не

[1] Ср. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 19.
[2] Там же, стр. 20.

теряя своего семантического, номинативного единства, оно в целом дополняет в каком-либо отношении распространяемое им стержневое слово и вместе с последним выражает хотя и более сложное (а вместе с тем и более конкретизированное), но единое значение.

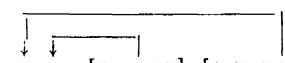
2. При этом зависимое слово в распространяющем простом словосочетании грамматически и по смыслу связано с главным (стержневым) словом только этого простого словосочетания. Лишь через него, в его составе связывается оно с главным, стержневым словом всего сложного словосочетания. Этим, в частности, сложные словосочетания второй группы отличаются от сложных словосочетаний первой группы, в которых оба зависимых слова (т. е. и зависимое слово распространяемого простого словосочетания и распространяющее последнее в целом зависимое слово), не будучи связаны друг с другом, грамматически зависят от главного слова распространяемого простого словосочетания.

3. В связи с этим, в отличие от сложных словосочетаний первой группы, в сложных словосочетаниях второй группы варианты в группировке составляющих их компонентов исключены.

4. Вместе с тем, как и словосочетания первой группы, сложные словосочетания второй группы по существу своему всегда парны в том смысле, что в основе их построения всегда лежит модель простого двусловного словосочетания.

Кроме выделенных двух основных групп, можно говорить о наличии и еще одной, т р е т ь е й, г р у п п ы, к которой относятся сложные словосочетания с такой структурой: стержневое слово плюс два (или три) зависимых слова, не связанных друг с другом и не образующих словосочетания. Сложные словосочетания такого типа отмечаются в кругу глагольных Академической грамматикой русского языка. Таковы некоторые глаголы приставочного образования, «в самой грамматической структуре» которых бывает заложена «способность распространения сразу двумя существительными», например: *вложить патрон в ружье, вдеть нитку в иголку, вбить молотком гвоздь в стену*, а также такие словосочетания, как *баллотировать стахановца в депутаты* (ср. *баллотироваться в депутаты*), *превратить пустыню в сад* (ср. *превратиться в сад*) [о пустыне] и др.

Сюда же относятся некоторые субстантивные словосочетания, например: *вдевание нитки в иголку, превращение пустыни в сад* и др. Графически структура таких словосочетаний может быть обозначена так:



вложить [*патрон*] [*в ружье*] и т. д.

Нетрудно заметить, что и в третьей группе в основе построения лежит модель простого двусловного словосочетания.

До сих пор речь шла о сложных словосочетаниях, состоящих из трех слов. В таких словосочетаниях наиболее четко выступают структурные особенности сложного словосочетания. Конечно, наряду с трехсловными встречаются сложные словосочетания с четырьмя, пятью и больше полнозначными словами, например: 1) «...пышность ее платья напоминала времена фижм, а *пестрота ее негладкой кожи... эпоху мушек из черной тафты*» (Лермонтов, Княжна Мэри); 2) «...а соперник главнокомандующего...предлагает новый проект, *диаметрально противоположный плану выхода на Калужскую дорогу...*» (Л. Толстой, Война и мир).

Даже при самом большом усложнении словосочетания способы сцепления составляющих его элементов сохраняются: в основе построения лежат различные типы сложных словосочетаний, рассмотренные выше, а в конечном счете — модели двусловных, простых словосочетаний.

Распространение, усложнение словосочетания не может быть бесконечным. В силу принадлежности словосочетания к номинативным средствам

языка его границы определяются возможностью выступать в качестве единого, хотя и расчлененного сложного обозначения действия, предмета, качества. Усложнение словосочетания не может выходить за рамки тех отношений между компонентами, которые присущи словосочетанию как особой языковой единице. Усложнение словосочетания на основе таких отношений между компонентами, которые присущи предложению или его членам (например, предикативность, модальность, однородность и др.), возможно только при реализации словосочетания в строе предложения. Поэтому такие соединения слов не могут рассматриваться в кругу словосочетаний. Так, например, к числу словосочетаний не могут быть отнесены выделенные соединения слов в предложениях: 1) «*Снегирь, отбившийся от стаи,* сидит на ольхе...» (Горький, В людях); 2) «*На красном (очевидно от невоздержания) лице* выступали пятна...» (Л. Толстой, Война и мир); 3) «Вода, *голубая оттого, что в ней отражалось небо,* страстно манила к себе» (Чехов, Степь); 4)«...они вступили в новую, неизвестную и такую *странную, после того как двадцать четыре года они свободно ходили по родной земле,* подпольную жизнь» (Фадеев, Молодая гвардия).

Итак:

1. В кругу словосочетаний (или синтагм, иначе «внешних синтагм») с точки зрения количественно-структурной выделяются п р о с т ы е, всегда двучленные, состоящие из двух полнозначных слов, и с л о ж н ы е, состоящие из трех, четырех и более полнозначных слов.

2. Объем словосочетания определяется прежде всего с точки зрения м и н и м а л ь н о г о количества составляющих его компонентов: словосочетание состоит не меньше чем из двух полнозначных слов. Определение минимального объема важно прежде всего потому, что именно простое двусловное словосочетание лежит в основе словосочетаний усложненной структуры; с другой стороны, это важно для отграничения словосочетания от предложения. Наличие, наряду с простыми, словосочетаний сложных, с одной стороны, обусловливает необходимость соответствующего указания в самом определении словосочетания, а с другой — ставит вопрос о границах усложнения словосочетания, о его м а к с и м а л ь н о м объеме.

3. Объем словосочетания, будучи обусловлен его грамматической природой, в то же время облегчает выяснение последней и входит в круг признаков, характерных для словосочетания как особой единицы.

4. Словосочетание представляет собой номинативное единство, используемое, как и слово (хотя и сохраняя отличия от него), в построении предложения. Это характерно как для простого, так и для сложного словосочетания и служит основой установления границы усложнения простого словосочетания. Сложное словосочетание не может выходить за рамки выражения единого, хотя и сложного значения.

5. Объем словосочетания и границы его усложнения неразрывно связаны с качественным отличием от предложения. Словосочетание состоит минимум из двух слов, предложение может состоять и из одного слова, ибо свойственная последнему и чуждая словосочетанию предикативность может быть заключена и в одном слове (причем не обязательно спрягаемом глаголе). Поэтому так называемые предикативные словосочетания (т. е. соединения подлежащего со сказуемым) и с точки зрения объема не однородны со словосочетаниями, не должны включаться в их систему.

6. По той же причине соединения слов, которые связаны с предикативностью (слова с распространяющими их придаточными предложениями, слова с обособленными синтаксическими конструкциями, с модальными словами и др.) и возникают в строе предложения, резко отличаются от словосочетаний также и с точки зрения количественно-структурной.

7. Наконец, и с точки зрения объема и характера усложнения к словосочетаниям не могут быть отнесены и «сочинительные» соединения слов, присущие предложению и связанные с выделением в нем его членов.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1959

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. М. ШАНСКИЙ

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ РУССКОГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

1. Вводные замечания

Нет особой нужды доказывать необходимость создания нового этимологического словаря русского языка, особенно сейчас, когда так много сделано в области исторической лексикологии и словообразования, а также этимологии русского и других славянских языков как в нашей стране, так и за рубежом.

Созданный более сорока лет назад словарь А. Преображенского, а также и недавно появившийся словарь М. Фасмера[1], являясь ценнейшими справочными пособиями по русской этимологии, каждый по разным причинам полностью не могут удовлетворить сейчас ни специалистов, занимающихся русским языком, ни широкие массы читателей, интересующихся этимологией. Это объясняется как специфическими особенностями словников указанных словарей, так и содержанием и структурой их словарных статей. Ни в словаре Преображенского, ни даже в словаре Фасмера читатель не найдет реально-исторической картины происхождения *всех общеупотребительных слов* книжной и разговорной лексики *современного русского языка*.

Совершенно правильным является замечание Фасмера о том, что при составлении нового этимологического словаря русского языка следует обратить особое внимание на слова, отмеченные им как неясные[2]. Однако было бы совершенно неверным ограничиться этим. Помимо того, что многие для Фасмера совершенно несомненные этимологии требуют пересмотра или нуждаются в серьезных уточнениях, новый словарь в некоторых аспектах должен быть построен иначе, чем прежние, и как определенный лексикографический труд.

С одной стороны, такой этимологический словарь не должен быть оторван от установившихся этимологических и лексикографических традиций. В нем должны быть органически слиты и с исчерпывающей полнотой отражены все новейшие достижения русской и зарубежной этимологистики и лексикографии, представленные в общих трудах, специальных работах, частных статьях, диссертациях и т. д. Особенно важным и необходимым в этой связи представляется, конечно, учет практической работы последних лет по составлению этимологических словарей славянских и других индоевропейских языков (в особенности романских).

С другой стороны, такой этимологический словарь должен серьезно отличаться от прежних этимологических словарей русского языка как своим объемом, так и своей структурой и, соответственно, характером сло-

[1] А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, М., 1910—1914; M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch (REW), Heidelberg, 1953—1958.

[2] См. REW, Bd. III, стр. 506—507.

варных статей. Он не может быть переработанным и расширенным изданием словарей Преображенского и Фасмера (хотя в него и войдет все, что есть в них ценного), он должен быть этимологическим словарем словообразовательно-исторического характера.

Поскольку принципиальной разницы между специальным и популярным типами этимологических словарей не существует (лексикографически они должны отличаться друг от друга лишь отбором и методикой подачи объясняемого материала), ясно, что специфические особенности этимологического словаря словообразовательно-исторического характера могут быть раскрыты только в том случае, если будет четко определен его объем и детально описана его структура. Определить принципы построения этимологического словаря, касаясь только вопросов о составе словника и не затрагивая вопросов о специфике словарной статьи (как пытался это сделать недавно О. Н. Трубачев[1]), совершенно невозможно.

2. Объем словаря: объект этимологического анализа, состав словника

Состав словника этимологического словаря зависит от того, что считается объектом этимологического анализа.

Очень распространенным является мнение, что в качестве заглавных слов в этимологическом словаре могут выступать только слова, пережившие процесс полного опрощения своей основы и осознающиеся сейчас как исконно корневые. Согласно нашей точке зрения, объектом этимологического анализа должны быть все слова лексической системы языка, словообразовательный анализ которых не дает ответа на то, каково их происхождение (независимо от степени их «прозрачности»!). В качестве слов, требующих этимологического анализа, выступают тем самым такие слова, которые или не являются исконными в данной лексической системе языка (заимствования, словообразовательные и семантические кальки), или деэтимологизировались и изменили свою морфологическую структуру.

Не требуют этимологического анализа исконные слова (т. е. слова, возникшие в русском языке или унаследованные им из более древнего языкового источника), о происхождении которых ясно говорит словообразовательный анализ, устанавливающий их морфологическую структуру и место среди других слов современного языка с точки зрения существующей системы словообразования (ср. слова *тигрица*, *атомный*, *соавтор*, *сформировать*, *медсестра* и т. п.).

Для таких слов этимологический анализ практически совпадает с анализом словообразовательным [2]. Такое совпадение словообразовательного анализа с этимологическим объясняется тем обстоятельством, что в настоящее время эти слова членятся на части так же, как членились в то время, когда появились в данном языке.

В соответствии с изложенным выше в словник этимологического словаря русского языка должны быть включены все общеупотребительные слова современного русского литературного языка, которые (независимо от их морфологического строения) требуют этимологического объяснения; не только слова корневые (вроде слов *луна*, *зверь*, *пол*, *белый*, *дым*, *пить*, *есть*, *язык* и др.), но и явно производные (вроде *кустарник*, *гуманность*, *отчизна*, *жилище*, *горячность*, *фальшивый*, *мудрость*, *чистота*, *плотность*, *отщепенец*, *завзятый*, *голытьба*, *небоскреб*, *арестовать*,

[1] О. Н. Трубачев, Принципы построения этимологических словарей славянских языков, ВЯ, 1957, № 5.

[2] О последнем см. нашу статью «О принципах словообразовательного анализа», «Русский язык в национальной школе», 1958, № 4.

сухощавый и т. п. [1]), не только, например, слово *целый*, но и слова *целебный*, *целовать*, *целиком*, *целовальник*, *целить*, *целомудрие*, *целковый*, *целостность* [2] и т. д.

Необходимость этимологического объяснения для слова определяется не тем, какова его современная морфологическая структура (она может быть самой различной), а тем, какой была его реальная история в данном языке.

Таким образом, в качестве заглавных слов, имеющих каждое свою особую статью, в новый этимологический словарь русского языка из общеупотребительной книжной и разговорной лексики современного русского языка должны быть обязательно включены: 1) все исконно русские слова, имеющие в настоящее время непроизводную основу; 2) все исконно русские слова с производной основой, пережившие деэтимологизацию или изменение своей морфологической структуры (процессы опрощения, переразложения, усложнения, декорреляции и т. д.) [3]; 3) все заимствованные слова, независимо от характера словообразовательной структуры их основы; 4) все словообразовательные и семантические кальки, о которых достоверно известно, что это кальки.

Некоторые считают нецелесообразным включение в словник этимологического словаря таких слов, которые являются кальками и производными по структуре заимствованиями, ссылаясь на то, что наши знания о таких словах случайны и относятся к числу редких находок. Думается, совершенно верно игнорировал в своем словаре этот «аргумент» Фасмер, разъясняющий — пусть непоследовательно — как отдельные кальки, так и некоторые производные иноязычные слова.

Из сказанного ясно, что, с точки зрения морфологической структуры слов, которые включаются в словник, этимологический словарь словообразовательно-исторического характера должен коренным образом отличаться от словаря Преображенского, представляющего собой собственно этимологический словарь общеупотребительных корней русского языка. Ведь в последнем в качестве заглавных слов, как правило, выступают такие слова, как *алкать*, *багор*, *верста*, *город*, *дождь*, *искра*, *карта*, *ласка*, *межа*, *тело*, *удить*, *частый*, *юг*, *язык* и т. п., и очень редко — такие, как *сословие*, *боярышник*, *синица*, *захолустье*, *разгильдяй*, *брусника*, *прапорщик*, *ревматизм*, *ошеломить* и т. п.

В новом этимологическом словаре должен последовательно проводиться тот принцип объяснения этимологически неясных слов в отдельной

---

[1] Слово *кустарник* сейчас соотносится со словом *куст*, в связи с чем в нем выделяется нерегулярный суффикс *-арник*, но образовано оно от ныне исчезнувшего из употребления слова *кустарь* «кустарник»; слова *гуманность* и *плотность* являются не производными от прилагательных *гуманный* и *плотный*, а соответственно первое — полукалькой В. Г. Белинского немецкого слова *Humanität* (впервые встречается в 1841 г. в одном из писем к Боткину), второе — калькой А. Д. Кантемира французского слова *solidité* (впервые встречается в переводе книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров»); слова *жилище*, *горячность*, *сухощавый*, *голытьба*, соответственно выделяющие сейчас суффиксы *-лище*, *-ность*, *-ощавый*, *-ытьба*, на самом деле образованы от слов *жило*, *горячный*, *сухость — сухощи*, *голядь* (ср. *эльдень*) при помощи суффиксов *-ище*, *-ость*, *-авый*, *-ба*; слова *фальшивый* и *арестовать*, воспринимаемые сейчас как производные от *фальш*, *арест*, были заимствованы русским языком как целые словарные единицы из польского; слова *отчизна*, *отщепенец*, *завзятый* не образовались в русском языке, а пришли в него из литературного украинско-белорусского языка (так называемого литературного языка Юго-Западной Руси); слова *мудрость* и *чистота*, осознающиеся как исконно русские образования от *мудрый* и *чистый*, пришли в наш язык из старославянского языка, где они возникли как кальки с греческих слов σοφία и καθαριότης; слово *небоскреб* является калькой с соответствующего по структуре английского слова *skyscraper* и т. д.

[2] Калька В. Г. Белинского немецкого слова *Ganzheit*. Едва ли не впервые встречается в его рецензии 1839 г. на статью Юдицкого «Способ к распространению шелководства».

[3] О них см. нашу статью «Изменения в морфологической структуре слова», «Р. яз. в шк.», 1959, № 4.

статье (независимо от их структуры), который, правда, от случая к случаю — в связи со стремлением автора дать, насколько это возможно, реально-историческую картину происхождения слова — проводится в словаре Фасмера[1]. Совершенно ясно, что в этом словаре в качестве заглавных слов не будут выступать встречающиеся как у Преображенского, так и у Фасмера бесприставочные «корни» типа - *дуг*, *-кука*, *-скреп*, *-креснуть*, *-чезнуть*, *-лыбить* т. п.: объясняться будет только реальное слово.

Русский этимологический словарь словообразовательно-исторического характера может быть различным по своему типу (это зависит от того, для кого он предназначается), но он обязательно должен быть этимологическим словарем русского языка. Лексическое своеобразие русского языка создается не только спецификой развития и использования общеславянских слов, но и лексикой по времени возникновения восточнославянской или собственно русской. Поэтому считать русским этимологическим словарем словарь, словник которого в подавляющей массе будут образовывать общеславянские слова, нельзя. Отсутствие в словнике многих требующих этимологии слов активного запаса современной литературной лексики и преобладание в нем общеславянских слов волей-неволей придаст словарю (как это можно отметить для словаря Преображенского) характер этимологического словаря скорее общеславянского языка-основы, нежели русского языка в его современной литературной форме. Специфические восточнославянские и собственно русские слова в таком словаре затеряются среди общеславянских, словарные статьи для которых будут в такой же степени неотъемлемой принадлежностью этимологических словарей польского, болгарского, чешского, сербскохорватского и других языков, как и этимологического словаря русского языка.

Все это значит, что словник нового этимологического словаря должен состоять из слов активного словарного запаса современной литературной лексики, независимо от их происхождения и времени появления в русском языке. В качестве заглавных слов в нем должны выступать не только общенародные слова общеславянского происхождения и ранние заимствования, но и восточнославянские, и собственно русские слова, и позднейшие заимствования.

Таким образом, в этимологическом словаре словообразовательно-исторического характера будут объясняться все слова, требующие этимологического анализа безотносительно к тому, что они представляют собой по структуре (не только корневые, но и производные), а также по происхождению и времени появления (не только исконно русские, но и заимствованные; не только общеславянские, но и восточнославянские и собственно русские). Ограничение материала, отбор объясняемых слов должен идти не по этим линиям, а по другой — по отнесенности слов к лексике современного русского литературного языка. В новом этимологическом словаре должны объясняться в основном только такие слова, которые являются фактом современного словоупотребления[2].

В соответствии с этим словник нового этимологического словаря будет

[1] Непоследовательность Фасмера в этом отношении может быть проиллюстрирована следующим примером подачи в его словаре заимствованных слов. Фасмер, стремясь дать реально-историческую картину происхождения в русском языке слов *адрес* и *адресовать*, *шляхта* и *шляхтич*, *граф* и *графиня* и т. д., заимствованных в русский язык в виде целых единиц (ибо слова *адресовать*, *шляхтич*, *графиня* являются мнимыми русскими производными от слов *адрес*, *шляхта*, *граф*), посвящает каждому из этих слов отдельную словарную статью. Однако рядом в его словаре при слове *гуманизм* нет слова *гуманность*, при слове *аплодировать* нет слова *аплодисменты*, при слове *диктовать* нет слова *диктант*, при слове *беллетрист* нет слова *беллетристика* и т. д.

[2] Это, естественно, никоим образом не отменяет обязательного диахронического характера этимологического исследования с привлечением — для выяснения происхождения того или иного слова — фактов разных языковых систем и эпох.

противопоставлен словнику словаря Фасмера, «максималистскому» и разнородному. В словаре Фасмера приводится в качестве заглавных очень много слов, которые или не входят сейчас и никогда не входили в лексическую систему русского языка (*горловщина, надуванция, муму, гутморген, бродери англез* и др.), или являются давно исчезнувшими словами древнерусского языка (*узилище, фарауз, фофудия, филактирия, стафиль* и т. д.), или представляют собой диалектизмы узкой сферы бытования (*ширабурки, чеклак, хизь, мурдать, шихворост, ягарма* и т. п.). Общеупотребительные слова общенародного характера теряются в нем среди подобных слов. «Максималистский» характер словника словаря Фасмера ведет к тому, что в него включаются факты различных эпох и систем, в этимологическом словаре современного русского литературного языка совершенно ненужные. Напротив, многие из таких слов, «без которых вообще невозможно себе представить современный русский литературный язык» [1], в словаре Фасмера не объясняются. На букву *в*, например, в нем отсутствуют такие слова, как *вазелин, вариант, вдохновение, вдребезги, велюр, венчать, веранда, вербена, версия, верхотура, вестибюль, вечерять, вигвам, виконт, витиеватый, вольготный, воочию, воскресать, впредь, втемяшить, вулкан* и т. д.

В противоположность словарю Фасмера в словнике этимологического словаря словообразовательно-исторического характера не должны быть не только так называемые потенциальные слова, не входящие и не входившие в лексическую систему (индивидуально-художественные образования контекстного употребления, не освоенные варваризмы и т. д.), но и узко специальные термины, а также диалектизмы и устаревшие слова. Максималистский характер словника должен быть, таким образом, подчинен требованию строгого расчленения фактов языковой системы и индивидуально-группового употребления и фактов разных эпох и систем [2].

В словаре следует толковать прежде всего слова современной литературной речи. Из устаревших и диалектных слов в качестве заглавных следует включить лишь такие, которые с определенными художественно-выразительными целями используются писателями до сих пор и в силу этого являются в известной степени словами современной литературной лексической системы, т. е. слова типа *кочет, оброть, гуторить, закута, понева* и т. д. (из диалектизмов) и *ланита, стогны, буде* в значении «если», *зело, кольчуга, алтын, дьяк, боярин* и др. (из архаизмов и историзмов). Что касается диалектизмов узкого употребления и давно устаревших слов, не употребляющихся в художественной и публицистической литературе XIX—XX вв., то этимологическое объяснение подобных слов лучше всего дать отдельно в специальных словарях. Естественно, что этому должно предшествовать создание толковых словарей древнерусской и диалектной лексики.

В силу своей специфики в качестве заглавных слов не должны входить в словарь, а должны этимологизироваться в отдельных работах (например, «Этимология ономастики русского языка») также факты топонимии и антропонимии, непоследовательно включаемые в словарь Фасмером. Такой принцип отбора слов для словника позволит дать этимологическое объяснение слов, составляющих определенную лексическую систему.

---

[1] В. Р. Кипарский, [рец. на кн.:] M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, ВЯ, 1954, № 5, стр. 132.

[2] С этим не согласен О. Н. Трубачев (указ. соч., стр. 65). Однако в противном случае этимологический словарь утратит необходимый для него реально-исторический характер. Это (противореча себе) правильно отмечает относительно словаря Бернекера, между прочим, и О. Н. Трубачев: «Отсюда следует, что на общее число слов в словаре Э. Бернекера (2658) приходится 1278 поздних заимствований, т. е. словарь почти наполовину занят словами, не имеющими никакого отношения к общеславянской лексике. Разумеется, это анахронизм, который трудно извинить даже мотивами объединения всех этимологий в одном справочнике» (стр. 61).

В определении словника нового этимологического словаря русского языка (как и специфики его словарной статьи) можно ориентироваться на практику составления этимологических словарей отдельных романских языков (например, латинского Вальде, французского Гамильшега, Вартбурга и др.), когда «романский этимологический словарь не повторяет материала и методов латинского этимологического словаря, а французский или испанский этимологические словари в свою очередь не повторяют, как правило, материалов романского этимологического словаря. Каждый из них занимается своей этимологической проблематикой» [1]. Как правильно отмечает О. Н. Трубачев, «в частности, это должно выражаться в определении соотношений между общеславянским этимологическим словарем и этимологическим словарем отдельного славянского языка» [2]. Возможен и нужен также этимологический словарь общеславянского языка, в словник которого войдут все известные нам слова, употреблявшиеся в общеславянском языке-основе: как существующие и сейчас в славянских языках, так и уже потерянные отдельными славянскими языками. Однако это — дело будущего, о чем совершенно правильно говорил еще А. Мейе в своей рецензии на словарь Бернекера: «Этимологический словарь должен, чтобы быть полезным, показывать собственную историю каждого слова в каждой группе; этого можно достигнуть только в словаре, посвященном каждому языку... И когда будут готовы все эти частные словари, словарь общеславянского языка приобретет такую точность, которая сейчас недосягаема» [3].

Нельзя поэтому не присоединиться к словам О. Н. Трубачева о том, что «наиболее реальной вообще, а на данном этапе — просто необходимой является форма полного этимологического словаря для каждого из важнейших славянских языков в отдельности» [4].

3. Структура словаря: задачи этимологического анализа, принципы этимологизирования, содержание и построение словарной статьи

Содержание и построение словарной статьи в этимологическом словаре обусловливаются по преимуществу тем, что́ вкладывается в понятие этимологии и как тем самым понимается этимологический анализ слова. Так как задача этимологии «заключается в том, чтобы определить формальный материал, использованный тем, кто первый создал слово, и то понятие, которое он хотел выразить этим словом» [5], то этимологический анализ (когда это возможно) должен вести к выяснению реального происхождения слова в данном языке.

В соответствии с этим этимологический анализ в первую очередь должен давать ответ на вопрос, *исконно или заимствовано данное слово, когда, на базе какого именно слова и при помощи какого способа словообразования оно возникло*. В зависимости от характера слова (времени его появления, морфологической структуры и т. д.) такой этимологический анализ может принимать вид то ближней этимологии [6], то дальней этимологии, в последнем случае с широким привлечением новейших данных сравнительно-исторического индоевропейского языкознания (ларин-

---

[1] О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 62.

[2] Там же.

[3] A. Meillet, [рец. на кн.:] E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, «Rocznik slawistyczny», t. II, 1909, стр. 59.

[4] О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 71.

[5] В. Пизани, Этимология, М., 1956, стр. 70.

[6] О ней см. в нашей статье «Этимологический анализ слова», «Р. яз. в шк.», 1956, № 4.

гальной гипотезы, теории структуры морфологических частей индоевропейского слова и т. п.).

Этимологический анализ не всегда, однако, может привести к выяснению реального происхождения слова (ср., например, характер этимологий слова *площадь* и слова *три*). Лингвистическая археология древних по происхождению слов нередко дает возможность установления лишь генетических связей слова, а не его происхождения. «Сплошь и рядом нам удается только довести генетические связи слова до определенного предшествующего этапа (скажем, до языка-основы), не раскрывая до конца, „почему и откуда“ оно возникло» [1].

Специфика славянской этимологии не может быть резко противопоставлена специфике романской этимологии. «Коренного отличия романской этимологии от славянской», о которой говорит О. Н. Трубачев, на деле не существует. «Отсутствие сколько-нибудь принципиальных различий между словарем Э. Бернекера и словарями отдельных славянских языков», в частности того, что «новый русский этимологический словарь М. Фасмера в принципе уделяет почти не меньше, чем словарь Э. Бернекера, внимания общеславянским сравнениям и индоевропейской этимологии» [2], объясняется не объективными причинами (спецификой славянского языкового развития в отличие от романского), а субъективными (следованием установившимся этимолого-лексикографическим традициям).

Подлинно научное этимологизирование без учета наличных и существовавших словообразовательных моделей и типов (как и закономерностей фонетических соответствий и семантических переходов и исторических данных) невозможно. Изолированный анализ слова вне того структурного разряда, к которому оно принадлежит, всегда может повести (вместо раскрытия реальной этимологии) к умственной эквилибристике и несближаемым сближениям. Приведем два примера.

В словарной статье, посвященной глаголу *будоражить*, Фасмер ограничивается тем, что указывает родственные этому слову образования (параллельную форму глагола с *т* — *бутаражить* и соотносительное существительное со значением действующего лица — *бударага*) и отмечает мнение А. А. Шахматова о большей древности формы с *т* и возможной связи ее со словами *буторга*, *куторга* «шум» и *торгать* «рвать, дергать». Затем следуют примеры из «Смоленского словаря» В. Добровольского с *у* вместо *о* (*взбудуражить*, *взбутуражить*) и помета «unklar», которую можно отнести как к только диалектным формам, приводимым Добровольским в качестве смоленских, так и ко всему вопросу о происхождении слова *будоражить* в целом [3].

Словообразовательный анализ языкового материала не позволяет интерпретировать слово *будорага* как родственное слову *буторга*. Хотя слово *буторга*, в принципе, и может быть приставочным образованием на базе отглагольного имени *торга* (ср. диалект. *хмарь* — *бухмарь*), однако ясно, что не оно послужило образующим словом для этимологизируемого глагола. От слова *буторга* может и должен был бы образоваться лишь глагол *буторжить*.

Связи и соотношения глагола *будоражить* и существительного *будорага* показывают, что глагол *будоражить* является отменным и образован при помощи суффикса *-ить* от существительного *будорага* [4], подобно глаголам *тревожить* (от *тревога*), *сквалыжить* (от *сквалыга*), *бродяжить* (от *бродяга*), *скоряжить* (от *скоряга*), *портняжить* (от *портняга*) и т. д.

---

[1] В. И. А б а е в, О принципах этимологического словаря, ВЯ, 1952, № 5, стр. 57.
[2] О. Н. Т р у б а ч е в, указ. соч., стр. 63.
[3] REW, Bd. I, стр. 236.
[4] В. Д а л ь, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1935, стр. 138.

Что касается слова *будорага*, то оно представляется одним из довольно многочисленных отыменных образований с суффиксом *-ага* (*-яга*). Возникло слово *будорага*, по всей вероятности, на основе ныне вышедшего из употребления слова *будор* со значением «тревога, волнение, суета, шум» (ср. литер. *говор*, диалект. *гутор*, от которого *гуторить*, *Гуторов*; *бусор* «хлам, дрянь, сор» [1] и т. д.).

Существительное *будор* <*боудоръ* [2] является производным с суффиксом *-ор* от слова *боудъ* (соотносительные глаголы *бъдѣти*, *боудити*; ср. диалект. *буд*, антропонимическое *Буд*: *Данилко Буд*, *Харитонко Буд*, *Богдан Будько* и т. д.[3]. Наиболее вероятное значение слова *боудъ* «тот или то, кто или что будит, заставляет бодрствовать» (ср. слово *варъ* к *вьрѣти* «то, что варит, заставляет кипеть»).

Другой пример. Этимология слова *чепуха* до сих пор считается неустановленной. Фасмер по поводу происхождения этого существительного пишет лишь следующее: «Чепуха „ бессмыслица, глупость". Неясно. Едва ли как * *čе-pucha* к *пухнуть* „разбухать", также не **тще* „пустой" (против Горяев ЭС 410)»[4]. Справедливо сомневаясь в правильности объяснения Горяева, Фасмер сам ограничивается, однако, одной констатацией унклярности соответствующего слова.

Между тем анализ слова *чепуха* как определенного звена словообразовательной цепи в ряду родственных и однотипных по структуре и значению слов позволяет дать, как нам кажется, весьма вероятную этимологию этого слова. Вполне возможно, что существительное *чепуха* образовано при помощи суффикса *-ухá*[5] от несохранившегося в языке слова *чепа* «щепа» (из **кера*), родственного слову *щепа* (из **skepa*, ср. *щемить* — *оскомина*, *щель* — *скала*, *щадить* — *скудный* и т. д.). Однокорневые **кера* (>*чепа*) и **skepa* (>*щепа*) отличаются друг от друга так же, как *кора* и *скора* и т. п.

Старое значение слова *чепуха*, соотносительное с семантикой слова *щепа*, наблюдалось у него еще в XVIII в. (ср. пример , приводимый Б. М. Ляпуновым из «Краткого описания путешествия по северным морям» 1754 г.: «Льды от ветру в *чепуху* разбиваются»). Кстати, подобное развитие значения наблюдается и у синонимического слова *вздор*, первоначально обозначавшего «стружки, сор».

Этимология слова должна носить реально-исторический характер. Для этого этимологический анализ должен строиться на данных исторического словообразования и исторической лексикологии с широким привлечением, если это необходимо, диалектных и сравнительных данных. Особенно следует подчеркнуть большое значение для этимологии исторического словообразования (даже для слов с прозрачной этимологической структурой). Поскольку слово представляет собой единицу, обладающую той или иной словообразовательной структурой, при научном этимологизировании оно обязательно должно быть поставлено в к а к о й - л и б о

[1] Слово *бусор* (см. В. Д а л ь, т. I, стр. 147) образовано от существительного *бус* «мелочь, сор, хлам» при помощи суффикса *-ор*. По мнению Даля (там же), именно оно дало позже общеупотребительное в русском литературном языке слово *мусор*: «*б* нередко переходит в *м*». Такая этимология слова *мусор* является более вероятной и привлекательной (кстати, она в известной степени была поддержана Преображенским; см. его «Этимологический словарь русского языка», т. I, стр. 571), нежели та, которая выдвигается, в сущности, вслед за Горяевым, Фасмером (REW, Bd. II, стр. 179), так как она устраняет трудности объяснения отсутствия этого слова в других славянских языках.

[2] О существовании более ранней формы *будор* свидетельствует ее видоизменение с *т* на месте этимологического *д*, зафиксированное В. Далем в курских говорах со значением «шум, гам, крик» (т. I, стр. 147).

[3] Н. М. Т у п и к о в, Словарь древнерусских личных собственных имен, СПб., 1903, стр. 73.

[4] REW, Bd. III, стр. 317.

[5] Ср. с тем же суффиксом слово *шелуха*, родственное словам *шелудивый*, *выхолостить* и т. д. По-другому объясняется это слово у Фасмера, см. т. III, стр. 389.

словообразовательный ряд. Это, собственно говоря, должно быть основным правилом этимологического анализа. Оно определяет также и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: этимологизируя слово, необходимо учитывать последовательность происходящих в языке словообразовательных процессов. Неверно, определяя происхождение слова, сразу связывать его с корнем или с одним из родственных слов, опуская промежуточные звенья [1]. В связи с этим совершенно понятно, что будет явно недостаточным для этимологии, например, слов *дороговизна*, *оглашенный*, *сегодня-дуралей*, *ротозей*, *золотарь*, *подозрительный*, *окаянный*, *укокошить*, *спра*, *ведливый* и т. п. одно указание того, что соответственно они относятся к словам *дорогой*, *голос*, *день*, *дурь*, *рот*, *золото*, *зреть*, *каять*, *кокать*, *правый* и пр. (как это делается Преображенским). Ведь такое указание не объясняет, как и когда эти слова возникли в русском языке, какие словообразовательные средства для их образования были использованы.

То же можно сказать и о довольно часто встречающейся у Фасмера лаконической отсылке к соответствующему корню (ср. *разлад* — siehe *лад*, должность — zu *долг*, *чертыхаться* — zu *черт*, *опростать*, — zu *простой*, *ловля*—vgl. *лов*, *насос*—s. *сосать*, *различный*—zu *лик*, *лицо*, *перила*—zu *переть* и мн. др.). Особенно неудовлетворителен такой прием при толковании слов, в которых объяснению подлежит не корень (его мы ясно чувствуем и совершенно свободно определяем и так!), а выделяемые в настоящее время служебные морфемы, способ словообразования или характер и причины связи производного и производящего слова (ср., например, слова *мерзавец*, *косынка*, *вилок*, *дурында*, *близнец*, *потребный* и т. д., в словаре Фасмера лишь отнесенные к родственным словам *мерзкий*, *косой*, *вить*, *дурной*, *близ*, *требовать*) [2]. Естественно, что никак не может быть принято и его объяснение, сводящееся к одному лишь слову «unklar» или «dunkel» (*сбондить*, *лодыга*, *бирюльки*, *бушлат*, *смонуть* и т. д.).

По содержанию словарная статья должна носить характер конкретного объяснения действительного происхождения данного слова в русском языке, а не абстрактного возведения его к корню (иногда весьма гипотетичному). Естественно, что для этого словарная статья должна не только содержать необходимый материал, но и иметь четкую и постоянную структуру.

Словарная статья в новом этимологическом словаре может строиться по следующей схеме: 1) заглавное слово, требующее объяснения его этимологии; 2) прямое номинативное значение заглавного слова, если это необходимо (т. е. если заглавное слово имеет омонимическое, является устаревшим или диалектным и т. д.); 3) указание на исконный или заимствованный характер; 4) указание времени появления в русском языке (с той степенью точности, какая здесь будет возможна); 5) для исконно русских слов восточнославянского происхождения — параллели из украинского и белорусского языков, для исконно русских слов общеславянского происхождения — параллели из славянских языков, для исконно русских слов индоевропейского происхождения — параллели из славян-

---

[1] Ср. в словаре Фасмера: *завидовать* к *видеть* (т. I, стр. 437), хотя это слово образовано от слова *завида* (Срезневский, т. I, стр. 900); *держава* к *держать* (стр. 343), хотя это слово образовано от существительного *держа* (Даль, т. I, стр. 443); *немтовать* к *немой*, хотя это слово образовано от слова *немта* (см. Н. М. Тупиков, указ. соч., стр. 283); ср. *лента*, производным от которого является существительное *лентяй*, и т. д.

[2] Об этом совершенно справедливо, в частности, говорится в «Замечаниях об этимологических исследованиях славянской лексики» Ф. Славского: «Не может теперь уже быть достаточной одна констатация идентичности корня в двух сравниваемых словах... Нужно постараться показать отношение суффикса к корню, охарактеризовать функцию суффикса и дать объяснение со стороны семантики» (сб. «Z polskich studiów slawistycznych. Prace język. i etnogen...», 1958, стр. 100).

ских и других индоевропейских языков, для слов заимствованных — непосредственный язык-источник (с указанием дальнейших, если они имеются); 6) указание на то, как, при помощи чего и от какого именно слова образовано объясняемое, а для заимствованных также и определение характера переоформления при поступлении в русский язык; 7) краткая аргументация, почему дано именно такое объяснение, а не какое-либо другое (если это объяснение не является единственным); 8) указание на старое значение, если оно резко отличается от современного (с соответствующими параллелями из других языков); 9) заслуживающие внимания этимологии, если слово имеет необщепринятую этимологию, с соответствующими ссылками библиографического характера (исключая явно ошибочные и устаревшие); 10) нужные отсылки на словарные статьи, в которых объясняются слова того же самого корня.

После указания, на базе какого слова (а если соответствующее слово не будет обнаружено — какого корня) и при помощи каких словообразовательных средств возникло толкуемое слово, отдельно должна отмечаться его гипотетическая праформа, восстановленная путем реконструкции, если слово появилось в языке в дописьменную эпоху. Для слов, возникших в русском языке или поступивших в него в письменный период развития, указание времени появления слова может сопровождаться или (когда невозможно даже приблизительное определение времени появления) заменяться по примеру словарей Славского, Мейе — Эрну и др. указанием на первую известную нам фиксацию слова в письменных памятниках или словарях. Время появления слова в русском языке может указываться с различной степенью точности. Пометы «общеиндоевропейское», «общеславянское», «собственно русское» указывают на эпохи. Кроме них, есть и более точные пометы (например, «в Петровскую эпоху», «в XI в.», «во второй половине XIX в.» и т. д.). Наконец, в отдельных случаях может называться и автор слова.

Если слово исконно русское, это может особо не отмечаться: «общеславянское» значит исконно русское слово общеславянского происхождения, «собственно русское» значит исконно русское слово, появившееся в русском языке в эпоху раздельного существования восточнославянских языков, и т. д. Если слово заимствованное, это должно отмечаться особо.

Характер словарных статей в новом этимологическом словаре можно проиллюстрировать следующими примерами.

зима. Слово общеиндоевропейское: укр. *зима*, белорусск. *зіма*, ст.-слав. *зима*, болг. *зима*, сербско-хорв. *зи́ма*, словен. *zíma*, чеш. *zima*, словацк. *zima*, польск. *zima*, в.-луж. *zyma*, н.-луж. *zyma*, полабск. *zaima*, литов. *žiemà*, латыш. *žaut*, прусск. *semo*; санскр. *himáḥ*, *hemantáḥ*, авест. *zimō* (род. п.)., греч. χεῖμα, алб. (сев.) *dimɛn*, алб. (южн.) *dimɛr*, лат. *hiems*, арм. *jmeṙn*, др.-валл. *gaem*, хет. *gimmanza*.

Общесл. **zima* восходит к общеиндоевропейскому **ĝheim* -«зима». Первоначальным значением последнего обычно считается (в связи с его родством с греч. χιών «снег», арм. *jiun* «снег») «время снега».

Основную литературу см. у Фасмера (т. I, стр. 456), Преображенского (т. I, стр 251) и Трубачева (в статье «Славянские этимологии», ВСЯ, вып. 2, М., 1957, стр. 29). Иное и с исторической точки зрения более приемлемое объяснение — в указ. статье Трубачева. По его мнению, общеиндоевропейское **ĝheim-* является суффиксальным образованием (с суффиксом *-men*, *-mn*) от глагола **ĝhei* «идти» (о дожде). Ср. хет. *ḫeuai ḫeiauai* «идти» (о дожде), *ḫeuš* «дождь». В таком случае древнейшее значение общеиндоевропейского **ĝheim-* «зима» — «время дождей». Значения «снег» слов χιών, *jiun* и т. п. объясняются как вторичные (*дождь* > *снег*).

пакость. Слово общеславянское: диалект. *капость*, укр. *пакість*, белорусск. *пакосць*, ст.-слав. *пакость*, болг. *пакост*, сербско-хорв. *пâкост* «злость», словен. *pákost* «гадость», чеш. *pakost'*, польск. *pakość*, в.-луж. *pakosć*, н.-луж. *pakosć*.

Образовано, по-видимому, при помощи приставки *ра-* от существительного **kost* «скверна» (ср. *паморос*, *пажить*, *паклен* и т. п.). Общеславянская праформа **pakostь*. Так это слово объясняет Даль (т. III, стр. 10), приводя в качестве родственных: *костной* «пакостной, мерзкий, гадкий», *кость* «мерзость, вред, гадость, грязь, убыток», *костить* «гадить», «поносить», «марать», «грязнить», *костенок*, *кощенок* «пакостник», *кощун* и др. Похожее объяснение у Соболевского (ЖМНП, 1886, сентябрь, стр. 152; «Лингв. и археол. наблюдения», вып. III, 1914, стр. 20). Сущ. **kostь* (сохраняющееся также в *кощунство*, *костить*), вероятно, образовано при помощи суффикса *ŭ* (>ь)

от прилагательного **kostъ*, давшего также — со вторичным суффиксом прилагательности *-ьпъ* — слово *костьный* (см. выше), подобно прилагательным *блѣдъ, скѫдъ, жѫдъ* и пр., на основе которых возникли слова *блѣдный, скудный, жадный* и т. п. [ср. санскр. *kaśtas* «дурной, злой»], приводимое в словаре Горяева (Тифлис, 1896, стр. 165)].

Менее вероятно (по семантическим и словообразовательным причинам) объяснение *пакость* как суффиксального существительного (с суффиксом *-ость*) от наречия *пакъ, паки, пако* «обратно, опять, наоборот», поддерживаемое Миклошичем (EW, стр. 224), Мейе («Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave», Paris, 1902—1905, стр. 283), Брандтом (РФВ, 18,7), Преображенским (т. II, стр. 303) и Фасмером (т. II, стр. 303). Явно ошибочно сближение слова *пакость* с греч. ἀσκηθής, гот. *skaþjan*, ново-в.-нем. *Schaden*, ирл. *scathaim* (Младенов, стр. 408). См. *костить* и *кощунство*.

забор. Слово собственно русское. В памятниках фиксируется с XVI в. Образовано при помощи суффикса *-ъ* от глагола **zaborti*, возникшего как префиксальное производное к **borti* [совр. *бороть(ся)*, *(по)бороть*]. *Забор*, таким образом, то, что защищает, ограждает (ср. др.-русск. *забороло* «деревянная городская стена, деревянный забор на валу», производное от того же слова **zaborti* посредством суффикса **-dlo*). С семантико-словообразовательной точки зрения представляется неправомерным весьма распространенное сравнение слова *забор* непосредственно с литов. *bãras* «часть поля, которую жнец сжинает за один раз», лат. *forus* «проход между грядками», *ferīō, īre* «ударять, бить», др.-нем. *bara* «огороженный участок земли», ср.-в.-нем. *bar* «ограда», греч. φάρος «кусок земли, борозда» (см. Бернекер, т. I, стр. 76; Мюленбах — Эндзелин, т. I, стр. 265; Вальде — Гофман, т. I, стр. 537; Торп, стр. 261), хотя эти слова, вероятно, по отношению к разбираемому в самом деле являются родственными. Неверно отнесение Покровским и Грюненталем (см. Фасмер, т. I, стр. 435—436) слова *забор* к производным от глагола *забирать*. См. *забрало, бороться*.

жеманный. Слово собственно русское. В словарях отмечается с XVIII в. Образовано при помощи суффикса *-н(ый)* от *жеман* «жеманный человек», ныне из литературного употребления исчезнувшего (см. «Словарь русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. Акад. Наук», т. II, вып. 1, стр. 333). Сущ. *жеман* (ср. диалект. *жеманка*, *жеманиха*) является производным — посредством суффикса *-ан* — от слова *жем* «ломание, модничание,скупость», деривата от глагола *жаться*. См. *ужимки*, *жать*.

рвение. Заимствовано русским языком из старославянского. В последнем образовано от прилагательного *рьвыъ* при помощи суффикса *-ие* [1]. Явно ошибочно объяснение происхождения этого слова Фасмером (т. II, стр. 499) как производного от глагола *реать*, от которого было бы *рвание* (ср. русск. *реяньё*).

валторна. Пришло в Петровскую эпоху из польского языка (*waltornia*). В последнем является переоформлением заимствованного из нововерхненемецкого языка слова *Waldhorn*. В немецком языке слово *Waldhorn* возникло путем словосложения (*Wald* «лес» и *Horn* «рог») и первоначально обозначало охотничий рог. Предполагаемое Фасмером (т. I, стр. 167) непосредственное заимствование из нововерхненемецкого не может быть принято. Как звуковая оболочка (отсутствие *h*) и ударение слова, так и его принадлежность к существительным жен. рода говорят о польском посредничестве.

площадь. Вероятнее всего, заимствовано русским языком из старославянского. В последнем *плоштадь* восходит к греч. πλατεῖα непосредственно в форме им. над. мн. числа πλατεῖάδες (ср. аналогичное в словах *свекла*, *скамья*, *библия* и т. п.). Греч. πλατεῖα представляет собой жен. род к πλατύς «широкий». Объяснение слова *площадь* как славянского образования при помощи суффикса *-ĕdь* или *-jadь* от прилагательного *плоск(ий)* (см. Вондрак, VSG, т. I, 2-е изд., стр. 655; Миклошич, EW, стр. 252; Селищев, Старославянский язык, ч. II, 1952, стр. 74; Булаховский, Деэтимологизация в русском языке, «Труды ИРЯЗ», т. I, 1949, стр. 164; Фасмер, т. II, стр. 376 и т. п.) наталкивается на большие трудности (см. Низани, Этимология, М., 1956, стр. 167—170). В свете принятой этимологии сближение слова *площадь* с прилагательным *плоский* является вторичным.

предрассудок и **предрассуждение** (то же, что и *предрассудок*). Словообразовательные кальки французского слова *préjugé*. Возникли в русском литературном языке во второй половине XVIII в. По мнению В.В.Виноградова, оба слова были введены в русский язык, вероятно, Сумароковым («Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.»,1938, стр.152). (См. также B. Unbegaun, Le calque dans les langues slaves littéraires, RÉSl, t. XII). Во французском языке сущ. *préjugé* — производное от глагола *préjuger* «судить заранее, предрешать».

целесообразный. Словообразовательная калька немецкого прилагательного *zweckmäßig*. Укрепляется в русском языке в 30—50-х годах XIX в. См. Унбегаун («Le calque dans les langues slaves littéraires», RÉSl., t. XII) и В. В. Виноградов («Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», стр. 336). Фасмер (т. III, стр. 287) возводит это прилагательное к общеславянскому *цѣло — цѣлесе* «благо, благополучие» и *образ*. Неверно, так как он не учитывает ни характера сложения, ни значения слова, ни факта отсутствия его вплоть до XIX в.

---

[1] Между прочим, от этого же прилагательного образованы слова *ревность*, *ревновать*, др.-русск. *рьвьньство*, *рьвьнь* (откуда —*ревнивый*).

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1959

О. П. СУНИК

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Ближайшая цель этих историко-грамматических заметок — подведение некоторых теоретических итогов специального изучения морфологической природы слова в современных тунгусо-маньчжурских языках, относимых по их «материи» к языкам алтайским, а по их «форме» — к языкам агглютинативным [1]. Предлагаемые историко-лингвистические экскурсы подчинены объяснению тех сходных явлений, которые наблюдаются в различных современных языках, но толкуются по-разному в описательных грамматиках и историко-грамматических очерках.

1

Вопрос о морфологическом строении слова в так называемых агглютинативных языках с позиций традиционной науки, выдвинувшей и само не очень ясное понятие «агглютинативный язык», решается относительно просто: если это агглютинативный язык, то л ю б о е слово в нем должно состоять из корня и различного рода прилеп-частиц, или аффиксов. Сходным образом этот вопрос трактуется очень часто и в наши дни. «С точки зрения морфологической структуры,— пишет, например, Н. А. Баскаков,— каждое слово... в агглютинативных языках состоит обычно из следующих своих конструктивных элементов: 1) корня..., 2) аффиксов лексико-грамматического словообразования..., 3) аффиксов функционально-грамматического словообразования..., 4) аффиксов словоизменения...» [2].

Нетрудной для теоретического решения оказывается поэтому и проблема происхождения этой весьма односторонне охарактеризованной структуры слова. Морфологический элемент, именуемый корнем, в плане не только историческом, но и синхронном отождествляется с отдельным законченным словом. Ибо корень, как принято думать, якобы может в языках агглютинативных (в отличие от языков флективных) «выступать в качестве самостоятельного слова». Что же касается аффиксов-прилеп, то все они в принципе возводятся к самостоятельным в прошлом словам (или — что одно и то же — «корням»). В результате слияния, иначе — склеивания (агглютинации) такого рода «корней», часть из которых со временем превратилась в различные служебные частицы, а затем в аффиксы, и сложилась, согласно этой широко распространенной теории, морфологическая структура слова современных агглютинативных (да и не только агглютинативных) языков. Гипотетический корневой (или «аморфный») строй сменился агглютинативным. Ему на смену пришел флективный. Схема не новая, и притом довольно зыбкая.

Конкретно-историческая сторона проблемы происхождения морфологической структуры слова при таком теоретическом решении ее сводится

[1] См. об этом наши статьи: «К типологической характеристике языков тунгусо-маньчжурской группы» (ВЯ, 1957, № 6); «О типах основ и окончаний слова в тунгусо-маньчжурских языках» («Сов. востоковедение», 1957, № 6); «О морфологическом составе слова в агглютинативных языках» (ИАН ОЛЯ, 1958, вып. 4). В этих же работах приведен необходимый лингвистический материал и рассмотрена литература, касающаяся исследуемого вопроса.

[2] Н. А. Баскаков, Предисловие к кн.: Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 16; Н. А. Баскаков, Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках, «Сов. востоковедение», 1957, № 1, стр. 72, 84.

к фонетической по преимуществу реконструкции первичных корней (архетипов корней исторически засвидетельствованных) и к этимологизации аффиксов, имеющей своей целью возведение, по возможности, каждого из них, как это делал, например, Г. И. Рамстедт и некоторые другие алтаисты, к самостоятельному слову («корню»). И если в отношении ряда аффиксов сделать этого пока не удается, то все же сторонники этой восходящей к Ф. Боппу теории верят, что со временем цель будет достигнута: порукой тому служат отдельные убедительные и несомненно ценные для науки этимологии некоторых аффиксов.

Изложенные выше взгляды содержат, как нам уже приходилось отмечать, немало спорного. Во-первых, в действительности далеко не каждое слово в агглютинативных языках состоит обычно из корня и аффиксов словообразования, а тем более из корня, аффиксов словообразования и аффиксов словоизменения. В этих языках, как и в языках других типов (например, флективных), наличен не один, а по крайней мере три морфологических типа простого (синтетического) слова: неаффиксальный (иногда называемый «корневым») и аффиксальный, состоящий в свою очередь из двух подтипов — слов изменяемых и слов неизменяемых. Во-вторых, отождествление такой части слова, как его корень, с целым законченным словом не имеет под собой серьезных оснований; их во всяком случае примерно столько же, сколько и для отождествления корня и слова во флективных языках (ср., например, русск. *дом-* — корень, *дом* — слово и т. п.)[1].

Конкретно-историческое возведение каждого аффикса к отдельному в прошлом слову («корню») в ряде случаев крайне затруднено, а в некоторых едва ли возможно вообще. Многие из современных аффиксов этимологически членимы, т. е. исторически состоят из двух или нескольких морфем, и, следовательно, должны возводиться не к одному, а в конечном счете к нескольким архаическим словам. Кроме того, отдельные аффиксы возникли в этих языках в результате морфологических переразложений как корней, так и самих аффиксов. Пытаться возвести такие аффиксы к отдельным самостоятельным словам было бы, по-видимому, напрасным занятием. Нельзя также упускать из виду и того, что аффиксация не является и, несомненно, никогда не являлась единственным способом образования и изменения слова в так называемых агглютинативных языках [2].

Если бы когда-нибудь удалось с необходимой убедительностью свести все компоненты хотя бы одного многоморфемного слова агглютинативного или какого-нибудь иного исторически засвидетельствованного языка к первичным самостоятельным словам, то и это явилось бы в сущности не концом, а лишь началом конкретно-исторического решения поставленной проблемы: каким образом и когда, на каких этапах развития грамматического строя из отдельных архаических слов образовалось одно целое слово, имеющее свою морфологическую структуру и состоящее из таких общеизвестных морфологических компонентов, как корень и аффикс или основа и окончание?

Задача заключается, по-видимому, не столько в сведении морфологически развитого слова к гипотетическому ряду изолированных архаических слов или архаических словосочетаний, сколько в возведении архаических слов, архаических словосочетаний к тем типам, которые нам известны эмпирически из современного языка и объективные законы образования и развития которых мы пытаемся понять.

Мы, разумеется, не против реконструкции и этимологизации морфем —

[1] Р. А. Будагов, Введение в науку о языке, М., 1958, стр. 202: «корень, как известно, иногда просто совпадает со словом и имеет самостоятельное значение: *стол*, *дом*».

[2] В этой статье мы сознательно отвлекаемся от всех иных грамматических способов, наблюдаемых в указанных языках, поскольку нам приходилось уже о них писать и поскольку для наших последующих рассуждений они существенного значения не имеют.

корней и аффиксов, будучи убеждены в том, что если и не все, то очень многие из них в конечном счете принципиально сводимы к отдельным знаменательным словам дофлективного и доагглютинативного языка. Но такого рода разыскания, призванные, в частности, дать конкретный ответ на вопрос, из чего произошли морфемы современного слова, представляются нам не конечной целью, а только одним из важных этапов историко-грамматических исследований, в задачу которых входит освещение конкретных путей и общих законов развития морфологических структур засвидетельствованных языков, в том числе и языков, именуемых агглютинативными.

Можно привести не один пример удачных попыток возведения отдельных суффиксов тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков к их лексическим прототипам. Таковыми нам представляются, в частности: возведение тунгусо-маньчжурского каузативного суффикса *-*бу-* к глагольному корню *бӯ-* «дать», бытующему и в современных языках; возведение окончания, например, дательно-местного падежа *-*до* к именному корню *до-* «нутро»; возведение лично-притяжательных и лично-предикативных окончаний имени и глагола к соответствующим личным местоимениям и т. п.

Но алтаистам, как кажется, еще не известны убедительные опыты сведения всех без исключения компонентов многоморфемного слова какого-либо из алтайских языков к соответствующему ряду отдельных архаических слов («корней»), на базе которых сложились и развились современные агглютинативно-суффиксальные формы типа эвенкийск. *мо-ла-син-мукан-му-зэ-рэ-н* «он хочет заставить (кого-либо) пойти за дровами» и т. п. Попытаемся обратиться поэтому к некоторым интересующим нас реконструкциям, произведенным на материалах одного из палеоазиатских языков, агглютинирующие аффиксы которого поддаются, по мнению специалистов, вполне убедительной этимологизации (даже без применения обычных приемов сравнительно-исторического метода).

Так, в чукотском языке, согласно выводам П. Я. Скорика, «выявляется непрерывная цепь последовательных переходов от реального корня-основы до словоизменительного форманта: обычная основа (корень), комплексная основа (корень), словообразующий аффикс с ярко выраженным материальным значением, словообразующий аффикс со слабо выраженным материальным значением, словоизменительный аффикс»[1].

Как установил С. Н. Стебницкий, форманты дательно-направительного (*-гты*) и продольно-направительного (*-йпы*) падежей представляли в прошлом «глагольные основы». Эти лексические элементы существуют в современном чукотском языке, во-первых, как словоизменительные аффиксы, во-вторых, как аффиксы словообразовательные и, в-третьих, как глагольные корни [2].

Полагая, что в древних пластах чукотского языка нынешние формативы были «знаменательными корнями», П. Я. Скорик представляет («очень приблизительно») историческое прошлое современного глагольного образования (так называемого инкорпорированного комплекса) «в виде простого следования корней, синтаксические отношения между которыми выражались простым их соположением». В качестве доказательства приводятся следующие примеры: *ны-йаа-мелг-ар-рачвын'-марав-море* «Издали ружьями (в стрельбе), состязаясь, деремся мы (вообще)» [буквально: «Тогда или теперь-(неопределенно)-даль-ружье - (огне-лук)-состяза-драко-мы»]. Ср. *га-йаа-мелг-ар-рачвын'-марав-море* «Давно-даль-ружье-стрелять-состяза-драко-мы» (т. е. «Давно издали ружьями в стрельбе состязаясь, дрались мы») [3].

[1] П. Я. Скорик, Очерки по синтаксису чукотского языка. Инкорпорация, Л., 1948, стр. 92.
[2] П. Я. Скорик, указ. соч., стр. 88
[3] Там же, стр. 104—105.

Формативами (аффиксами) в этих примерах являются видо-временные префиксы *ны-* (показатель настояще-прошедшего времени глагола), *га-* (показатель 2-го прошедшего времени глагола) и суффикс (окончание) *-море* (показатель 1-го лица мн. числа предикативной формы глагола и имени). Префиксы возводятся к «знаменательным корням» (т. е. словам) — *ны-* <*(ы)н-/н(ы)-* «тогда или теперь (неопределенно)», *га-* <*гэ-/га-* «очень далеко или очень давно». Суффикс (окончание) *-море* сопоставляется со словом *мури* «мы» (личное местоимение 1-го лица мн. числа). Что же касается всех прочих, выделенных посредством дефисов морфологических компонентов, то они определяются П. Я. Скориком как «основы или корни» так называемого «инкорпорированного» глагольного комплекса (т. е. нестойкого, временного сложного слова). Все они, следовательно, являются и в современном чукотском языке «знаменательными корнями» [1], но, выступая в качестве отдельных лексических единиц (слов), получают соответствующее оформление, свойственное всякому законченному слову — простому и сложному, в частности «инкорпорированному».

Здесь нет надобности останавливаться на возможном историко-семасеологическом толковании приведенных примеров; нас сейчас интересует только грамматическая природа этих примеров и опыт их историко-грамматической интерпретации. В самом деле, если предположить, что некогда не только знаменательные компоненты «инкорпорированного» слова (составляющие его «корни или основы»), но и аффиксы, обрамляющие «инкорпорированный комплекс» (как и соответствующие простые слова), были отдельными «знаменательными корнями», то следует ли из этого, что любое морфологически членимое слово (простое или сложное) современного языка может быть сведено к простому следованию соответствующих изолированных «корней»? Даст ли такое «сведение» правильную картину древнего состояния языка, в частности его грамматического строя? Можно ли это «сведение» признать одновременно и объяснением происхождения морфологии современного языка?

Думается, что историзм подобных реконструкций, независимо от того, производятся ли они сравнительно-историческим методом или каким-нибудь иным, не предполагающим установления праязыковых архетипов, подлинным историзмом не является. Ведь основной вопрос — вопрос о коренных законах развития языкового строя, в частности о закономерностях возникновения и развития морфологической структуры слова — в этих случаях не только не решается, но в сущности и не ставится.

2

Не только языковеды, но и отдельные философы давно уже высказывали предположение о том, «что в самом начале человечество выражало свои мысли одиночными словами, которые и были первоначальной формой предложения» [2]. Лишь очень немногие ученые пытались реконструировать эти гипотетические слова-предложения в их реальных звучаниях и значениях. Положительных результатов эти попытки не дали. Следует, однако, напомнить, что, кроме определенных логических оснований, эта глоттогоническая теория находит также и свою эмпирическую опору при соответствующем подходе к некоторым вполне достоверным фактам живых или письменно засвидетельствованных языков. Таковыми являются прежде всего различные типы односоставных предложений, в частности так называемые слова-предложения современного русского языка [3]. Аналогичные типы односоставных слов-предложений отмечены и во всех дру-

[1] См. В. Г. Богораз, Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь, М.—Л., 1937.

[2] В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, 1935, стр. 203; см. также И. И. Мещанинов, Общее языкознание, Л., 1940, стр. 74 и сл.

[3] См. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, М., Изд-во АН СССР, 1954, § 1105.

гих индоевропейских языках[1]. Они имеются в алтайских, угро-финских, палеоазиатских языках. Таким же односоставным словом-предложением может выступать и так называемое «инкорпорированное» слово-предложение юкагирского, алеутского, чукотского языков, привлекшее в свое время особое внимание И. И. Мещанинова [2] и некоторых других лингвистов.

Как известно, «...предложение, способы его построения и его господствующие формы представляют собой наиболее устойчивые элементы структуры языка. Они сохраняются в основном в течение ряда эпох» [3]. Видимо, поэтому они и оказываются типологически в основном общими для очень многих (в том числе разносистемных и неродственных) языков, и мы вправе предположить, что некоторые т и п ы односоставного слова-предложения засвидетельствованных языков могут послужить тем фактическим (иначе — типологическим) материалом, на базе исследования которого можно составить представление о т и п е первоначального слова-предложения. Так, по-видимому, обстоит с т и п о м п р е д л о ж е н и я, но, конечно, не с его смысловым значением и морфологическими типами тех слов, которые служили прежде и которые служат теперь средством выражения односоставного предложения. Если в высокоразвитых языках слова вроде русск. *зима*, *морозит*, *батюшки*! и т. п., выступающие иногда в роли односоставных предложений, обладают определенной морфологической структурой, то в первичных словах-предложениях подобной морфологической структуры мы предполагать не можем. «Корнями», «основами» и т. п. эти гипотетические первичные слова признают, рассматривая их сквозь призму структуры современных морфологически развитых слов. Согласиться с такой характеристикой первичных слов (слов-предложений) нельзя. Ведь если эти слова были морфологически не членимыми, если в них не было, в частности, аффиксов, то не могло, естественно, быть и корня, не говоря уже об основе, предполагающей не только наличие корня и аффикса, но и соотносительную категорию окончания (флексию).

Итак, возможно ли в засвидетельствованных (современных и древних) языках обнаружить морфологические типы слова, аналогичные единственному гипотетическому типу «аморфного» (морфологически не членимого) слова первоначального звукового языка? Несмотря на ряд оговорок (некоторые из них мы опускаем в целях краткости изложения), на этот вопрос, по нашему мнению, следует ответить утвердительно. Таковы по своему типу несуффигирующие, или «корневые», слова современных тунгусо-маньчжурских языков, вроде *ма* «на», «возьми»; *гэ*~ *кэ* «ну, да, эй»; *туги* ~ ~ *туj* ~ *ту* ~ *ти* «так»; *хони* ~ *хон'* ~ *он* «как?» и многие другие (слова так называемого третьего морфологического типа [4]). Таковы же по своему типу грамматически не изменяемые и морфологически не членимые (на данном этапе их развития) слова русского и любого другого языка, в котором они имеются: слова, входящие в некоторые разряды наречий, междометий, а также союзов и предлогов. Конечно, при общности морфологического типа между образующими этот тип словами на разных этапах развития языка имеются и существенные различия. Эти различия заключаются, в частности, в том, что далеко не каждое слово данного типа может практически выступать как односоставное слово-предложение наших развитых языков (например, некоторые союзы, предлоги, отсутствовавшие в архаических языках).

[1] См., например, об этом: Г. Ш у х а р д т, Избранные статьи по языкознанию, М., 1950, стр. 80.

[2] Так называемое «полное инкорпорирование» неправомерно толковалось тогда как средство выражения архаических двусоставных предложений — с субъектом, объектом и предикатом, якобы заключенными в форме одного цельного слова (см., например: И. И. М е щ а н и н о в, указ. соч., стр. 75 и сл.).

[3] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, § 28.

[4] См. нашу статью «К типологической характеристике языков тунгусо-маньчжурской группы», стр. 5—6.

Для того чтобы попытаться понять хотя бы самые общие закономерности морфологического развития и наметить важнейшие исторические вехи постепенного развития более сложных структурных типов слова, поставим, далее, такие вопросы: как может быть представлен (разумеется, гипотетически) строй первоначального состояния звукового языка, в котором господствовало «аморфное», «корневое» и т. п. слово (слово-предложение)? Какими путями могло идти развитие этих простейших форм речи, каким образом на их базе складывались и развивались более сложные и совершенные формы, известные нам по материалам засвидетельствованных языков?

Можно думать, что и в наиболее архаической речи, наряду с одиночными и «аморфными» словами-предложениями, отделенными друг от друга интонационно, паузами, постепенно складывались, с одной стороны, паратактические словосочетания, употреблявшиеся как своего рода сочиненные односоставные предложения (С = П; С, С = П)[1], а с другой, возникали архаические прототипы двусоставного предложения (С — С = П, а также С, С — С = П; С — С, С = П).

Потребности общества должны были вести к непрерывному усовершенствованию и развитию архаических форм речи. Новый морфологический тип слова (не отменяющий и не заменяющий, однако, полностью предыдущего) мог явиться при возникновении архаического словосложения, т. е. образования архаических сложных слов путем агглютинации (соположения) членов некоторых паратактических словосочетаний (С, С > > С + С), объединяемых единой интонацией, свойственной отдельному слову. Такие вначале весьма неустойчивые сложные слова могли выражать либо односоставное предложение, либо один или оба члена двусоставного. В дополнение к вышенамеченным типам слова и предложения могли появиться и такие, как С + С = П; С + С — С = П; С — С + С = П и т. п. Сложные слова подобных типов (иногда непродуктивных) можно обнаружить во многих языках. Ср. нанайск. *нāнаj*<*нā*+*наj* «земля человек» > «местный, здешний человек» (самоназвание нанайцев), *ходанаj* < < *хода* + *наj* «товар человек» > «торговец», *чаоханаj* < *чаоха* + *наj* «война человек» > «воин» и т. п. Ср. также сложные (устойчивые и «инкорпорированные») слова некоторых палеоазиатских языков.

Дальнейшее развитие морфологической природы слова могло привести к возникновению окказиональных служебных слов, противопоставляемых словам знаменательным, а также к возникновению сложных слов, состоящих из компонентов знаменательного и служебного. Эти процессы могли быть связаны с дальнейшим развитием и усложнением типов одно- и двусоставных предложений, с дальнейшим развитием форм словосочетаний и сложных слов, с постепенным установлением (прежде безразличного) порядка следования членов словосочетаний, а также порядка расположения компонентов сложного слова. При таких условиях должны были возникнуть (наряду с прежними паратактическими сочетаниями) сочетания синтаксические, в частности — для выражения атрибутивных отношений, противопоставляемых отношениям предикативным (в архаических типах двусоставных предложений).

Типологически сходные явления широко известны из наблюдений над многими засвидетельствованными языками. Так, например, в тунгусо-маньчжурских языках в качестве окказионально-служебных слов выступают некоторые имена с пространственным значением (имена-послелоги), глаголы *би-* «быть», *о-* «становиться» и т. п. Ранее упомянутое нанайск. *наj* ~ *ни* > *-ни* выступает в ряде случаев как аффиксальный компонент, например, *илани* < *илан наj* «втроем», *дуини* < *дуин наj* «вчетвером» (буквально: «три человека», «четыре человека»). Становится обычным по-

[1] Пользуемся следующими сокращениями: С — слово, П — предложение, К — корень, А — аффикс. Тире обозначает предикативную связь.

рядок следования членов в атрибутивных словосочетаниях: определение — определяемое, в предикативных: подлежащее — сказуемое и т. п.

Дальнейшее развитие языкового строя должно было привести к возникновению древних собственно-служебных слов, отчетливо противопоставленных (по функции и значению, но еще не по морфологической природе) словам знаменательным, а также окказионально-служебным, часть из которых и развилась в собственно-служебные. Подобные языковые процессы и соответствующие типы слова известны из грамматик многих языков народов СССР (собственно-послелоги, союзные слова, связки, служебные глаголы и т. п.).

Наряду с изолированным (аналитическим) употреблением служебных слов развивалось их синтетическое употребление в качестве грамматических компонентов слова. В плане типологическом и эти явления известны по материалам многих хорошо изученных языков.

Превращение отдельных служебных слов, а также служебных компонентов некоторых типов сложного слова в аффиксы (префиксы, суффиксы) органически связано со становлением нового морфологического типа слова, обладающего морфологической структурой (в узком смысле этого термина) и состоящего из корня и аффикса. Наряду со старыми типами простого слова (С), знаменательного и служебного, а также слова сложного (С + С), образовался новый тип: К + А = С, А + К = С, А + К + + А = С, К + К + А = С, А + К + К = С, А + К + К + А = С и т. п. Сложился аффиксальный, или, иначе, корневой, тип слова. Слова подобного морфологического типа широко распространены во многих современных языках. В языках алтайских (суффиксально-агглютинативных) они представлены так называемым вторым («суффиксально-непродуктивным») типом слова. Это грамматически не изменяемые слова, но обладающие признаком морфологической структуры, состоящие из одной корневой и одной или нескольких суффиксальных морфем [1].

Дальнейшее развитие аффиксации, связанное, в частности, с усовершенствованием форм словосочетания и предложения, должно было вести и действительно привело к возникновению, наряду с аффиксальными формами словообразования, аффиксальных форм словоизменения (включая сюда и так называемое формообразование). Сложился тот тип многоморфемного слова (с морфемами корневой и аффиксальными, в том числе «нулевыми»), который мы назвали, исходя из его роли и значения в современных языках, первым (или «суффиксально-продуктивным») типом [2] и который часто признается для агглютинативных языков как бы единственным [3].

Только в словах, обладающих такой развитой морфологической структурой, наличны два новых соотносительных компонента (или две морфологические части) слова—его основа и его окончание (иначе—тема и флексия). В тунгусо-маньчжурских и многих других языках данный морфологический тип составляют слова склоняемые и слова спрягаемые [4].

Думать, что сначала возникла основа слова, а затем на каком-то последующем этапе развития языка возникло (или возникнет) его окончание (флексия), столь же неправомерно, как думать, что сначала возник корень слова и лишь впоследствии аффикс [5].

---

[1] См. нашу статью «К типологической характеристике языков тунгусо-маньчжурской группы».

[2] См. там же.

[3] См., например: Н. А. Баскаков, Предисловие.., стр. 16.

[4] См. нашу статью «О типах основ и окончаний слова в тунгусо-маньчжурских языках».

[5] Между тем не только некоторые специалисты по агглютинативным, в частности алтайским, языкам, но и отдельные специалисты по флективным индоевропейским языкам рассуждают, по-видимому, иначе. Так, например, Н. Д. Андреев в статье «Периодизация истории индоевропейского праязыка» (ВЯ, 1957, № 2) утверждает, что в праязыке раннеиндоевропейского периода могли быть только «одноморфемные основы», равные

В заключение хотелось бы отметить, что современные тунгусо-маньчжурские, как и многие другие, языки обладают многообразными формами грамматического словоизменения. Ведущим и преобладающим способом словоизменения, а также словообразования в них, как и во многих других языках, выступает аффиксация. Типы и формы словоизменительных аффиксов-окончаний имеют, в сравнении, например, с окончаниями слов русского и других флективных языков, свои отличия — и количественное (количество аффиксов-окончаний), и качественное (частные значения аффиксов-окончаний); различны они не только по своему звучанию и значению, но часто еще и по характеру соединения с основой. Но все они типологически едины и однородны по своей морфологической природе, по своим функциям и особенностям грамматических значений.

Развитие морфологической структуры слова, разумеется, не заканчивается на становлении изменяемого синтетического слова и выделении в нем основы и окончания. Архаический синтетизм возник на базе предшествовавшей ему изоляции, или архаического аналитизма. На смену старым синтетическим формам могут прийти и приходят новые собственно-аналитические формы, а на их базе складываются новые синтетические. Смены эти не являются, конечно, только сменами различных — равноценных или неравноценных — технических средств грамматического строя языка. Они свидетельствуют о прогрессивном развитии, о совершенствовании языкового строя, ибо смены эти не представляют собой движения по кругу, а являются движением по восходящей. Аналитизм современного английского языка, не исключающий полностью аффиксации, очень мало, как можно думать, похож на аналитизм первобытной архаической по своему строю речи, о которой мы можем составить лишь самое общее представление. Аналитизм современного китайского языка, также не исключающий аффиксации [1], имеет больше общих черт с аналитизмом языка английского, чем с гипотетической «аморфностью», или изоляцией, той же (теоретически реконструируемой) первобытной речи.

Невозможно представить себе тип языка, в котором бы слово имело основу и окончание, но не имело бы корня и аффикса: явления эти тесно связаны и в плане синхронном, и в плане историческом. В многоморфемном современном слове выделяются, с одной стороны, и корень, и аффиксы, с другой — основа и окончание (флексия). Явления эти сходные, иногда перекрещивающиеся и внешне совпадающие, но всегда качественно различные, разноплановые, хотя и сосуществующие в определенные периоды развития морфологической структуры слова. В конечном счете и корень слова, и многие аффиксы восходят к архаическому типу неизменяемого, доморфемного слова, хотя нередко родословная некоторых аффиксов, а также корней ограничивается ближайшими историческими периодами (ср., например, личные окончания и личные местоимения тунгусо-маньчжурских языков). Можно представить период, когда были слова, состоявшие из корня и аффикса, но не имевшие основы и окончания. Слова подобного типа встречаются и в современных языках (некоторые разряды прилагательных, наречия). Это — грамматически не изменяемые слова, хотя и членимые на составные морфемы.

Основа и окончания возникли после становления корня и аффикса, на их базе. Но возникновение основы и окончания не было полным преобразованием корня и аффикса соответственно в основу и окончание. Окончание генетически связано не с аффиксом вообще, но ближайшим образом с аффиксом словоизменительным. В свою очередь основа генетически

корню, который в свою очередь равен слову. В следующий, старший среднеиндоевропейский период произошла «диморфемизация» основы, возникла «двухморфемная основа», состоящая из корня и суффикса-распространителя. И только в следующем, младшем среднеиндоевропейском периоде появилось окончание слова (в связи с возникновением словоизменения).

[1] См. Н. И. Конрад, О китайском языке, ВЯ, 1952, № 3, стр. 70 и сл.

связана не только с корнем слова, но также и с определенными разрядами аффиксов — аффиксами словообразования, точнее — с аффиксами основообразования. Приходится поэтому и в плане синхронном, и в плане историческом проводить определенное различие между: а) «аморфным» словом (без корня и без аффикса), б) словом, состоящим из корня и аффикса, и в) словом, состоящим из основы и окончания. В последнем случае корень нужно рассматривать лишь как одну из специфических морфем основы, в то время как в первом случае мы имеем дело не с корнем, а с целым словом, которое может стать корнем и становится таковым с возникновением аффикса, при соединении с ним. Корень в соединении с аффиксом еще не есть основа, хотя их сочетание может стать основой слова и становится ею при соединении с окончанием, возникающим на базе выделения особых аффиксов — морфем грамматического (реляционного) словоизменения. Присоединяясь к основе, окончания не только изменяют форму слова, но и в определенном смысле образуют его, завершая тематическую часть слова (основу) в целое, законченное слово. Мена окончаний, присоединяемых к одной и той же основе, образует парадигму грамматических изменений одного и того же слова, обладающего одним и тем же лексическим и общеграмматическим значением. В этом состоит словоизменительная роль окончания. Замена одной основы другой основой того же типа при сохранении того же окончания означает изменение лексического значения слова, но сохраняет общеграмматическое его значение. Изменение типа основы (количества и качества образующих основу морфем), если оно не влечет за собой изменения типа окончания, связано, как правило, с формообразованием (образование форм числа, субъективной оценки, вида, времени и т. п.) Изменение же типа основы, влекущее за собой изменение типа окончания, означает, как правило, лексическое изменение слова, т. е. словопроизводство. В плане грамматическом последнее связано, во-первых, с основообразованием (деривация, изменение основы) и, во-вторых, с основозавершением, т. е. изменением окончания; в целом эти изменения означают также и изменение общеграмматического значения слова, на основании которого данное слово принадлежит к определенной части речи.

Нам кажется, что сформулированные выше выводы, сделанные из наблюдений над агглютинативными тунгусо-маньчжурскими языками, не позволяют говорить о каких-то принципиальных различиях между морфологической структурой сопоставимых типов слова в языках, относящихся к различным морфологическим типам. А это в свою очередь указывает на то, что традиционные типы языков и имеющие широкое распространение морфологические классификации нуждаются в существенных поправках и изменениях.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1959

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ*

*

К вопросам анкеты, посвященной проблеме формирования языка великорусской народности и национального русского литературного языка, могу сообщить следующее.

В анкете около половины пунктов касается вопросов стиля. За неразработанностью вообще проблемы стиля (и главным образом применительно к старым эпохам) не могу о нем говорить. Для суждения о стиле, особенно в отношении старших эпох, очевидно, должны быть найдены какие-то особые приемы. Да и вообще бóльшая опора для суждения о великорусском языке появится лишь с окончанием атласов народных говоров не только великорусского языка, но также белорусского и украинского языков. Кроме того, большое препятствие в изучении и языка великорусской народности, и национального русского литературного языка составляет неизученность многих сотен и тысяч письменных памятников русского языка. Поэтому на многие пункты анкеты приходится отвечать проблематически, до проверки ответа данными тех или других письменных памятников.

В о п р о с № 1: «Какие явления и процессы в истории русских диалектных групп связаны с образованием языка великорусской народности?»

Наличность в более широком виде следов так называемого полногласия, явления с изменением дифтонгического *ъ* в монофтонг, переход *е* в *о*, дифтонгизация напряженных *о* и *е*, отсутствие цоканья.

В о п р о с № 2: «Что унаследовал русский литературный язык XIII—XIV вв. от предшествующего периода и в чем сказалось влияние на него северновосточнорусского этнографического и диалектного (великорусского) окружения?»

Унаследована была общая система произношения, в частности языковые изменения, связанные с судьбой слабых и сильных *ъ* и *ь*, взрывное *г*, нормы склонения и спряжения, например, из отдельных морфологических черт — появление *-у* в род. и местн. падежах ед. числа у существительных муж. рода, замена мягких *з*, *ц*, *с* в отдельных формах через *к'*, *г'*, *х'*, флексия *-ов* в род. падеже мн. числа в словах муж. рода, *-ам*, *-ами*, *-ах* в дат., твор., местн. падежах мн. числа существительных и т. д., в спряжении — утрата (давняя) супина, утрата имперфекта, потеря в перфекте связки, утверждение в будущем времени глаголов несовершенного вида форм с вспомогательным глаголом *буду*, обобщение суффикса кратности *-ыва-*, стабилизация деепричастий на *-вши* (без перехода последнего в *-мши*) и др., в лексике — воздействие церковнославянского языка. В чем сказалось именно влияние севера? Вообще это влияние красочнее всего отразилось на отсутствии аканья. В области лексики также должен был быть северновосточнорусский вклад. Но ближайшее его установление требует еще специального изучения.

---

* «Вопросы языкознания» начинают публикацию ответов на анкету, опубликованную в № 4 журнала за 1959 г. (стр. 50—51).

Вопрос № 4: «Когда и как в произносительной системе русского литературного языка закрепилось аканье?»

Как известно, по этому вопросу противостоят точки зрения акад. А. А. Шахматова и акад. А. И. Соболевского. Согласно первой точке зрения, происхождение аканья доисторическое (неопределенной даты); вторая точка зрения исходит непосредственно из показаний письменных памятников, возводя явление к XIV в. По-видимому, более правильно последнее мнение. Аканье, по свидетельству памятников, растет. Это явление говорит о развивающемся воздействии юго-востока на севернорусское наречие. Предположение о доисторическом возникновении аканья сталкивается с отсутствием более ранних показаний о нем письменных источников.

Вопрос № 6: «Каково соотношение северновеликорусских и южновеликорусских диалектных элементов в деловых и литературных памятниках русского литературного языка XVI и XVII вв.?»

Надо сказать, что специальных исследований памятников XVI—XVII вв. почти нет, поэтому соответственное разрешение этого вопроса затруднительно.

Вопрос № 8: «В чем заключается специфическое своеобразие соотношения и взаимодействия народнорусских и церковнославянских элементов в русском литературном языке XVI—XVII вв. сравнительно с белорусским и украинским литературными языками того же времени?»

Отсутствие работ по изучению памятников не дает возможности дать аргументированный ответ на этот вопрос. Вообще можно сказать, что на территории белорусского и украинского языков церковные произведения не имели широкого хождения, поэтому и общее воздействие церковнославянского языка было меньшим, чем на великорусской почве.

Вопрос № 11: «Какова была роль художественной литературы в развитии русского литературного языка со второй половины XVI в. до начала XVIII в.?»

Развитие художественной литературы (в большинстве переводной) в период XVI в. до самого начала XVIII в. должно было сильно раздвинуть границы лексики русского литературного языка, должно было оказать свое воздействие и на синтаксис.

Вопрос № 17: «Какую роль в нормализации грамматической системы русского литературного языка XVIII в. сыграли грамматические труды (Адодурова, Ломоносова и др.)?»

Значение грамматик XVIII в. (и особенно грамматики Ломоносова) в том, что они обратились к собственно русскому языку, показав, что русский язык — не то, чем был прежний «русский» язык. В диалектологическом масштабе значение грамматик XVIII в., в первую очередь ломоносовской, было в том, что именно грамматика Ломоносова смягчила московские устои литературного языка. В частности, грамматика Ломоносова, отчасти санкционированная первой академической грамматикой, усилила проникновение северновеликорусской стихии в общие нормы русского литературного языка.

С. П. Обнорский (Москва)

*

Вопрос № 2: «Что унаследовал русский литературный язык XIII—XIV вв. от предшествующего периода и в чем сказалось влияние на него северновосточнорусского этнографического и диалектного (великорусского) окружения?»

Вопрос предполагает с достаточным основанием, что общерусский (общевосточнославянский) книжный язык около XIII—XIV вв. получает более или менее определенную окраску диалектной дифференциации. Для этого периода уже можно говорить о физиономии книжного языка, которая зависела от великорусского окружения или, точнее, заметно

формировалась как великорусская, в ряде черт уже отличающаяся от языковых типов специфически южного и специфически западного. Определение конкретных черт диалектной дифференциации древнерусского языка требует внимательного учета ж а н р о в книжного языка, в их совокупности составляющих письменность XIII—XIV вв. Наименьший интерес в этом отношении представляют памятники литургического характера, по самой их природе мало самостоятельные, зависящие от образцов, занесенных уже больше трех веков назад со славянского юга, и, насколько возможно, оберегаемые в верности этим образцам.

Наиболее важными следует признать данные, которые могут быть извлечены из д е л о в ы х бумаг, поскольку эти письменные источники отражают обыкновенно бытовую речь — как по кругу затрагиваемых ими понятий, так и по самой форме выражения (фонетике и грамматике). Когда дело идет о документах официального или, в частности, юридического характера, приходится считаться с неизбежными для них наслоениями канцелярских условностей, приобретающих характер традиционных формул, застывающих и становящихся надолго предметом подражания. Однако формулы эти не настолько преобладают над остальным текстом, чтобы закрыть в нем то, что непосредственно относится к языку непринужденного, разговорного общения. К счастью для науки, с недавнего времени для суждения о древнем русском языке мы располагаем новгородскими текстами, писанными на бересте; теперь можно без всяких оговорок исходить из того ф а к т а, что уже в XI—XII вв. тексты определенно севернорусские имели свою языковую физиономию, достаточно выразительную, чтобы не быть смешанными, например, с южнорусскими.

Сопоставление документов, вышедших из великокняжеских и княжеских канцелярий (особенно — мелких князей), часто достаточно ясно показывает степень требуемой вкусом времени книжности их. Первые, как правило, более грамотны (в широком смысле слова), более литературны, хотя и они вообще далеки от какой-либо стилистической претенциозности; вторые иногда до неряшливости малограмотны, и претенциозность их исчерпывается короткими традиционными формулами, служащими для создания ощущения особой важности сообщаемого. В этих формулах еще дает знать о себе до некоторой степени связь со старинным книжным языком церковнославянского типа; при этом инородность и случайность его элементов на фоне живой разговорной стихии основного текста выступают достаточно определенно.

Если мы условимся книжным литературным называть язык только тех жанров письменности, в которых в большей или меньшей степени проявляются творческие возможности пишущего в области языка, то понятие наследства в отношении русского литературного языка XIII—XIV вв. естественно сведется только к тому из письменности предшествующего времени, что, будучи предметом усвоения, хотя бы в некоторой степени открывало возможности нового выражения. Некоторая свобода выбора языковых средств, главным образом в области лексики и синтаксиса, и с нею гибкость выражения, нарушающая инертность унаследованных образцов,— самая характерная примета нарождения и укрепления нового качества языка. Наиболее важна в этом отношении речь с более или менее определенными установками на то, чтобы нравиться не только передаваемым ею содержанием. Таким жанром в наибольшей мере являлась светская занимательная повесть.

Древнерусская беллетристика, и прежде всего житийная литература, своими корнями уходит в церковность, и выбор средств выражения для нее предопределялся ее идеологической природой. Идеализация церковно окрашенной старины должна была вести за собою и в области языка пиетет в отношении речевой архаики, т. е. чисто традиционных — церковнославянских или сильно церковнославянизированных — способов выражения. Эта архаика была, таким образом, бесспорной установкой, осно-

вывавшейся на самой природе соответствующих жанров. Мера архаизированности языка во многом зависела от степени образованности автора или компилятора-составителя; как правило, каждый хотел писать в духе традиционной словесной манеры, но не каждый мог остаться одинаково верным ей; зависела она и от самого сюжета со всеми относившимися к нему представлениями и понятиями, собственно церковными или бытовыми, при этом именно данного времени, данной местности и общественного круга. Можно предположить, что сила архаизаторских установок писавших определялась также и тем, насколько они учитывали способность своих читателей понимать соответствующие тексты, и под.

Более близкая к исторической почве основа повествования естественно способствовала проникновению в него прежде всего лексических элементов, не имевших себе синонимов в древнем языке. Это же давало о себе знать и в фантастическом повествовании, для понятий и представлений которого традиция давала только очень ограниченную опору.

Язык летописи очень характерно сочетает в себе многочисленные элементы условного традиционного языка с его архаической, при этом чужой основой и близкую к бытовому языку старорусскую стихию (при сообщении о событиях). Как известно, в летописи совершенно определенно отслаиваются пласты наставительно-церковные по своему содержанию, недвусмысленно иноязычные (церковнославянские) по манере, морфологии и синтаксису. Пишущие хотят их видеть именно такими и заботятся в пределах своего умения о максимальной верности их традиционно-книжному слогу. В остальном обнаруживаются способы выражения намного более свободные, но остающиеся все-таки в пределах манеры, в которой нет совершенной простоты, не говоря уже о возможной вульгарности разговорной речи. Ведь и эти способы выражения должны были свидетельствовать о том, что пишет образованный, хорошо грамотный человек, усвоивший определенную манеру письма.

О языке «Русской Правды» иногда еще спорят — как смотреть на его основной состав, не сводящийся к старославянским элементам? К какой из областей старинной диалектной дифференциации восточнославянского языка — южной или же северной — относить его? Нельзя сказать, что после отслоения элементов, связанных с особенностями дошедших до нас списков, в «Русской Правде» с достаточной выразительностью выступают черты той, а не другой диалектной группы. Можно думать, что во время создания «Русской Правды» и сама диалектная дифференциация живого языка еще не приобрела той определенности, которая постепенно стала заявлять о себе позже.

Влияние на русский литературный язык XIII — XIV вв. северновосточнорусского этнографического и диалектного (великорусского) окружения заявляет о себе, помимо отсутствия в этом языке специфически южных черт, наличием ряда таких, которые связаны с языком именно великорусской народности,— как он выступает в письменности и живых говорах этого и последующего времени. Из важнейших явлений можно указать, например, на достаточно свободное уже с начала русской письменности проникновение в письменность новгородского цоканья — чоканья; со второй половины XIII в. отражается в памятниках великорусский переход *-ый*, *-ий* в *-ой*, *-ей* и несколько раньше — переход *ъ*, *ь* после плавных в (соответственно) *о* и *е*. В области м о р ф о л о г и и как великорусизмы заявляют о себе восходящие к древнейшим *цѣ*, *зѣ* (*dzě*), *сѣ* в формах имен существительных аналогические группы *кѣ*, *гѣ*, *хѣ* (древнейший пример *Дъмъкѣ* уже в записи при севернорусской Минее 1095 года); формы единственного числа личных и возвратного местоимений *меня*, *тебя*, *себя* (при этом решающего значения не имеет, морфологического или фонетического происхождения их *я*; в великорусских памятниках такое окончание встречается со второй половины XIV в.); для системы глагола среди другого характерны явления аналогического ха-

рактера в формах повелительного наклонения: утрата фонетического изменения *к*, *г*, *х* в *ц*, *з*, *с* перед *и* и *ѣ* из былого **oi̯* и вытеснение *ѣ* во множественном числе звуком *и*, идущим из форм единственного числа.

В области синтаксиса одно из очень заметных великорусских явлений — оборот «именительный падеж женского рода в функции дополнения, зависящего от инфинитива». Он характерен главным образом для московской письменности с середины XIV в., хотя встречается несколько раньше уже в договорной грамоте смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом 1229 г. Наряду с возможными толкованиями этого оборота как диалектно возникшего на самóй северновеликорусской (и западнорусской) почве, надо серьезно считаться и с возможностью его возникновения в связи с финским субстратом, где аналогичное явление встречается именно при инфинитиве (и повелительном наклонении).

Что касается лексики, то фонд слов, вынесенных из общевосточнославянской старины, долго сохраняется в литературном употреблении. Внимательный анализ позволяет констатировать постепенное проникновение в письменную речь слов великорусского фонда, иногда даже определенно диалектного употребления, таких, например, как отмеченные Б. Унбегауном новгородизмы, относящиеся к мореплаванию и торговле: германизмы *шкипер*, *буса*, *берковеск*; *зобня*, *коробья*, *пуз* (меры) и под. Слово *берковьскъ* «берковец, 10 пудов» засвидетельствовано около начала XII в.; *зобьня* «мера сыпучих тел» — с конца XIV в.; *буса* «род судна» — в Новгородской I летописи, и под. Лексика общевеликорусская и узко диалектная без большого труда отслаивается хотя бы в таких хорошо обработанных собраниях правового материала, как «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.», подготовленные к печати Л. В. Черепниным (М.—Л., 1950). Памятники художественного языка, в большой мере церковнославянизированные, доступ диалектной лексике дают, конечно, менее свободно.

Медленное накопление получавших доступ в письменность диалектных особенностей с определенного времени ускоряется — по-видимому, в результате военного потрясения на переходе ко второй четверти XIII в. Процесс политической дифференциации страны вплоть до периода нового, московского, «собирания» русской земли отражается в письменности все более заметным ее областничеством.

Л. А. Булаховский (Киев)

*

Вопрос № 5: «Чем объяснить усиление влияния и расширение функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв.?»

Ответ на этот вопрос несколько шире самого вопроса; отчасти он будет давать некоторый материал и для ответа на ряд других вопросов, предложенных журналом «Вопросы языкознания».

Прежде всего об одном чрезвычайно важном для развития русской литературы и русского литературного языка явлении, до сих пор не обращавшем на себя внимания литературоведов и языковедов. Явление это я условно предлагаю назвать литературным этикетом. Феодализм времени своего возникновения и расцвета с его крайне сложной лестницей отношений вассалитета—сюзеренитета создал чрезвычайно развитую обрядность — церковную и светскую. Взаимоотношения людей между собой и их отношения к богу подчинялись этикету, традиции, обычаю, церемонии, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере подчиняли себе мировоззрение и мышление человека.

Из общественной жизни склонность к этикету проникает в искусство.

В живописи иконописные подлинники предписывают изображение каждого святого в строго определенных положениях со всеми присущими этому святому атрибутами; то же касалось и изображения событий из жизни святых или событий священной истории. Этикет может быть вскрыт в строительном и в прикладном искусстве, в одежде и в науке, в отношении к природе и в политической жизни. Это была одна из форм идеологического принуждения.

Если мы обратимся к литературе и к литературному языку эпохи раннего и развитого феодализма, то и тут обнаружим ту же склонность к этикету. Литературный этикет — наиболее типичная средневековая условная связь содержания с формой. Поясню. В. О. Ключевский подобрал довольно много формул, якобы присущих житийному жанру. А. С. Орлов сделал то же самое для жанра воинской повести. Но ни первый, ни второй не обратили внимания на то обстоятельство, что и житийные, и воинские формулы постоянно встречаются и вне житий, и вне воинских повестей, например в летописи, в хронографе, в исторических повестях, даже в ораторских произведениях и посланиях. Не жанр произведения определяет собой выбор выражений, а предмет, о котором идет речь. Именно предмет, о котором идет речь, является сигналом для несложного подбора требуемых литературным этикетом трафаретных формул. Раз речь заходит о святом— житийные формулы обязательны, они подбираются в зависимости от того, что говорится о святом, о каком роде событий повествует автор. Так же обязательны воинские формулы, когда рассказывается о военных событиях. Есть формулы, применяемые к выступлению в поход своего князя; другие применяются в отношении врага; есть формулы, определяющие различные моменты битвы, победу, поражение, возвращение в свой город и т. д. Вот почему воинские формулы могут встречаться в житии, житийные формулы — в воинской повести, те и другие в летописи или поучении. Легко убедиться в этом, пересмотрев любую летопись — Ипатьевскую, Лаврентьевскую, одну из новгородских и др. Один и тот же летописец по нескольку раз меняет манеру своего изложения, стиль, язык в зависимости от того, пишет ли он о сражении князя или о его смерти, передает ли содержание его договора или рассказывает о его женитьбе.

Дело, однако, не только в «формулах», но и в языке, на котором пишет писатель. Легко заметить различия в языке одного и того же писателя: философствуя и размышляя о бренности человеческого существования, он прибегает к церковнославянизмам, рассказывая о бытовых делах — к народнорусизмам. Литературный язык отнюдь не един. В этом нетрудно убедиться, перечитав «Поучение» Мономаха. Язык этого произведения «трехслоен» — в нем есть и церковнославянская стихия, и деловая, и народнопоэтическая (последняя, впрочем, в меньших размерах, чем первые две). Если бы мы судили об авторстве этого произведения только по стилю, то могло бы случиться, что мы приписали бы его трем авторам. Но дело в том, что каждая манера, каждый из стилей литературного языка и даже каждый из языков (ибо Мономах пишет и по-церковнославянски, и по-русски) употреблен им, со средневековой точки зрения, вполне уместно — в зависимости от того, касается ли Мономах церковных сюжетов (в широком смысле), своих походов или душевного состояния своей молодой снохи. Церковнославянский язык неотделим от церковного содержания, русский — от национальнорусского, народнопоэтическая речь — от народнопоэтических сюжетов, а деловая речь — от деловых. Этот средневековый этикет в употреблении соответствующего языка или стиля языка наблюдался не только на Руси. Он еще значительнее в средневековых литературах многих других стран.

Житийные, воинские и прочие формулы, этикетные саморекомендации авторов, этикетные формулы интродукции героев, приличествующие случаю молитвы, речи, размышления и т. д. повторяются из произведения в произведение. Все введено в известные рубрики, все классифициро-

но, все сопоставлено с известными случаями из священной истории, снабжено соответствующими цитатами и т.д. Средневековый писатель очень часто выступает как педантичный церемониймейстер, ищущий прецедентов в прошлом, озабоченный образцами, формулами, аналогиями, подбирающий цитаты, подчиняющий события, поступки, думы, чувства и речи действующих лиц и свой собственный язык заранее установленному «чину». При этом связь литературного этикета и этикета феодального двора или церковной обрядности может быть установлена в ряде случаев.

С образованием Русского централизованного государства литературный этикет становится необыкновенно пышным. Возьмем, например, воинские формулы «Казанской истории», «Летописца начала царствования», «Степенной книги» или «Повести о взятии Пскова Стефаном Баторием». Они значительно пространнее и вычурнее, чем в Ипатьевской летописи. Авторы не довольствуются их краткой устойчивой формой. Они вводят различного рода «распространения», стремятся к соединению пышности с наглядностью и т. д. В результате теряется устойчивость этих формул. Явления литературного этикета стремятся к увеличению, к возрастанию и одновременно от состояния организации и дифференциации переходят в состояние смешения и слияния с окружающими формами. Устойчивый и компактный вначале, этикет становится затем пышным, но расплывчатым и медленно растворяется впоследствии в новых литературных явлениях XVI и XVII вв. И это отнюдь не вследствие «внутренних законов» развития литературы и литературного языка. Происходит крушение этикетности вообще, связанное с изменениями существа порождающего ее феодализма. С образованием централизованного государства пышность этикета возрастает, но он перестает быть жизненно необходимой для феодализма формой идеологического принуждения: в централизованном государстве формы принуждения достаточно разнообразны и надежны. В сфере церковной литературный этикет нужнее и здесь он сохраняется, хотя Аввакум и устраивает против него настоящий бунт, впрочем больше похожий на самосожжение, ибо литературный эффект этого бунта против этикета мог существовать только до той поры, пока продолжал еще существовать и сам литературный этикет.

Итак, деловая речь входила в литературу в XI—XV вв. под строгим контролем литературного этикета. В XVI в. этот контроль слабеет, а в XVII в. появляются даже его яростные разрушители, использующие нарушения этикета как литературный прием. Это создало главное условие для экспансии деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв.

Надо принять во внимание и изменения, которые стала претерпевать с XVI в. жанровая система литературы. Обычно различного рода «теории литературы» со свойственным им пренебрежением к истории литературы рассматривают явление жанра как нечто неизменное по своей природе. Это неверно. Природа литературных жанров русского средневековья иная, чем в литературе нового времени. В частности, они связаны с внелитературным их употреблением: различные виды житий (минейные, проложные и пр.) имеют различные функции в церковной практике, летописи — в правовой и дипломатической, различные виды посланий — в церковной и дипломатической и т. д. Каждый жанр и каждый вид жанра имел свою сферу внелитературного употребления, имел практические функции. В этом одно из отличий средневековых жанров от жанров нового времени — чисто литературных. Кризис этой системы наступает также в XVI в. Отметим своеобразие этого кризиса: жанры литературы пополняются новыми жанрами, создающимися на основе жанров деловой письменности, приобретающими чисто литературные функции. В XVI в. появляется жанр чисто литературных челобитных (Пересветов), посланий (Грозный), летопись приобретает все более и более литературный характер, теряя свои «деловые» функции. В начале XVII в. в виде чисто лите-

ратурных произведений начинают фигурировать статейные списки (статейные списки как чисто литературное явление долгое время считали «подложными» — Сугорского, Ищеина и др.), дипломатические послания («подложная» переписка Грозного с турецким султаном) и пр. Ясно, что переход в литературу ряда деловых жанров (вернее, образование новых литературных жанров на основе деловой письменности) также приводил к расширению функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв.

Еще одна причина расширения функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв. заключалась в появлении новых своеобразных центров литературного творчества — московских приказов. Рядом исследований последних лет выяснена огромная роль в литературе Посольского приказа; давно уже указано на литературные функции Записного приказа, Сибирского и некоторых других. К московским приказам имели отношение многие из повестей о Смуте, «Новый летописец», повести о посольствах Сугорского и Ищеина, «Переписка» Грозного с турецким султаном, Азовские повести, «История» Федора Грибоедова, титулярники и др. Естественно, что деловая речь хлынула в литературу, тем более что ограничительные рогатки этикета расшатались, а жанровая система литературы расширилась за счет новых жанров, созданных на основе форм деловой письменности.

В целом в XVI и XVII вв. происходит постепенная секуляризация литературы, она захватывает не только содержание литературы, но и форму. Отступление церковности вызывало потребность в срочном возмещении, и это возмещение шло от той формы письменности, которая с самого начала не была охвачена церковностью.

Было бы весьма соблазнительно связывать расширение функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв. с усложнением и развитием системы управления Русского централизованного государства в XVI—XVII вв. и соответствующим развитием деловой речи вообще. Но здесь следует проявить осторожность: ведь чрезвычайное развитие науки и научного языка в XX в. не привело к сколько-нибудь заметному влиянию научного языка в стилистике литературы XX в.

Д. С. Лихачев (Ленинград)

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1959

МАТЕРИАЛЫ И РАЗЫСКАНИЯ

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

О «СЛЕДАХ» СТАРОГО СИГМАТИЧЕСКОГО АОРИСТА В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Принято считать, что употреблявшиеся еще в старославянском языке формы простого (асигматического) и старого сигматического (с удлинением гласного корня) аориста в ходе развития болгарского языка полностью утрачены. Полагают, что уже в среднеболгарский период эти формы являлись архаизмами, употреблялись лишь как подражание языку более древнему, а народному, живому языку они были чужды. Отсутствие таких форм аориста в современных болгарских говорах констатируется многими исследователями.

Обычно лингвисты, не видя прямых следов старого сигматического аориста с удлинением гласного корня в аористных формах современного языка, пытаются доказать наличие основы этого аориста в других формах. Чаще всего здесь указывают на причастия типа *донел*, употребляемые на значительной территории Болгарии (см. труды В. Ягича, Л. Милетича, Т. Лера-Сплавинского, Н. С. Державина, А. М. Селищева, С. Б. Бернштейна). Высказывались, однако, и другие суждения о происхождении причастий типа *донел*: их объясняли как результат аналогии с причастиями *(в)зел*, *клел* (С. Младенов), с причастиями *довел*, *завел* (А. Теодоров-Балан), как результат простого сокращения из *донесъл* (Л. Милетич, А. Теодоров-Балан и в последнее время К. Мирчев). Наиболее правильным, с нашей точки зрения, является объяснение, предложенное в 30-х годах К. Мирчевым, согласно которому причастия типа *донел*, *изл'ал* образованы от основы сокращенного инфинитива (*доне*, *изл'а*).

Некоторые лингвисты основу старого сигматического аориста с удлинением гласного корня видели в образованиях несовершенного вида типа *доневам* (В. Ягич, Н. С. Державин, А. М. Селищев, А. Вайан). Однако образование и этих форм может быть объяснено иначе. Так, К. Мирчев считает возможным рассматривать *доневам* как форму, образованную присоединением суффикса *-ва-* к основе сокращенного инфинитива *доне*, или как форму, полученную в результате сокращения формы *донесовам* (выпадение *со*). Л. Милетич высказывал также мнение, что остатком старого аориста *рѣхъ* является частица *р'а* (*р'ä*)[1]. Но такая этимология этой частицы вызвала возражения со стороны Б. Цонева и других ученых.

Таким образом, несмотря на попытки ряда ученых обнаружить в некоторых формах следы старого сигматического аориста с удлинением гласного корня, наличие этих следов в современном болгарском языке нельзя считать доказанным. Все называемые здесь формы допускают и иное истолкование.

2. В свете вышесказанного исключительный интерес, как кажется, должны представлять некоторые аористные формы, которые и внешне в большой мере напоминают старый сигматический аорист типа *-нѣхъ* и которые, насколько нам известно, до настоящего времени оставались

[1] Частицу *р'а* (*р'ä*) Л. Милетич отметил в говорах Ямбольской и Карнобатской (теперь Поляновградской) околий. В говорах некоторых сел соседней Сливенской околии (например, в селах Гавраилово, Селимиово), по нашим наблюдениям, употребляется частица *ре* (*ра*).

незамеченными. Речь идет об аористных формах типа *донех*, употребляемых в ряде юго-восточных говоров. Мы располагаем формами такого типа от старых основ глаголов *нести*, *вести*, *лѣсти*, *чисти*. Приводим эти примеры.

1) От основы ст.-слав. *нести*, болг.-*неса*. 1-е лицо ед. числа *занех*: «Истка́х чувала́та, одр'а́гах ги, зане́х ги ф р'а́ката» (с. Бяла вода, Бургасской околии) [1]. Форма *занех* употребляется и в говорах г. Малко Тырново и с. Вылче поле, Свиленградской околии. В последнем отмечена и форма *донех*. 3-е лицо ед. числа *доне́*: «Армаган ми *доне́*/ ... Една дясна ръка» (Тр., 171, № 396, г. Малко Тырново). 3-е лицо мн. числа *донеха* (*дунеха*) (г. Малко Тырново; с. Бяла вода, Бургасской околии), *занеха* (с. Стоилово, Малкотырновской околии);

2) От основы ст.-слав. *вести*, болг.-*веда*. 3-е лицо ед. числа *заве*, *пове*: «Та га *заве́*, *пове́*/ Във гора зелена» (Тр., 40, № 93, с. Каваклия, Европейская Турция). Отметим, что эти формы употреблены в народной песне, записанной в 1929 г. у 82-летней женщины. В той же песне, записанной в 1927 г. со слов 30-летней женщины, вместо *заве* употреблен обычный аорист *заведе* (там же, № 94). 3-е лицо мн. числа *повеха*: «Фатиха си го Димитра/... Та че го, гиди, *повеха* / Към Цариградска бесилка» (Тр., 107, № 257, г. Малко Тырново);

3) От основы ст.-слав. *чисти*, болг. *чета*. 1-е лицо ед. числа *прочех*: «На пръстена, горо сестро, /Име написано./ Я га видях, я га *прочех*—/То на мойто братче» (Тр., 171, № 396, г. Малко Тырново);

4) От основы ст.-слав. *лѣсти*, болг.-*ляза*. Аорист данного типа встречается значительно чаще. 1-е лицо ед. числа *изл'ах*: «Ц'а́ла нед'е́л'а не *изл'а́х*» (г. Малко Тырново). Такую же форму Л. Милетич отмечает в с. Ясна поляна (быв. с. Аланкайрак), Бургасской околии (Ost., 267). Форма 3-го лица ед. числа зафиксирована в виде *излье*: «Майка му *излье* да си посрешне, /Да си посрешне млада невяста» (Тр., 276, № 736, г. Малко Тырново); 1-е лицо мн. числа *сл'ахме*: «Ш'а сле́зем до́лу ф да́ма, йа́ ш'а хми на́йда ма́стото. И *сл'а́хме* ф дамът» (г. Малко Тырново). 3-е лицо мн. числа *изл' аха*: «Гъту ут се́лу *изл'яха*» (А., 107); «Къто́ да́дох кле́тва че не́ма да ка́звам ни́шчо *изл'а́ха* та оти́доха» (г. Малко Тырново); «Сички нѫ брьа́гум / *изльа́ха*/сички сѫ чьу́дум чьу́дѫхѫ» (СбНУ, кн. XXV, 1909, 47, г. Свиленград, быв. г. Мустафа-Паша).

Ниже мы пытаемся дать возможное объяснение приведенных аористных форм. Нам представляется, что здесь могут быть высказаны различные предположения.

3. Аористные формы типа *донех* можно рассматривать как результат прямого развития на болгарской почве старого сигматического аориста типа *нѣхъ*. Такое истолкование по крайней мере некоторых из этих форм весьма заманчиво и на первый взгляд отнюдь не невозможно. Формы подобного типа не являются каким-то уникумом, принадлежащим только болгарскому языку. Как известно, в современном сербскохорватском язы-

---

[1] Здесь и ниже примеры без указания печатного источника взяты из рукописных материалов диалектологических экспедиций Ин-та болгарского языка БАН и Ин-та славяноведения АН СССР, 1956—1958 гг.

В статье нами приняты следующие сокращения: А.— Георги п. Аянов, Малко Търново и неговата покрайнина, Бургас, 1939; Изв.—«Известия на Института за български език», кн. IV, София, 1956; К.— «Коприштенский дамаскин» по изданию: Л. Милетич, Коприщенски дамаскин..., «Български старини», кн. II, София, 1908; Л.—«Люблянский дамаскин» по изданию: С. Аргиров, Люблянският български ръкопис от XVII в., «Сборник за народни умотворения» (СбНУ), кн. XII, София, 1895; РН I — «Родопски напредък», год. I, Пловдив, 1903; РН VI — то же, год. VI, 1908—1909; С.— «Свиштовский дамаскин» по изданию: Л. Милетич, Свищовски дамаскин..., «Български старини», кн. VII, София, 1923; Т. — «Тихонравовский дамаскин XVII в.», рукопись Биб-ки им. В. И. Ленина (собрание Н. С. Тихонравова, Т-702); Тр.— «Тракийски сборник», кн. VII, София, 1939; Ost.— L. Miletić, Das Ostbulgarische, Wien, 1903. Для памятников старославянского языка употребляем общепринятые сокращения.

ке употребляется форма аориста *dònijeh*, *dònēh* и др. от основы *nèsti*, которую связывают с основой старого сигматического аориста **nĕsъ*. Так, С. М. Кульбакин прямо писал, что в сербском «праслав. образования **nĕsъ*, **rĕchъ* (др.-ц.-слав. *нѣсъ*, *рѣхъ*) сохранились, только в форме **nĕsъ* *s* заменился согласным *ch*: *pujex*, *-nijex* (=*rȉjeh*, *nȉjeh*)» [1]. А. Вайан также видит в форме *dònijeh* основу старого сигматического аориста, только образование ее он связывает не непосредственно с самой формой старого аориста, а с вновь возникшим инфинитивом *dònijeti*, имеющим основу старого сигматического аориста [2]. Точку зрения А. Вайана разделяет и Т. Лер-Сплавинский[3]. Широко употреблялся аорист такого типа в старосербском языке [4]. А. Мазон как будто связывает с формой старого сигматического аориста любопытные ѣ-аористные формы в юго-западных македонских говорах: *donéku*, *donekóme*, *donekóte*, *donekóe* [5]. А. Вайан признает их формами с основой старого сигматического аориста [6].

Отмеченный нами болгарский аорист *донех*, *занех* можно связать со ст.-слав. *-нѣсъ* с новым *х* на месте *с*. Переход *ѣ*>*е* здесь в принципе возможен, так как рефлекс *е* на месте *ѣ* обычен для болгарского языка (правда, не для всех говоров). Что касается форм 3-го лица мн. числа от основ *нести*, *вести* — *донеха*, *занеха*, *повеха*, то их также можно возвести прямо к соответствующим формам старославянского: *възнѣсѧ*., (Мар., Зогр., Лк. II, 22), *принѣсѧ* (Мар., Зогр., Мк. IX, 20); *вѣсѧ* (Мар., Асс. Мф. XXVI, 57). Различие в окончаниях объясняется легко: в болгарском языке почти повсеместно окончание 3-го лица мн. числа аориста было вытеснено соответствующим окончанием имперфекта.

Что касается формы *прочех*, то ее тоже можно было бы объяснить из старого сигматического аориста (без соединительного гласного *о*). В старославянском известен аорист *чисъ*, например 3-е лицо мн. числа *чисѧ* (Мар., Асс., Ио. XIX, 20). Удлинения гласного корня здесь не происходит, так как *и* представлен уже в корне инфинитива. Форма *прочех* могла развиться из **прочѣхъ*, где *ѣ* — ступень удлинения гласного *е*, заменившего закономерно корневой *ъ* (ср. ст.-слав. *чьтѫ* и болг. *чета*).

От основы *лѣсти*, *лѣзѫ* в старославянском не засвидетельствован старый сигматический аорист с удлинением гласного корня. В старославянском известен простой (асигматический) аорист *лѣзъ*: *вълѣзѫ* (Мар., Зогр., Асс., Ио. VI, 24); *излѣзѫ* (Мар., Зогр., Ио. XXI, 9). Возможно, что существовал и старый сигматический аорист: 1-е лицо ед. числа **-lĕxъ*, 1-е лицо мн. числа **-lĕxotъ*, 2-е лицо мн. числа **-lĕste*, 3-е лицо мн. числа **-lĕšę*; ср. аористные формы от основы *влѣщи*, *влѣкѫ*: *въвлѣхъ* (Пс. CXVIII, 131), *облѣхомъ* (Син. тр., 2[а]), *извлѣшѧ* (Пс. XXXVI, 14), *съвлѣшѧ* (Мар., Зогр., Мф. XXVII, 31). Такой аорист, если он действительно некогда употреблялся, мог лечь в основу современных болгарских форм: *изл'ах*<**izlĕxъ*, *сл'ахме*<**sъlѣxotъ*, *изл'аха*<**izlĕšę*.

Особенно интересны формы 3-го лица аориста: *доне*, *заве*, *пове*. Как известно, в старославянском парадигма старого сигматического аориста была неполной. Не было форм 2-го и 3-го лица ед. числа, функцию которых выполняли соответствующие формы асигматического аориста. А. Мейе об этом писал: «Закономерными от *вѣсъ*, *нѣсъ*, *рѣхъ* и т. д. были бы формы **vĕ*, **nĕ*, **rĕ*, не позволяющие установить их связь с корнями *ведѫ*,

---

[1] С. М. Кульбакин, Сербский язык, Полтава, 1917, стр. 92.

[2] A. Vaillant, La langue de Dominko Zlatarić, poète ragusain de la fin du XVI siècle, II, Paris, 1931, стр. 296—297.

[3] T. Lehr-Spławiński, Przyczynki staro- i nowo-bułgarskie, «Сборник в чест на проф. Л. Милетич», София, 1933, стр. 66—69.

[4] См. Ђ. Даничић, Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека, Биоград, 1874, стр. 320 и сл.

[5] A. Mazon, Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale, Paris, 1923, стр. 51.

[6] См.: A. Vaillant, RÉSI, t. XIV, fasc. 1—2, 1934, стр. 88—89.

вести; *несѫ*, *нести*; *рекѫ*, *рещи* и т.д. Однако подобные формы не сохранились, и во 2—3-м лице мы находим лишь формы типа *вѣде*, *несе*, *рече*...»[1].

Что касается происхождения сербскохорватских форм 2—3-го лица ед. числа аориста *ȕзнијe* (*ȕзнē*), *снȕје* и под. (у Д. Даничича: *понъ*, *донъ*, *дони*, *зани*, *дониje*, *заниje* и др.), то Д. Даничич считает их, видимо, результатом развития форм старого сигматического аориста. Это видно из того, что приведенные выше формы он рассматривает наряду с формами 1-го лица ед. числа *донихъ*, *подниехъ* и др. в разделе «Аорист први сложени млађи»[2]. Следы старого сигматического аориста видит в них, по-видимому, и А. Вайан. Во всяком случае он не говорит о каком-то другом пути их образования, отличном от образования формы 1-го лица ед. числа, которую, как сказано выше, он связывал через посредство инфинитива *дȍнијети* с основой старого сигматического аориста. А. Лескин, наоборот, считает аористные формы 2—3-го лица ед. числа *ȉзнијe* в современном сербскохорватском языке новообразованием, возникшим по аналогии с формами аориста глаголов с основой на гласный (*дā*, инфинитив *дати*)[3]. К этому склоняется и С. М. Кульбакин, однако его доказательства неубедительны. Указав на то, что в современном языке отсутствует форма 2—3-го лица ед. числа к аористу *дȍнијех* и что вместо нее употребляется форма *дȍнесе*, С. М. Кульбакин далее пишет: «Точно так же и в др.-ц.-слав. языке формы *рѣхъ*, *нѣсъ* не имеют своих особых форм 2-го и 3-го лица ед. числа, а потому др.-сербские формы *понъ*, *донъ* и *пони*, *зани* далматинских писателей. в роли 2—3-го лица ед. числа к *дȍнијех* скорее новообразования, чем архаизмы (по образцу *ȕмјех*: *ȕмје* от *ȕмјети*)»[4]. Очевидно, что одного лишь отсутствия соответствующих форм в старославянском еще недостаточно для признания рассматриваемых форм новообразованиями [5].

Объяснение *занех* < *занѣхъ* можно было бы принять, если бы формы типа *занех* употреблялись в западных говорах Болгарии, где *ѣ* > *е* в любой позиции. Но все дело в том, что эти формы употребляются в восточных, точнее юго-восточных говорах, где ударенный *ѣ* > *'á* или *'ê* (*е* широкое открытое) во всякой позиции или же перед твердым слогом и в конце слова. Поэтому из *занѣхъ* в этих говорах должна была бы образоваться форма *зан'áх* (или *зан'ёх*), а не *занéх*. Так, в говоре г. Малко Тырново, где употребляются формы *занех*, *занеха*, *донеха*, *повеха*, *прочех*, на месте *ѣ* в аналогичных позициях имеется обычно *'а*, иногда *'ê*. Например, в закрытых слогах: *б'áх*, *с'áх*, *сед'áх*, *ожедн'áх*. Ср. также в других частях речи: *т'áх*, *сн'áк*, *м'áсто*, *т'áсто*, *л'áп*. В говоре с. Бяла вода, где употребляется форма *занех*, имеем аналогичное положение. В говоре с. Вылче поле, Свиленградской околии, где употребляются формы *донех*, *занех*, на месте *ѣ* находим *'á* не только перед твердым слогом (*вид'ála*, *измр'áха*, *разбол'ála* и др.), но и перед мягким (*т'áхнийа*, *гол'áмийа*). Последнее, правда, не последовательно (ср. *вид'áли*, но *флéли*).

То, что *е* в формах *занех*, *донеха* имеет другой источник, а не *ѣ*, подтверждается, в частности, следующим. В аористных формах *изл'áх*, *изл'áха*, *сл'áхме*, употребляемых преимущественно в говоре г. Малко Тырново, имеем закономерное изменение *ѣ* в *'á*. В развитии *изл'áх* < * *izlěхъ* не наблюдается фонетического несоответствия, какое имеем в случае с *занех*. Можно полагать, что *изл'ах* связано со старым сигматическим аористом, а *занех* нет, хотя более правдоподобным было бы, конечно, обратное предположение, поскольку от основы *лѣсти* в старославянском сигматический аорист не засвидетельствован.

[1] А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 202.

[2] Ђ. Даничић, указ. соч., стр. 320 и сл.

[3] A. Leskien, Grammatik der serbo-kroatischen Sprache, Heidelberg, 1914, стр. 548.

[4] С. М. Кульбакин, указ. соч., стр. 92.

[5] Кроме того, вероятно, и старославянскому формы 2-го и 3-го лица ед. числа старого сигматического аориста не были абсолютно чужды (см. А. Соболевский, Несколько редких форм церковнославянского аориста, РФВ, т. VII, № 2, 1882, стр. 274).

Итак, фонетическое несоответствие форм типа *донех* старому сигматическому аористу типа *донѣхъ* не позволяет видеть в них непосредственное развитие последнего. По этой же причине нельзя связывать со старым сигматическим аористом и причастия *донел*, *занел*, о чем уже писал К. Мирчев.

Болгарские *доне*, *заве*, *пове* можно было бы возводить к форме 2—3-го лица ед. числа старого сигматического аориста: **donĕ*, **zavĕ*, **povĕ*. Форму 3-го лица ед. числа *изле* можно было бы связать с **izlĕ*. Фонетическая сторона не препятствует такому объяснению этих форм из старого сигматического аориста, так как в восточных болгарских говорах *ѣ* на конце слова под ударением может давать рефлекс *é* и *'á*. Однако примечательно то, что в говоре г. Малко Тырново, где отмечены формы *доне́*, *заве́*, *пове́*, формы 3-го лица ед. числа аориста оканчиваются на *-'á*, а не на *-é*, например: *умр'á*, *разбол'á*, *позакъсн'á*. Поэтому то, что в говоре формы 3-го лица ед. числа аориста от *нести*, *вести* оканчиваются гласным *-é*, также должно свидетельствовать о другом происхождении этих форм.

4. Аористные формы типа *донех*, *изл'ах* могли быть образованы от инфинитива, содержащего основу старого сигматического аориста с удлинением гласного корня. Именно так представлял себе А. Вайан образование серб.-хорв. *dȍnio* (*dȍnēo*), *dȍnijeh* (*dȍnēh*) [1]. Его поддержал Т. Лер-Сплавинский, который в свою очередь предложил подобное объяснение и болгарских причастий типа *донел*. Он допускает, имея в виду прежде всего западноболгарскую область, что говоры, употребляющие причастие *донел*, «знают еще или в недалеком прошлом знали также и инф. **donét*, соответствующий серб.-хорв. *dȍnijeti*» [2]. Восстановление такой инфинитивной формы, по мнению Т. Лера-Сплавинского, устраняет хронологическое противоречие между давней, как полагают, утратой форм старого сигматического аориста и сравнительно недавним возникновением неизвестных в памятниках форм типа *донел*, имеющих основу такого аориста.

А. М. Селищев также приводит инфинитив с основой старого сигматического аориста *донѣт(и)*. Но, в отличие от Т. Лера-Сплавинского, он считает, что инфинитив *донѣт(и)*, как и причастие *донѣлъ* (> *донел*), образовался в болгарском в тот период, когда в болгарских диалектах старый сигматический аорист еще был в употреблении [3].

Инфинитив **donet* действительно известен болгарским говорам; ср. формы *донети*, *пренети*, употребленные в песнях из с. Теслим (Греция): «Брат ми отиде вода да зе́ме./ Сега ще до́йде, че ще *доне́ти*,/ И яс ще пи́ти и вам ще да́ти» (Тр., 69, № 163, с. Теслим); «Можете ли ме *прене́ти*/, От нѝва страна́ Ергене? /Ако ли мѫ пренесе́те,/ Имо́тя ще ви среброса.../ — Ние щем тебе *прене́ти*/ От пъва страна́ Ергене» (там же, 305, № 810, с. Теслим) [4].

Если признать, что инфинитивы *донети*, *пренети* имеют основу старого сигматического аориста *-нѣ-*, то станет понятно, почему в аористных формах *донех*, *занех* и др., как и в соответствующих причастиях *донел* и др., на месте *ѣ* имеем *é*, а не *'á*: *ѣ* перед мягким слогом в **donĕti* переходит в *é*. Здесь, однако, возникает ряд сомнений. Прежде всего, например, в говоре с. Теслим *ѣ* под ударением перед мягким слогом не всегда переходит в *é*; ср. *вля́зи* (Тр., 76, № 179) [5]. Поэтому надо было бы признать, что форма *донети* лексикализовалась, т. е. что *ѣ* во всех производных инфинитива *донѣти* отражается только как *é*. Только в таком случае будет ясно, почему в *донех*, *донел* и под. имеем *é*, а не *'á* на месте *ѣ* старого сигматического аориста. Иначе непонятно было бы также, почему при об-

[1] A. Vaillant, La langue de Dominko Zlatarić..., стр. 296—297.

[2] T. Lehr-Spławiński, указ. соч., стр. 69.

[3] А. М. Селищев, Старославянский язык, ч. I, М., 1951, стр. 22.

[4] Ср. также инфинитивы на *-ти*, приводимые Л. Милетичем (см. Л. Милетич, Разорението на тракийските българи през 1913 година, София, 1918, стр. 25).

[5] С. Младенов указывает еще *попедя́лник*, *с'а́ме*, *намя́рили*, *с'а́ки* (см. Ст. Младенов, Принос към изучаване на българските говори в Източна и Западна Тракия, «Тракийски сборник», кн VI, София, 1935, стр. 21—22).

разовании аориста *донех* от инфинитива **donĕti* ѣ переходит в *é*, а при образовании аориста *сед'ах* от инфинитива *седѣти*, наличие ѣ в котором не подлежит никакому сомнению, ѣ переходит в *'á*. Во-вторых, едва ли можно доказать, что на всей территории, где распространены аористные и особенно причастные формы рассматриваемого типа, некогда употреблялся инфинитив типа *донети*. Далее, нужно вообще доказать, что *е* в *донети* по происхождению действительно из ѣ. Дело в том, что возникновение самого инфинитива *донети* может быть объяснено иначе, например, *доне* + *ти*, т. е. окончание старого инфинитива *-ти* присоединилось к сокращенной инфинитивной основе *доне-* без *с*. Потребность в инфинитиве на *-ти* могла возникать при известной стилизации и в народных песнях, и тогда, может быть, по аналогии с *да-ти*, *пи-ти* (*да*, *пи* — обычные формы сокращенного инфинитива) могла возникнуть и форма *доне-ти*.

Инфинитивные формы *доне*, *заве* и пр. широко распространены в говорах и сейчас. Часто употреблялись они и ранее. Так, в памятниках XVII—XVIII вв. находим инфинитивные формы *поне*, *доне*, *дове*, *заве*, *излѣ*, *слѣ*. То, что эти сокращенные инфинитивы связаны непосредственно с основой старого инфинитива на *-ти*, несомненно. Подтверждение этому находим, в частности, в том, что формы *поне*, *доне*, *дове*, *заве*, *изре* написаны с *е*, а формы *излѣ*, *слѣ* — с ѣ в корне. Это отнюдь не случайно, а объясняется тем, что первые образованы из инфинитивов на *-ти* с гласным *е*, а вторые — с гласным ѣ в корне. Если бы мы согласились с Т. Лером-Сплавинским и А. М. Селищевым в том, что некогда употреблялся инфинитив **donĕt*, *донѣти* с основой старого сигматического аориста, то мы должны были бы допустить, что от этих инфинитивов также могли быть образованы сокращенные инфинитивы. Приведенные нами инфинитивные формы из памятников таковыми не являются, потому что нельзя объяснить в таком случае, почему *поне*, *доне*, *заве*, *дове*, *изре* пишутся с *е*, а *излѣ*, *слѣ* — с ѣ, если и те и другие образованы от инфинитива, содержащего основу с ѣ старого сигматического аориста. Говорить здесь о чистой случайности не приходится. Нельзя это объяснить и разным отражением старого ѣ в памятниках различной диалектной принадлежности, так как формы с *е* и ѣ встречаются в одних и тех же памятниках. Необъяснимо также возможное предположение о том, что ѣ в формах на *-не* (из *-нѣхъ*) выступает как *е*, а в основе *-лѣ* сохраняет свой старый рефлекс. Неясно, почему аорист и причастие от основы *лѣсти* в восточных говорах на месте ѣ имеют *'á*, а не *é*, т. е. почему имеем *изл'áх*, *изл'ál*, а не *излéх*, *излél*. Если эти формы также выводить из какого-то промежуточного инфинитива, то таким инфинитивом должен быть **izl'ati* < < **izlĕti*, а не **izleti*, иначе непонятно, почему из **donel i* получаем *донéх*, а из **izleti* — *изл'áх*. Это замечание можно отвести, лишь доказав, что *изл'áх* и *донéх*, соответственно *изл'ál* и *донél*, имеют различное образование и происхождение.

Мы полагаем, таким образом, что нельзя возводить *донех*, *изл'ах* и другие рассматриваемые здесь аористные формы к инфинитиву типа **donet*, имеющему якобы основу старого сигматического аориста *-нѣхъ*. Мы не можем согласиться с мнением Т. Лера-Сплавинского о том, что инфинитив **donet* является как бы промежуточной формой между старым сигматическим аористом и современным причастием *донел*.

5. Аористные формы *донех*, *изл'ах* и под. могли образоваться в результате простого сокращения обычных аористных форм на *-ох* (*доносох*, *излязох* и под.). Такое объяснение на первый взгляд вполне правдоподобно. В говорах известны многочисленные примеры выпадения отдельных звуков и их комбинаций. Эти выпадения объясняются, как правило, фонетическими причинами. Не исключено, что и рассматриваемые аористные формы образовались в результате сокращения полных аористных форм, а именно: *доне(со)х* > *донех*, *доне(с)е* > *доне* (или: *доп(ес)е* > *доне*?), *доне(со)ха* > *донеха*; *заве(д)е* > *заве* (или: *зав(ед)е* > *заве*?); так же и

пове; *пове(до)ха* > *повеха*; *проче(то)х* > *прочех*; *изл'а(зо)х* > *изл'ах*, *сл'а(зо)хме* > *сл'ахме* и т. д. Как видим, «сокращаются» различные согласные (*с*, *з*, *т*, *ш*) в сочетании с гласными (*о*, *е*) или же сочетания двух и более согласных с гласным (*-йдо-* в случае с *нахте* < *на(йдо)хте*; *-сл-* или *-сна-*—в случае с *нарало* < *нарасло* или *нараснало*). Эти сочетания согласных «выпадают» лишь в определенной группе глаголов, именно с основой на согласный. В аналогичных фонетических условиях, но в формах с основой на гласный, такого выпадения не происходит. Нет, например, аориста *мах* вместо *мазах* или *ках* вместо *казах*, *изр'ах* вместо *изр'азах*. А между тем такие формы вполне могли бы возникнуть, если признать, что *изл'азох* > *изл'ах* в результате простого выпадения *зо* (или *за* в некоторых говорах). Подобным же образом дело обстоит и в отношении причастий. Нет, например, *кал* вместо *казал* или *изрял* вместо *изрязал*, хотя фонетические условия здесь вполне сходны с теми, которые предполагают в переходе *изл'азъл* > *изл'ал* (в говорах безударные *ъл* и *ал* в причастиях сильно сближаются).

Было бы большим упрощением объяснять возникновение рассматриваемых аористных форм (и причастий) как следствие простого сокращения.

6. Мы полагаем, что аористные формы *донех*, *изл'ах* образованы от сокращенных инфинитивных форм *доне*, *изл'а*, имеющих основу старого инфинитива (*нести*, *лѣсти*)[1]. Если принять такое объяснение, то станут понятны отмеченные выше неясные вопросы.

Так, в восточных говорах имеем форму *донéх*, а не *дон'áх*. Это объясняется тем, что из старого инфинитива *нести* (с *е*, а не *ѣ* в корне) образовалась сокращенная инфинитивная форма *-не*, тоже с *е* в корне. Именно к этой основе — сокращенному инфинитиву — и присоединяется аористное окончание *-х*: *доне* + *х*. Иначе говоря, в основе аористной и причастной форм имеем этимологическое *е*, а не *ѣ*. В этих же говорах имеем *изл'áх*, *изл'ál*, а не *излéх*, *излél*, поскольку здесь в основе представлено этимологическое *ѣ* (*лѣсти* > *лѣ(сти)* > *-л'á* + *х* > *-л'áх*). В западных говорах, где *ѣ* > *е*, закономерно имеем *излél* [2]. По-видимому, именно поэтому в памятниках XVII—XVIII вв. и более ранних причастия типа *донел* еще не встречаются. Это образование более позднего периода.

Что касается инфинитивов *доне*, *изл'а*, то они довольно часто употребляются в современных говорах. Употребляются также и другие подобные инфинитивы, образованные из старых инфинитивов с основой на согласный. Приведем некоторые примеры. Инф. *-ве*, ст.-слав. *вести*: «*дувé* е^{а} шкл^{а}», с. Вырбово Девинской околии (РН, I, 299); инф. *че*, ст.-слав. *чести*, *чьтѫ*: «с'ти́га *че* ѡейк'ъ», с. Нова Надежда Хасковской околии (Изв., 211); инф. *испле*, ст.-слав. *исплести*: «мош' ли м' *исп'лé* анни́ ж'урап'ъ» (там же); инф. *убо*, ст.-слав. *бости*, *бодѫ*: «нимóж'гу *убó*» (там же); инф. *накла*, ст.-слав. *класти*: «мóш' ли *накла́* сóбата» (там же); инф. *изме*. ст.-слав. *измести*, *изметѫ*: «з'о^{а} щъм метла, *изме* хи щъм», с. Широка Лука (РН, VI, 223). Часто в говорах употребляется инфинитив *-я*, ст.-слав. ѭсти, ѭмь: «мóга ли го *изé*», с. Момчиловци Смолянской околии (Изв., 55); «с'ти́га *йá*», с. Нова Надежда Хасковской околии (там же, 211).

Таково же образование и форм *повеха* (*пове* + *ха*), *прочех* (*проче* + *х*). Возможно, что и аорист *доха*, употребляемый в говорах с.Граматиково и с. Стоилово Малкотырновской околии, и аорист *нахте* также образованы из сокращенных инфинитивов *до* и *на* с присоединением личных окончаний аориста.

Присоединение окончаний аориста (resp. причастия) к сокращенному

[1] Аналогичное объяснение образования причастий *донел*,*изл'ал* было предложено К. Мирчевым, который впоследствии, правда, от него отказался.

[2] На это различие гласных в корнях причастий *изл'ал* и *донел* К. Мирчев не обратил внимания.

инфинитиву не является необычным для болгарского языка. Основа аористных (причастных) форм в современном языке в большинстве случаев равна сокращенному инфинитиву. Ср.: инф. *бра* — аорист *бра-х*; *каза* — *каза-х*; *ходи* — *ходи-х*; *плака* — *плака-х*; *търпя* — *търпя-х*; *игра* — *игра-х*; *пя* — *пя-х* и т. д.

Таким образом, возникновение *донех*, *донел* и других рассматриваемых нами форм шло в ряду определенной общей модели.

7. Само собой разумеется, что до того, как возникли такие аористные и причастные формы, уже должны были употребляться соответствующие инфинитивы. При этом возникновение форм *донех*, *донел* стало, видимо, возможным тогда, когда начали широко употребляться сокращенные формы инфинитива любых глаголов и когда могло произойти переосмысление образования аориста и причастия как присоединения окончаний к сокращенному инфинитиву.

Особо следует сказать о сокращенных инфинитивах на *-и*, ст.-слав. *ити*, *идѫ*. В говорах эти формы широко употребительны. Например, «мо́жишь ли *и́*, йê штêх *и́*» (= *да ида*), с. Момчиловци Смолянской околии (Изв., 55); «ни штô *и́*» (там же, 54). В инфинитивах приставочных глаголов во многих говорах гласный *и* основы *ити* часто выпадает и в качестве инфинитивной основы выступает только приставка (*до*, *на*). Наряду со случаями типа «*Най* щи ме^{а} вода студена..., *най* щи ме^{а} ситан пе^{а}сачо^{а}к,... *най* щи ме^{а} гребе^{а}нь филдише^{а}н», с. Чепеларе (РН, I, 78), возможно такое употребление: «ф се́ли не мо́жä *са на́* лäк», с. Ахыр-Челеби (СбНУ, кн. I, 1889, 117); «йê штêх *до́*», с. Момчиловци Смолянской околии (Изв., 55). Инфинитив *до* нередко встречается и в литературных произведениях.

Сокращенные инфинитивы в прошлом были более употребительны. Еще Л. Милетич писал, что в XVII в. сокращенный инфинитив «употреблялся как живая форма в гораздо больших размерах, чем в современных болгарских говорах»[1]. В памятниках XVIII в. он также представлен как живая и употребительная форма. Для иллюстрации широкого употребления сокращенных инфинитивных форм от глаголов с основой на согласный в XVII—XVIII вв. приведем ряд примеров, часть из которых уже была отмечена другими авторами.

Инфинитив *-не* (ст.-слав. *нести*): «нè могѹ̀ азь *понè* толкòзи трѹ̀дь» (К., 1); «инамѣ́сто товà ку́пищем ма́сло исвѣ́щи, *идоне́щем* с(ве)т(о́)му» (Л., 71б); «ами ща та́ *зане* да са поклуни́шь на гробу сину мое́му» (С., 261); «та ми ще *ꙗдòне* да ю̀ преда^{м} на сѹ́дь» (К., 428).

Инфинитив *-лѣ* (ст.-слав. *лѣсти*, *лѣзѫ*): «а ные да пойде^{м} на гор^{ı}нната де сè поклоны^{м}, и пакь ще^{м}·*слѣ̏*» (К., 84); «не быхь рèкль емѹ̀ да *излѣ* вѣ̀нь» (К., 58); «Кой са не роди́ сьс вода́ и духом' не ще́ *влѣ́* в' царство небесное» (С., 210).

Инфинитив *-ве* (ст.-слав. *вести*, *ведѫ*): «азе ща *дове* мар^{ı}тѹ̀рïа пр^{о}р^{о}ка дàнïила» (К., 304); «азь... те ща *завè* при твоего мѹжа» (К., 70).

Инфинитив *-ре* (ст.-слав. *решти*, *рекѫ*): «Кой мо́же *изре́* радость» (С., 249).

Еще более употребительны в XVII—XVIII вв. были сокращенные инфинитивные формы глаголов с основой *ити*. Ср., например, из Люблянского дамаскина: «Когà ще́шь *дò* приме́не па́кь ... тоги́ва щâ *до́* прите́бе» (Л., 106а). Ср. также: «Не знаешь що ти ще *до* до оутре» (Т., 8 об.); «когà щè *дò* дн҃ь да не слѹшаме тòл^{ı}кова грѡ^{м} и млѣ̀нïе и стра^{х}») К., 333).

Инфинитив *оти* (ст.-слав. *отити*): «кой ще корàбь ѿтѝ на нèговото ѿ҃чьство» (К., 208).

[1] Л. Милетич, Копришенски дамаскин, стр. LIV. Ср. С. Аргиров, Люблянският български ръкопис от XVII в., Сб НУ, кн. XVI—XVII, 1900, стр. 289.

Инфинитив *пои* (ст.-слав. *поити*): «ные ц~рγ безˀ плàкїда статилàта не можеᴹ и *пой* на бой нигᴰе» (К., 404).

Инфинитив *наи* (ст.-слав. *наити*): «акò пи̏ташь такà мòжешь *наи* мѐне» (К., 46); «и съ҃с голѣма вѣра що проси *наи* ще» (Т., 18 об.).

В памятниках XVII—XVIII вв. широко употреблялись сокращенные инфинитивы и других глаголов. Таким образом, широкое употребление рассматриваемых инфинитивных форм было базой для возникновения и распространения причастий типа *донел*, соответственно аориста *донех*.

8. Может возникнуть вопрос, почему аористные формы типа *донех*, *изл'áх* употребляются очень редко сравнительно с причастиями *донел*, *изл'ал*: причастия употребляются во всей юго-восточной Болгарии, в то время как аористные формы засвидетельствованы (по крайней мере к настоящему времени) в говорах лишь некоторых населенных пунктов. Причину этого, как нам кажется, следует искать в том, что распространение причастных форм типа *донел* находило опору в употреблении причастий типа *прочел*, *изплел* и особенно *довел*, т. е. причастий, образованных от глаголов с инфинитивной основой на согласный. Причастия такого рода — без конечного согласного инфинитивной основы — находим еще в старославянских памятниках. В болгарском они сохранились, хотя в говорах иногда употребляются и формы с согласным, например: *изплетъл*, *открадъл* и пр. (под влиянием основы настоящего времени). Причастия *довел*, *завел* и под. легко могли оказать влияние на расширение употребления причастий *донел*, *изл'ал*, так как по своей морфологической структуре эти глаголы весьма близки.

И на возникновении аористных форм могло отразиться влияние причастных форм, например весьма древнее употребление причастий *повел* и под. от основы *вести* могло оказать влияние на появление форм *повеха*, *заве*, *пове*. Ср. также и *прочех* и *прочел*. Возможно также, что в образовании аориста *донех*, *занех* сыграли известную роль причастия *донел*, *занел*, если, конечно, последние появились ранее первых. Следует иметь в виду, что аорист и причастие — формы, тесно связанные друг с другом.

9. От основы вновь возникшего сокращенного инфинитива образованы также глаголы *доневам*, *сл'авам*, *убовам*, *из'авам* и другие, о которых писал К. Мирчев. Таково же образование и глаголов *зевам*, *клавам*, *откравам*, *повевам*. Сокращенная инфинитивная форма, от которой образованы эти глаголы, оканчивается гласным, например: *кла*, ст.-слав. *класти*, *кладѫ*; *изя*, ст.-слав. *ꙗсти*, *ꙗдѫ*; *откра*, ст.-слав. *красти*, *крадѫ*; *убо*, ст.-слав. *бости*, *бодѫ* и т. д. Приведем в этой связи и чрезвычайно интересную форму такого же образования *навам* в южных македонских говорах[1].

Такое образование (*доне* + *ва* + *м*) не представляет в сущности ничего исключительного в болгарском языке. В производных глаголах *изпивам*, *разбивам*, *чувам* и под. по отчленении суффикса имперфективации остается сокращенный инфинитив, равный основе аориста. Аналогичное положение и у глаголов типа *изтърпявам*, *заболявам* и под.

10. Итак, аористные формы *донех*, *изл'áх* и другие нельзя рассматривать как следы старого сигматического аориста в современном болгарском языке. Они представляют собой новоболгарское образование, не связанное со старославянским сигматическим аористом типа *-нѣхъ*. Болг. *донех* и сербско-хорв. *дòнијех* могут служить примером возникновения разными путями из разных морфологических источников весьма близких внешне форм. Рассмотренные аористные и причастные формы наряду с производными глаголами типа *доневам*, *изл'авам* (а также, может быть, и инфинитивами *донети*, *пренети*) говорят об известной формообразующей активности болгарского сокращенного инфинитива.

---

[1] P. A. Lavrov, J. Polívka, Lidové povídky jihomakedonské, Praha, 1932, стр. 278.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1959

Ю. С. МАСЛОВ

КАТЕГОРИЯ ПРЕДЕЛЬНОСТИ/НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

В научной и учебной литературе по германистике как за рубежом, так и в нашей стране до сих пор широко распространен взгляд, согласно которому в древних германских языках — и особенно в готском — существовала грамматическая категория совершенного и несовершенного вида, более или менее аналогичная категории совершенного и несовершенного вида славянских языков. Первые зачатки этого взгляда находим еще у Я. Гримма, в дальнейшем его развивал А. Шлейхер и ряд других ученых, а наиболее законченную и крайнюю форму он приобрел к концу XIX в. в построениях В. Штрейтберга и его школы[1].

По Штрейтбергу, глаголы совершенного вида образуются в готском, как и в славянском, посредством префиксации из простых, т. е. бесприставочных глаголов несовершенного вида. Перфективируя глагол, приставка, как и в славянских языках, может видоизменять его лексическое значение (например: *gaggan* «идти» — *usgaggan* «выйти»), либо же может выступать в качестве «средства чистой перфективации» (например, *saihwan* «видеть» — *gasaihwan* «увидеть»). В этой последней функции чаще всего используется в готском приставка *ga-*. Кроме того, как и в славянских языках, здесь существует некоторое количество бесприставочных глаголов совершенного вида — так называемые «perfectiva simplicia» (например, *wairþan* «стать»). Не останавливаясь на прочих сторонах детально разработанной гипотезы Штрейтберга, отметим, что его ученики быстро распространили ее основные положения на другие древние германские языки, так что в начале XX в. эта гипотеза, или уже теория, стала своего рода «общим местом» германской филологии.

Между тем всего через год после выступления Штрейтберга его учение подверглось основательной критике: чешский германист В. Моурек на большом материале убедительно показал, что в готском языке, в отличие от славянских, не может быть и речи о перфективирующей функции глагольной приставки, по крайней мере во всех тех случаях, когда эта приставка вносит новый оттенок в лексическое значение глагола (т. е. гот. *usgaggan* соответствует по значению не только славянскому «выйти», но в равной степени и славянскому «выходить»)[2]. Несколькими десятилетиями позже в работах А. Бера и затем в работе А. Мировича была вскрыта неправильность центрального положения гипотезы Штрейтберга — положения о перфективирующей функции приставки *ga-*, а также и положения о совершенном видовом значении так называемых «perfectiva simplicia»[3]. Бер с позиций «естественного» языкового чувства славянина,

[1] См. W. Streitberg, Perfektive und imperfektive Aktionsart im Germanischen, PBB, Bd. XV, Hf. 1, 1889, стр. 70—177. Там же указана и предшествующая литература. Библиографию более поздних работ В. Штрейтберга и его последователей см. в кн.: O. Behagel, Deutsche Syntax, Bd. II, Heidelberg, 1924, стр. 93—95.

[2] См. V. E. Mourek, Syntaxis gotských předložek, Praha, 1890. См. также «Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur», Bd. 21, 1895, стр. 195—204, где напечатана рецензия В. Моурка на работу одного из последователей В. Штрейтберга Р. Вустмана «Verba perfectiva namentlich im Heliand».

[3] См. Ant. Beer, Tři studie o videch slovesného děje v gotštině, část I—III, Praha, 1915—1921; его же, Beiträge zur gotischen Grammatik, I — *gawisan*, PBB, Bd. 43, Hf. 3, 1918, стр. 446—469; A. Mirowicz, Die Aspektfrage im Gotischen, Wilno, 1935.

а Мирович — более строго в методическом отношении — с позиций видовой теории Э. Кошмидера, разграничивающей обязательное и факультативное употребление вида, наглядно показали, что в значительном количестве случаев готские глагольные формы, совершенные, по Штрейтбергу, выступают в таких контекстах, в которых по смыслу возможен только несовершенный вид (т. е. *gasaihwan* может значить не только «увидеть», но иногда и «видеть», *wairþan* — не только «стать», но и «становиться» и т. д.). Еще чаще встречаются обратные примеры, где форма, несовершенная, по Штрейтбергу, оказывается по смыслу совершенной.

Казалось бы, что работами Бера и особенно Мировича гипотеза Штрейтберга разрушена до основания. Уже в начале 30-х годов (т. е. еще до выступления Мировича) Б. Трнка говорит о ней как о «величайшей научной фикции в немецкой германистике» [1]. И тем не менее она упорно держится и в общем даже сохраняет свое господствующее положение вплоть до нашего времени [2]. Показательно, что еще и в 1954 г. Ф. Шереру приходится вновь сопоставлять готский со славянским и пространно доказывать отсутствие в готском языке «формальной системы» выражения совершенного и несовершенного вида [3].

Почему же гипотеза Штрейтберга и особенно ядро этой гипотезы — положение о перфективирующей функции готской приставки *ga-* — оказались такими «живучими»?

Вероятно, потому, что оппонентам Штрейтберга (включая и последнего по порядку — Шерера) не удалось, при всей убедительности их критики, дать какое-то положительное решение вопроса о функциях «лексически бесцветной» приставки *ga-* в готском языке, не удалось выяснить, какие же именно видовые или им подобные категории стоят за чередованием готских бесприставочных и приставочных форм типа *saihwan* : *gasaihwan* [4]. Оппоненты Штрейтберга только доказали, что в готском не было грамматической («формально выраженной») категории совершенности/несовершенности славянского типа, но они даже не пытались поставить вопрос, не было ли там каких-либо иных видовых или «видообразных» категорий (таких, например, какие находят в глаголе различных других неславянских языков). Именно потому оппоненты Штрейтберга и не смогли, как выразился А. Мейе в кратком отзыве о книге Мировича, «положить конец спорам на эту трудную тему»[5].

Было, правда, выдвинуто в науке и некое положительное решение вопроса о видовых категориях готского глагола, расходящееся с концепцией Штрейтберга: в трудах Б. Дельбрюка, А. Норена, Б. Трнки и М. М. Гухман в различной связи и в различных формулировках была высказа-

---

[1] См. «Slavische Rundschau», Jg. IV, № 4, 1932, стр. 325.

[2] Так, по существу вполне в духе Штрейтберга (несмотря на известные терминологические нововведения) освещает вопрос о «виде и способе действия» в готском языке автор последнего зарубежного учебника этого языка В. Краузе (см. W. Krause, Handbuch des Gotischen, München, 1953, стр. 200—204). О перфективирующей функции приставки *ga-* говорит и боснийский германист И. Пудич, хотя он и считает, в отличие от Штрейтберга, что в готских глаголах, не содержавших этой приставки, вид был «факультативен», т. е. определялся контекстом (см. Ив. Пудић, Префикс *ga-* у готском језику, Сарајево, 1956).

[3] См. Ph. Scherer, Aspect in Gothic, «Language», vol. 30, № 2, 1954, стр. 211—223. Ср. его же, Aspect in the OHG of Tatian, «Language», vol. 32, № 3, 1956, стр. 423—434.

[4] Бер пытался объяснить чередование форм с *ga-* и без *ga-* по крайней мере отчасти тем, что якобы у готского переводчика имелась тенденция передавать формами с *ga-* приставочные глаголы греческого подлинника. Но факты говорят против этого предположения. Так, например, *gasaihwan* 150 раз соответствует бесприставочным глаголам и только 2 раза формам с приставками, *gameljan* 58 раз передает греч. γράφειν и только 4 раза приставочные образования и т. д. По подсчетам Райса (A. L. Rice, Gothic prepositional compounds, Philadelphia, 1932), в целом из 2516 засвидетельствованных готских форм с *ga-* 1712, т. е. почти 0,7 всех форм, отвечают бесприставочным глаголам в греческом оригинале.

[5] См. BSLP, t. XXXVI, fasc. 1, 1935, стр. 77.

на догадка о том, что известные готские глаголы выражали терминативное (предельное) значение, которое отличается от значения совершенного вида и, как подчеркивал Норен, шире его [1]. Одни из названных ученых говорят только о приставочных глаголах, другие — также и о «perfectiva simplicia» Штрейтберга, но никто из них не доказывает свою мысль анализом конкретных текстов готского языка (в лучшем случае дело ограничивается лишь несколькими отдельными иллюстрациями). Созданное в основном Нореном учение о «курсивном» и «терминативном виде» с самого начала опиралось на материал современных германских языков и в дальнейшем разрабатывалось применительно именно к этим языкам. Для готского же оно остается только недоказанным предположением, чтобы не сказать—брошенной вскользь догадкой [2]. Поэтому никак не является случайным, что в настоящее время некоторые германисты, вполне принимая для современных германских языков учение о категории терминативности/курсивности (или в более новой русской терминологии — предельности/непредельности) глагольного действия, применительно к древним германским языкам продолжают, в духе традиционных концепций, говорить о «перфективном и неперфективном виде» [3].

Все это указывает на то, что, казалось бы, очень старый и много обсуждавшийся вопрос о видовых категориях готского глагола никак не может считаться решенным и, несомненно, нуждается в новом исследовании.

Приступая к рассмотрению готского материала, мы сразу же замечаем, что перфективные, по Штрейтбергу, глаголы этого языка могут быть разделены на две группы: а) такие, которые вовсе не имеют рядом с собой — по крайней мере в засвидетельствованных текстах — имперфективных дублетов, совпадающих с ними по лексическому значению, и б) такие, которые как будто имеют при себе подобные дублеты и, по Штрейтбергу, образуют с ними «чистые видовые пары».

В первую группу войдут при таком разделении все глаголы с приставками, не утратившими своего лексического значения [4], и большая часть глаголов «perfectiva simplicia» Штрейтберга, таких, как *giban* «дать» (и «давать»), *niman* «взять» (и «брать»), а также *qiman* «прийти» (и «приходить»), *briggan* «принести» (и «приносить»), *wairþan* «стать» (и «становиться»), от которых соответственно *gaggan* «идти», *bairan* «нести» и *wisan* «быть» явно отличаются своими лексическими значениями. Далее сюда же придется включить и некоторые широко употребительные глаголы с приставками, в том числе и с приставкой *ga-*, рядом с которыми вообще не засвидетельствовано соответствующих бесприставочных глаголов, например *ganisan* «выздороветь» (и «выздоравливать»),

[1] См. B. Delbrück, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, Bd. II, Straßburg, 1897, стр. 160—161 (ср. и стр. 126). Для правильного понимания мысли Дельбрюка надо учесть необычное применение им термина «perfektiv» (см. там же, стр. 146 и 151—152), A. Noreen, Vårt språk, V, Lund, стр. 646 и 647; B. Trnka, Some remarks on the perfective and imperfective aspects in Gothic, «Donum natalicium Schrijnen», Nijmegen — Utrecht, 1929, стр. 496—500; его же, O podstatě vidů, «Časopis pro moderní filologii», 14, 1928, стр. 193—197; М. М. Гухман, Готский язык, М., 1958, стр. 128—129, 171—172, 207—209.

[2] Еще менее конкретно замечание Гедше о том, что готские глагольные приставки выражают не вид (перфективность), а способ действия (Aktionsart). Какой или какие способы действия, Гедше не указывает и даже не приводит ни одного примера из готского текста. См. C. R. Goedsche, Aspect versus Aktionsart, «The journal of English and Germanic philology», vol. 39, 1940, стр. 189—196.

[3] Ср., например, с одной стороны: И. П. Иванова, Видовременная система в современном английском языке. Автореф. докт. диссерт., Л., 1957. В этой работе на базе учения Норена развивается интересная теория о предельности/непредельности как о «видовом характере глагола». С другой стороны, см. опубликованную в том же году статью того же автора «К вопросу о категории вида в древнеанглийском языке» («Уч. зап. [ЛГУ]», № 197. Серия филол. наук, вып. 23, 1957, стр 172—190), где англосаксонская приставка *ge-* рассматривается как (правда, факультативное) средство оформления «перфективного вида».

[4] В том числе и те глаголы с приставкой *ga-*, в которых она выступает с лексическим значением «совместности», например *garinnan*=συνέρχομαι (Lk., V, 15 и др.).

urreisan «подняться» (и «подниматься»), 48 глаголов IV слабого спряжения на *-nan*, засвидетельствованных только в сочетании с приставками: *gaþaursnan* «засохнуть» (и «засыхать»), *usgutnan* «пролиться» (и «проливаться») и т. д.

Во вторую группу, кроме пар, в которых бесприставочный глагол противостоит глаголу с приставкой *ga-* или в некоторых случаях с другой приставкой, утратившей определенное лексическое значение, например *us-* (*bugjan* : *usbugjan*, по теории Штрейтберга, «покупать : купить»), войдет несколько «супплетивных» пар, т. е. таких, в которых друг другу противостоят два бесприставочных глагола, например *rodjan* : *qiþan* (по Штрейтбергу, «говорить : сказать»), или бесприставочный глагол противостоит глаголу с приставкой, образованному от другой основы, например, *gaggan* : *galeiþan* (по Штрейтбергу, «идти : пойти»).

Очевидно, что для решения проблемы вида в готском языке важность одной и другой группы далеко не одинакова. Что касается глаголов первой группы, т. е. непарных, то их двузначность при сопоставлении с глаголами славянских языков вполне естественна и была убедительно вскрыта уже Моурком. Достаточно простого «словарного» перевода на какой-либо славянский язык, чтобы стало ясно, что инфинитив каждого из этих непарных глаголов обычно противостоит в славянских языках паре инфинитивов, различающихся между собой именно в отношении вида. Иное дело — глаголы второй группы, т. е. глагольные пары готского языка. Когда видовой паре славянских глаголов противостоит по крайней мере в словаре не один глагол, а тоже пара, кажется естественным предположить внутри такой пары семантическую дифференциацию, аналогичную видовой дифференциации в славянском глаголе. Как бы сама собой напрашивается пропорция: *saihwan* : *gasaihwan* = *видеть* : *увидеть*, из которой остается только сделать вывод о существовании категории совершенного и несовершенного вида в готском глаголе. По этому пути и пошли Штрейтберг и его школа. Оппоненты Штрейтберга доказали фиктивность подобных построений, однако, как сказано, не предложили ничего взамен. В настоящее время задача заключается в том, чтобы выяснить, существует ли действительно какое-либо различие в видовых или «видообразных» значениях между двумя членами пары, и если такое различие существует, то в чем именно оно состоит и как оно проявляется, каково его соотношение с различием совершенного и несовершенного вида в славянских языках. Только идя по этому пути, можно пытаться разрешить интересующую нас проблему.

Уже сравнительно небольшого знакомства с материалом достаточно, чтобы увидеть, что сплошное тождество значений обоих членов пары, вытекающее, например, из рассуждений Бера, Мировича или Шерера, является такой же фикцией, как и видовая теория Штрейтберга, подвергнутая в работе этих ученых справедливой критике. Действительная картина оказывается намного сложнее как одной, так и другой точек зрения. Для некоторых глагольных пар, например для пар *wairpan* : *gawairpan* «бросать», *driusan* : *gadriusan* «падать», *nasjan* : *ganasjan* «спасать», *greipan*: *undgreipan* «хватать», засвидетельствованы только факты семантического тождества бесприставочного и приставочного члена (*wairpan* = *gawairpan* и т .д.). Таким образом, у нас нет данных, которые позволили бы с достоверностью утверждать, что первый и второй глаголы не являлись здесь со всех точек зрения синонимами, что они чем-то отличались друг от друга с точки зрения вида. Выходит, что на примере этих пар полностью подтверждается взгляд Бера и других оппонентов Штрейтберга. Зато в такой паре, как *slepan* : *gaslepan* дело обстоит как раз наоборот — оба члена пары засвидетельствованы только в разных значениях (*slepan* всегда ≠ *gaslepan*): глагол *slepan* известен только в значении состояния — «спать», а глагол *gaslepan* обозначает начало этого состояния — «уснуть» (или «засыпать»). Для большин-

ства же глагольных пар готского языка дело обстоит так, что в одной и той же паре наряду с примерами полного тождества и взаимозаменяемости обоих членов существуют и такие примеры, где этого тождества и этой взаимозаменяемости нет. По отношению к большинству глагольных пар оппоненты Штрейтберга оказываются правы в одном: значения, перфективные со славянской точки зрения, действительно, почти во всех этих парах свободно передаются обоими глаголами. Что же касается значений, имперфективных со славянской точки зрения, то здесь дело обстоит далеко не так просто.

Например, в «супплетивной» паре *gaggan* : *galeiþan* такое значение как «ходить» (в смысле «иметь способность ходить» и в смысле реально осуществляющегося движения, но без определенной цели и фиксированного направления) никогда не передается приставочным глаголом *galeiþan*, а только бесприставочным *gaggan*. Ср. Mt. XI, 5 и Lk. VII, 22: «haltai gaggand» «хромые ходят» (греч. περιπατοῦσιν) или Lk. XX, 46: «atsaihwiþ faura bokarjam þaim wiljandam gaggan in hweitaim» «остерегайтесь книжников, желающих ходить в белом» (греч. περιπατεῖν). Всего случаев *gaggan* = греч. περιπατεῖν я насчитал в готской библии 25. Между тем, хотя *galeiþan* ни разу не встречается в таком значении, другие имперфективные с точки зрения славянских видов значения этот глагол иногда передает. Ср.: 1 Tim. I, 3: «baþ þuk saljan in Aifaison galeiþands Makedonais» «отправляясь в Македонию, я просил тебя остаться в Эфесе» (греч. πορευόμενος) или J. VIII, 14: «unte wait hwaþro qam jah hwaþ galeiþa, iþ jus ni wituþ hwaþro qima, aiþþau, hwaþ galeiþa» «ибо я знаю, откуда пришел и куда иду, а вы не знаете, откуда или куда я иду» (в греческом оба раза презенс ὑπάγω) [1].

Аналогичную картину дает и пара *standan* : *gastandan*. Поскольку речь идет о значениях «становиться (стать)», «оставаться (остаться)», а также о переносном значении «пребывать во Христе, в вере» и т. д., оба члена пары могут употребляться как синонимы, независимо от того, перфективно или имперфективно со славянской точки зрения понимается тот или иной пример. Однако значение «стоять» (в буквальном смысле) выражается только бесприставочным *standan*.

В паре *sitan* : *gasitan* синонимизм обоих членов пары имеет место, поскольку речь идет о значениях «садиться» или «сесть». В этих значениях принципиально могут встретиться оба глагола (ср., например, Mk. XIX, 35 *sitands* «сев»), хотя практически *gasitan* встречается несколько чаще. Зато в своем основном значении «сидеть» бесприставочный глагол встречаем не менее 28 раз, а приставочный соответствует греческому καθῆσθαι «сидеть» всего два раза, причем в обоих примерах контекст подсказывает, или во всяком случае делает возможным, переосмысление глагола — подстановку значения начала состояния («сесть») вместо самого состояния («сидеть»): J. VI, 3: «ἀνῆλθεν δὲ εἰς τὸ ὄρος ὁ Ἰησοῦς, καὶ ἐκεῖ ἐκάθητο μετὰ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ» «вышел тогда Иисус на гору и сидел там со своими учениками»; в готском тексте: «... usiddja ... jah jainar gasat miþ siponjam seinaim» «вышел ... и сел там со своими учениками»; Mk. IV, 1: «συνήχθη πρὸς αὐτὸν ὄχλος πολύς, ὥστε αὐτὸν ἐμβάντα εἰς τὸ πλοῖον καθῆσθαι ἐν τῇ θαλάσσῃ» «собралось к нему множество народа, так что ему пришлось, взойдя на корабль, сидеть на море»; в готском тексте: «swaswe ina galeiþan ⟨dan⟩ in skip gasitan in marein» «пришлось... сесть».

В паре *rodjan* : *qiþan* значение «говорить» в смысле «обладать даром речи» передается посредством *rodjan* (по Штрейтбергу, «nichtperfektivierbares Durativum»). Так, в Lk. I, 20: «...sijais þahands jah ni magands rodjan» «будешь молчать и не сможешь говорить» инфинитив *rodjan* вы-

[1] Как видим, в этом примере готское *galeiþa* соответствует приставочному глаголу подлинника; но ведь и περιπατεῖν является приставочным глаголом, а между тем он никогда не передается при помощи *galeiþan*, а только при помощи бесприставочного *gaggan*.

ражает значение «иметь способность говорить», хотя греческий текст имеет здесь инфинитив аориста (λαλῆσαι). Ср. также *unrodjands* «немой», т. е. «не имеющий способности речи». В то же время «говорить = пользоваться даром речи» свободно передается и посредством *rodjan*, и посредством *qiþan* (представляющего, по Штрейтбергу, «perfectivum simplex»), причем *qiþan* может соответствовать и несовершенному виду славянского глагола (например, *dugann qiþan* — Mt. XI, 7 и в других местах, всего девять раз на протяжении сохранившихся частей библии).

Показательны пары *hausjan* : *gahausjan* и *saihwan* : *gasaihwan*. Значение произвольного действия, направленного на получение соответствующего восприятия («слушать» и «смотреть») передается бесприставочным членом пары. То же относится к значению «слышать = иметь слух». Правда, в Mt. XI, 5: «baudai gahausjand» *gahausjand* = ἀκούουσι и в старославянском переводе (в Мариинском евангелии) *глоуси слышѧть*. Но здесь, как показывает контекст, по-видимому, подчеркивается момент начала состояния (как в параллельном *blindai ussaihwand* «слепые прозревают» в том же стихе). Значение «видеть=быть зрячим» только один раз передается глаголом *gasaihwan* [1], зато при помощи *saihwan* значение «быть зрячим» передается систематически. В значениях «слышать = воспринимать слухом» и «видеть = воспринимать зрением» свободно используются и бесприставочный и приставочный глаголы, причем в ряде случаев глагол с приставкой стоит там, где в славянских языках может стоять только несовершенный вид (например, *gasaihwan* : Lk. VII, 44; Mk. VIII, 23 и 24 и т. д.; *gahausjan* : Lk. X, 24 и т. д.).

Показательно, что и синоним глагола *gasaihwan*—перфективный, по Штрейтбергу, глагол *gaumjan* не способен выражать таких значений, как «смотреть» или «быть зрячим», а всегда обозначает только факт действительного восприятия чего-либо зрением, хотя при этом может соответствовать и глаголу несовершенного вида славянских языков. Ср., например, Lk. VI, 41: «aþþan hwa gaumeis gramsta in augin broþrs þeinis, iþ anza in þeinamma augin in gaumeis»? «что же ты видишь сучок в глазу брата твоего, а бревна в своем глазу не видишь?» (βλέπεις — οὐ κατανοεῖς).

В паре *waurkjan* : *gawaurkjan* такие значения, как «работать, действовать, делаться» (ἐργάζεσθαι и ἐνεργεῖν без объекта) выражаются только бесприставочным *waurkjan*. Ср. 2 Thess. III, 10: «hwas ni wili waurkjan, ni matjai» «кто не хочет работать, пусть не ест» (ἐργάζεσθαι), или R. VII, 5 «þan auk wesum in leika, winnons frawaurhti .. waurhtedun in liþum unsaraim» «когда мы были во плоти, греховные желания действовали в нашем теле» (ἐνεργεῖτο). Подобных примеров насчитывается 9. Между тем глагол *gawaurkjan* в таких значениях не встречается ни разу.

На фоне этих фактов приобретают доказательную силу и аналогичные наблюдения, касающиеся глаголов, засвидетельствованных в меньшем количестве примеров, чем рассмотренные до сих пор.

Так, в паре *bugjan* : *usbugjan* глагол *bugjan* в трех случаях употреблен в непереходном значении «заниматься куплей» (Mk. XI, 15; Lk. XVII, 28; XIX,45) и один раз, в медиопассиве, в значении «стоить» (буквально «покупаться за такую-то цену»—Mt. X, 29). Глагол *usbugjan* в этих значениях не встречается. В переходном же значении «приобретать (или „приобрести“) что-либо посредством купли», оба глагола употребляются в равной мере.

Глаголы *hailjan* и *leikinon* употребляются в значении «лечить= =заниматься лечением». Ср. Mk. III, 1: «Jah galaiþ aftra in swnagogen, jah was jainar manna gaþaursana habands handu. 2 jah witaidedun imma hailidediu sabbato daga, ei wrohidedeina ina» «и пришел снова в синагогу

[1] J. IX, 41: «iþ blindai weseiþ, ni þau habaidedeiþ frawaurhtais, iþ nu qiþiþ þatei gasaihwam eiþan frawaurhts izwara þairhwisiþ» «если бы вы были слепыми, то не имели бы греха, если же говорите, что видите (буквально: что видим), то ваш грех пребывает» (βλέπομεν).

и был там человек, имевший иссохшую руку. И следили за ним, станет ли лечить в субботу, чтобы обвинить его». В греческом тексте: «εἰ ... θεραπεύσει αὐτόν» «будет ли лечить его»; в готском, как видим, объект опущен. Речь здесь идет не о том, будет ли иметь место факт действительного исцеления больного, а о том, будет или не будет Иисус заниматься в субботу «работой излечения». Параллельное место Lk. VI, 7, с глаголом *leikinon* «врачевать» подтверждает такое понимание. Там объект отсутствует и в греческом тексте. Сюда примыкает также Mt. IX, 35: «jah bitauh Iesus baurgs allos jah haimos laisjands... merjands aiwaggeljon.. jah hailjands allos sauhtins» «и обходил Иисус все города и села, уча,... проповедуя евангелие... и врачуя все болезни» (θεραπεύων). Ср. Lk. IX, 6: причастие *leikinonds* в таком же значении. Между тем глаголов *gahailjan* и *galeikinon* мы в подобном употреблении не встречаем. Зато в значении «лечить = излечивать» встречаются все четыре глагола, причем формы с *ga-* в иных случаях стоят и там, где естественнее ожидать несовершенного вида.

В паре *þahan* : *gaþahan* оба члена синонимичны, поскольку речь идет о значении «замолкать» (или «замолкнуть»). В значении «молчать» встречаем только бесприставочный глагол.

В паре *bairan* : *gabairan* «рожать» («родить») глагол с приставкой может быть употреблен в значении несовершенного вида (ср. 2 Tim. II, 23 *gabairand* = γεννῶσιν). Однако, когда переводчику понадобилось передать значение «рожать» в смысле «заниматься деторождением» (греч. τεκνογονεῖν), он употребил бесприставочный глагол *bairan* (1 Tim. V, 14).

Какова же специфика значений, не способных быть выраженными вторым, перфективным по Штрейтбергу, членом глагольной пары? В чем их отличие от других, также имперфективных (со славянской точки зрения) значений, которые этим вторым членом беспрепятственно выражаются? Почему, скажем *galeiþa* может значить «иду», но не может значить «хожу», или *gahailja* часто значит «лечу кого-нибудь» или «лечу какую-нибудь болезнь», но никогда не значит «занимаюсь лечением» или *gahausja* значит «слышу = воспринимаю слухом», но никогда не значит «слушаю = хочу воспринять слухом» и, кроме одного случая (Mt. XI, 5), где выступает начинательный оттенок (см. выше), никогда не значит «слышу = имею слух»?

По-видимому, в значениях, выражаемых только одним, имперфективным по Штрейтбергу, членом пары, таких, как «ходить», «стоять» (в буквальном смысле), «сидеть», «обладать даром речи», «обладать слухом», «обладать зрением», «работать — действовать», «заниматься куплей», «заниматься лечением», «молчать» и им подобных, глагольное действие выступает как не ведущее к переходу в новое качественное состояние и потому как ничем не ограниченное в своем протекании (хотя бы и в отдаленной перспективе). Такие глагольные значения в грамматике современных германских языков называются н е п р е д е л ь н ы м и. Частным случаем непредельного значения, частным способом действия (Aktionsart) в рамках непредельности является «конативное» значение, например: «слушать» или «смотреть», выражающее волевое действие вне всякой зависимости от его успеха,— действие, прекращение которого в момент достижения «успеха» вовсе не обязательно, как необязателен и самый факт достижения «успеха».

Всем этим глагольным значениям противостоят другие, как правило, свободно выражаемые обоими членами пары, такие как «идти (или пойти) куда-то», «становиться (или стать) чем-то», «вставать (или встать)», «останавливаться (или остановиться)», «садиться (или сесть)», «говорить (или сказать) что-то или о чем-то», «делать (или сделать) что-то», «купить (или покупать) что-то», «вылечивать (или вылечить) кого-то или какую-то болезнь», «замолкать (или замолкнуть)» и т. д. В этих значениях действие выступает как включающее (хотя бы в перспективе) момент перехода к чему-то новому в состоянии или положении подлежащего или его объекта,

момент изменения и — актуального или ожидаемого — «скачка в новое», момент актуального или ожидаемого в перспективе «пресечения» критической точки, предела действия. Как видим, это те глагольные значения, которые в грамматике современных германских языков называются предельными[1].

Предельные значения также не представляют единой монолитной массы. Внутри этих значений можно выделить ряд более частных способов действия, обозначив их некоторыми терминами, бытующими в научной литературе. В частности, можно выделить группу «эффективных» или «сукцессивных» значений (успешного, достигающего цели действия), например «воспринимать зрением или слухом» — значений, соотносительных с «конативными» значениями типа «смотреть» и «слушать». Могут быть, далее, выделены «ингрессивные», начинательные значения («сесть» или «садиться», «замолчать» или «замолкать» и т. д.), фиксирующие начальный момент какого-то длительного состояния, «терминативные» значения в узком смысле, фиксирующие физическое движение, ограниченное пределом, целью, например «пойти (или идти) куда-либо». Однако важно подчеркнуть, что, несмотря на наличие подобных оттенков в разных глаголах, вся группа предельных значений, по-видимому, противостоит непредельным значениям как известное семантико-морфологическое единство.

Таким образом, в глагольных парах готского языка обнаруживается наличие противопоставления предельных и непредельных глагольных значений. С формальной стороны это противопоставление — асимметричное, «хромающее»: непредельные значения могут быть выражены только тем членом пары, который Штрейтберг считал имперфективным, а предельные — обоими глаголами без различия. Указанному правилу можно дать и обратную формулировку: перфективный, по Штрейтбергу, член пары имеет почти всегда одно только предельное значение[2], а имперфективный может иметь и предельное и непредельное значение, в зависимости от действия разных факторов.

С семантической стороны важно отметить, что между предельным и по смыслу ближайшим к нему непредельным значением никогда нет абсолютного лексического тождества. Отсюда следует, что противопоставление предельности — непредельности нельзя считать видом, потому что вид мы имеем, собственно, только там, где возможно и типично двоякое грамматическое выражение одного и того же лексического содержания, двоякое «рассмотрение» одного и того же глагольного действия (как это имеет место, например, в славянских языках или в английском). Категория предельности / непредельности представляет собой наивысшую абстракцию в области способов действия, абстракцию, в некотором роде даже перерастающую рамки лексической группировки глаголов и как бы стоящую «на пороге» грамматики. В этом смысле мы можем называть ее «видообразной» категорией.

Поскольку значение предельности, как отмечал уже Норен, шире значения совершенного вида, вполне естественно, что формы с приставкой

---

[1] В своих работах по германистике, опубликованных в конце 40-х годов («Из истории второго причастия германских языков», сб. «Язык и мышление», XI, М.—Л., 1948, стр. 194 — 207; «К вопросу о происхождении посессивного перфекта», «Уч. зап. [ЛГУ]», № 97, Серия филол. наук, вып. 14, 1949, стр. 76—104), я называл предельные глаголы в древних германских языках «трансгрессивными», а непредельные — «курсивными» (последний термин заимствован у Норена). Сейчас эта терминология не кажется мне удачной. Лучшими интернациональными обозначениями для предельности и непредельности, вероятно, надо признать «терминативность» и «аттерминативность».

[2] Случаи непредельного значения форм с приставкой ga- представляют лишь совершенно единичные исключения из общего правила. Кроме приведенного выше случая (J. IX, 41: *gasaihwat* «имеем зрение»), сюда приходится наверняка отнести только еще форму *gawas* «жил; пребывал» в примере Lk. VIII, 27.

ga- и другими подобными иногда соответствуют славянскому несовершенному виду, и притом не только многократному, но и «процессному» его значению. В частности, презенс предельного глагола употребляется не только в смысле будущего или абстрактного настоящего, но и в смысле конкретного настоящего, в значении действия, протекающего непосредственно в момент речи о нем. Так, в примере Lk. VII, 44; «Jah gawandjands sik du þizai qinon qaþ du Seimona: gasaihwis þo qinon?» «и повернувшись к той женщине, сказал Симону: видишь ли эту женщину?» (βλέπεις) речь идет не о способности видеть, а об эффективном значении глагола («воспринимаешь ли ты зрением?»), т. е. о частном случае предельного значения, хотя, со славянской точки зрения, здесь возможен, несомненно, только несовершенный вид; подобным же образом обстоит дело и во многих других случаях употребления глаголов *gasaihwan*, *gahausjan*, *gaumjan* и т. д.

Аналогично и в прошедшем времени глагол с приставкой *ga-* может иметь несовершенное, со славянской точки зрения, значение и нередко соответствует имперфекту греческого подлинника. Так, в примере Lk. VI, 19: «jah alla managei sokidedun attekan imma, unte mahts af imma usiddja jah ganasida allans» «и весь народ стремился прикоснуться к нему, так как от него исходила сила и исцеляла всех» (ἰᾶτο) имеется в виду, что больные действительно становились здоровыми, исцелялись, т. е. подчеркивается не самая способность исцеления, а ее проявление в действии, которое неизбежно предельно, связано с переходом объекта в новое качественное состояние и прекращается с достижением этого нового состояния. Но по нормам славянской грамматики здесь требуется несовершенный вид. Также и в рассказе о буре на море формы *gafullnoda* (Mk. IV, 37) и *gafullnodedun* (Lk. VIII, 23) обозначают, что лодка наполнялась волнами,— процесс, завершение которого только предстояло в ближайшем будущем. Таким же образом обстоит дело и во всех других подобных случаях употребления глагола с приставкой [1].

С другой стороны, поскольку бесприставочный глагол может иметь, как указано, разное значение в зависимости от действия разных причин, вполне естественно, что он может, в частности, соответствовать и форме совершенного вида в славянских языках, как мы это видим в примерах вроде Mt. IX, 25: «atgaggands inn habaida handu izos» «войдя внутрь, взял ее руку» (ἐκράτησεν) и в других подобных, в изобилии приведенных в работах Бера и Мировича.

От каких же причин зависит предельность или непредельность б е с п р и с т а в о ч н о г о глагола? По меньшей мере от двух причин: прежде всего от лексического значения этого глагола и затем в ряде случаев от контекста, в котором он употреблен.

Такие бесприставочные глаголы, как *driusan* «упасть» (или «падать»), *wairpan* «бросить» (или «бросать»), *nasjan* «спасти» (или «спасать»), *greipan* «схватить» (или «хватать»), в дошедшем до нас готском тексте засвидетельствованы только в предельном значении, и это, по-видимому, не случайно. Уже в силу своей лексической семантики эти глаголы вообще, видимо, не могут мыслиться как непредельные. Очевидно, то же относится и к бесприставочным глаголам IV слабого спряжения на *-nan*, обозначающим факт перехода подлежащего в какое-либо новое качественное состояние, например к глаголам *fullnan* «наполняться», *swinþnan* «становиться сильным, укрепляться» (или, соответственно, «стать сильным») и т. д.[2] Все указанные глаголы семантически сближаются с такими, как упо-

[1] За исключением J. IX, 41 и Lk. VIII, 27 (ср. предыдущую сноску).

[2] Отметим, что среди бесприставочных глаголов на *-nan* есть и непредельные, например *managnan* «обладать избытком чего-либо, наличествовать в избытке», *weihnan* «быть святым, святиться». К сожалению, вопрос о видовом значении и способе действия этих глаголов не получил освещения в обстоятельной монографии Аннерхольма, посвященной глаголам на *-nan* (см. H. A n n e r h o l m, Studier över de inkoativa verben på *na(n)* i gotiskan och de nordiska fornspråken, Lund, 1956).

мянутые выше *giban, wairþan*, т. е. с глаголами «perfectiva simplicia» по терминологии Штрейтберга. Й те и другие могут быть объединены в одну общую группу глаголов и с к л ю ч и т е л ь н о п р е д е л ь н ы х, т. е. неспособных к непредельному употреблению. Различие между *giban* и *driusan* в смысле отсутствия или наличия при них образований с «лексически бесцветным» *ga-* окажется не таким существенным. Важнее будет подчеркнуть, что даже в тех случаях, когда соответствующие приставочные глаголы (*gadriusan, gawairpan, gafullnan*) образуются, они семантически не отличаются от соответствующих бесприставочных.

Наоборот, в некоторых других бесприставочных глаголах резко преобладает непредельное значение. Таковы *sitan* «сидеть» (и, редко, «сесть»), *haban* «держать, иметь» (и, редко, «взять»), *standan* «стоять» (и, редко, «встать» или «остановиться»). Для глагола *slepan* «спать», как уже было указано выше, начинательное значение «заснуть» даже вообще не засвидетельствовано. Причина снова кроется в лексическом значении этих глаголов, выражающих непредельные по своей природе процессы. Появление предельного значения возможно здесь лишь в случае, когда говорящий имеет в виду начало, наступление соответствующего состояния. Однако для передачи таких начинательных значений чаще используются глаголы с приставками типа *gaslepan, anaslepan* и т. д. В связи с этим различие значений бесприставочного глагола проводится в соответствующих парах с относительно наибольшей последовательностью. Вместе с nichtperfektivierbare durativa» Штрейтберга (*frijon* «любить» и т. д.) перечисленные выше простые глаголы составляют группу глаголов с преобладающим непредельным значением, глаголов н е п р е д е л ь н ы х п о п р е и м у щ е с т в у. И здесь различие между *slepan* и *frijon* в смысле возможности или невозможности образования приставочного глагола не окажется сколько-нибудь существенным, важнее будет подчеркнуть, что и для «nichtperfektivierbare durativa» Штрейтберга изредка возможно употребление в предельном (именно — в начинательном) значении [ср., например, семантику глагола *frijon* в следующем сочетании: «iþ Iesus insaihwands du imma frijoda ina jah qaþ» (Mk. X, 21) «Иисус же, взглянув на него, полюбил его и сказал» (ἠγάπησεν; в Мариинск. еванг. — *възлюби*)].

Между этими двумя полюсами (глаголами «исключительно предельными» и «непредельными по преимуществу») лежат остальные бесприставочные глаголы, совмещающие в себе предельное и непредельное значения. Появление в них одного или другого значения определяется в каждом данном случае их употребления окружающим контекстом. При этом надо различать две основные возможности:

1. Если контекст требует подчеркнутого, эмфатического выражения предельности или непредельности (например, в случае их прямого контекстуального противопоставления), то бесприставочный глагол используется для передачи непредельного, а приставочный для передачи предельного значения (т. е. подобно тому, как это имеет место в паре *slepan*: *gaslepan*).

2. Если нужды в особом подчеркивании предельности/непредельности нет, то бесприставочный глагол может использоваться и для передачи предельного значения. В этих случаях в сфере предельных значений возможен абсолютный синонимизм обоих членов пары (подобный их синонимизму в парах типа *driusan* : *gadriusan*).

Привожу примеры одной и другой возможности:

1. Контекстуальные противопоставления: J. VI, 66: «uzuh þamma mela managai galiþun siponje is ibukai jah þanaseiþs miþ imma ni iddjedun» «с этого же часа многие из учеников его пошли обратно и с тех пор с ним не ходили»; в греч.: «ἐκ τούτου οὖν πολλοὶ ἀπῆλθον τῶν μαθητῶν αὐτοῦ εἰς τὰ ὀπίσω καὶ οὐκέτι μετ' αὐτοῦ περιεπάτουν»; Lk. VIII, 8: «saei habai ausona du hausjan (Mk. IV. 9,23 и 7,16: *hausjandona*) gahausjai» «кто имеет уши, чтобы слышать (или слушать), — т. е. уши, имеющие (вообще)

способность слышать или слушать, — пусть воспримет ими, пусть услышит (в данном конкретном случае)»; в греческом («ὁ ἔχων ὠτα ἀκούειν ἀκουέτω») противопоставление отсутствует; Lk. 14, 11: «saei hauheiþ sik silba, gahnaiwjada, jah saei hnaiweiþ sik silban, ushauhjada» «кто держит себя высокомерно, будет унижен, а кто ведет себя скромно, будет вознесен» (греч. «ὁ ὑψῶν ἑαυτὸν ταπεινωθήσεται, καὶ ὁ ταπεινῶν ἑαυτὸν ὑψωθήσεται»; аналогично и Lk. XVIII, 14).

2. Асемантический параллелизм бесприставочного и приставочного глаголов в предельном значении: Lk. XVI, 6: «nim þus bokos jah gasitands sprauto gamelei fimf tiguns» «возьми расписку и, сев, быстро напиши: 50». Ср. в следующем стихе: «nim þus bokos jah melei ahtautehund» «возьми расписку и напиши: 80» (в греческом в обоих случаях повелительная форма аориста: γράψον); Lk. 9,14: «qaþ þan du siponjam seinaim: gawaurkeiþ im anakumbjan» «и сказал он ученикам своим: велите им сесть» (греч. κατακλίνατε αὐτοὺς «посадите их»). Ср. J. VI, 10: «iþ Iesus qaþ: waurkeiþ þans mans anakumbjan» «Иисус же сказал: велите людям сесть» (ποιήσατε τοὺς ἀνθρώπους ἀναπεσεῖν); Lk. XIV, 19: «juka auhsne usbauhta fimf jah gagga kausjan þans» «я купил пять упряжек волов и иду испробовать их». Ср. Lk. XIV, 18: «land bauhta jah þarf galeiþan jah saihwan þata» «я купил землю и должен пойти посмотреть на нее» (в греческом в обоих случаях аорист ἠγόρασα).

Такова картина отношений в готском языке, как она раскрывается в тексте готской библии Вульфилы. Можно предположить, что в более древнюю пору, в период до соединения глаголов с приставками, предельное и непредельное значения выражались в одних случаях специализованными глагольными основами, а в других совмещались в одной и той же основе. Затем появляются приставочные глаголы, в которых приставка, ограничивая протекание действия в пространственном и временно́м отношении, обычно превращает глагол в предельный. Большинство приставок, нами здесь не рассмотренное, вносит в глагол значение конкретного предела, связанного с пространственным ограничением протекания процесса или с уточнением того или иного частного способа действия. Но наряду с этим выделяются и такие приставки, в которых значение предела носит более абстрактный характер, прежде всего приставка *ga-*. Возникают глагольные пары. К основам, употреблявшимся до сих пор в обоих значениях, — предельном и непредельном,— все чаще прибавляется теперь — для недвусмысленного выражения предельного значения — приставка *ga-* (или другие приставки). Однако это не влечет за собой немедленного и полного отмирания предельного употребления бесприставочного глагола. Возникает в определенных рамках асемантический параллелизм обоих членов пары. Глаголы, употреблявшиеся до сих пор в силу своей лексической семантики только в предельном значении, продолжают употребляться в нем, причем некоторые из них не дают образований с «бесцветной» приставкой *ga-* (это «perfectiva simplicia» Штрейтберга), а другие дают такие образования, но лишь в порядке аналогии, без закрепления за приставочной основой какой-либо специальной функции. Наконец, глаголы, употреблявшиеся в силу своей лексической семантики преимущественно в непредельном значении, продолжают употребляться в нем, причем некоторые из них тоже не дают образований с приставкой *ga-* (это «nichtperfektivierbare durativa» Штрейтберга), а другие дают такие образования, закрепляя за ними чаще всего начинательное значение

Итак, подведем итоги. В готском языке не было ни глагольного вида, подобного славянскому, ни вообще категории глагольного вида. Но в нем была «видообразная» категория предельности/непредельности глагольного действия, проявлявшая себя несколько иначе, чем соответствующая категория в современных германских языках. Специфика предельности/непредельности в готском заключалась не столько в асимметричном, «хромающем» характере этого противопоставления (ведь и в современных

языках нередки случаи совмещения в бесприставочном глаголе непредельного и предельного значения), сколько в том, что здесь существовал а б с т р а к т н ы й п о к а з а т е л ь п р е д е л ь н о с т и (приставка *ga-*), какого в современных германских языках мы уже не находим. В связи с этим в готском языке имелся довольно широкий круг глагольных пар, внешне напоминающих некоторые типы видовых пар славянских языков, что и явилось источником ошибки Штрейтберга и его многочисленных последователей [1].

---

[1] В момент, когда данная статья находилась в печати, вышла в свет работа М. М. Маковского «К проблеме вида в готском языке» («Уч. зап. [1-го МГПИИЯ]», т. XIX, 1959, стр. 41—98). Автор в духе Штрейтберга говорит о «перфективном значении» приставки *ga-*, но, с другой стороны, в духе оппонентов Штрейтберга также и о том, что приставка эта «в большом количестве случаев употребляется весьма факультативно» (указ. соч., стр. 72). Вопроса о значении предельности и непредельности глагольного действия в готском языке М. М. Маковский не касается.

№ 5 1959

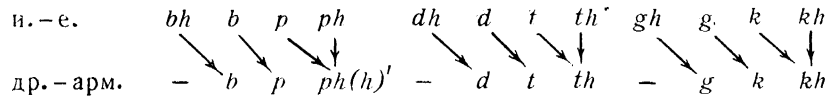
А. С. ГАРИБЯН

ОБ АРМЯНСКОМ КОНСОНАНТИЗМЕ

Исследование армянских диалектов началось в середине XIX в., однако подлинно научный характер оно приняло лишь в самом конце этого столетия. Основным итогом исследований по армянской диалектологии до Октябрьской революции явилось исследование Р. Ачаряна [1], где, описывая 31 диалект, автор классифицирует их по признаку глагольных форм настоящего времени.

В советский период обнаружены 26 до того времени неизвестных науке армянских диалектов, подавляющее большинство которых исследовано, и результаты исследований опубликованы: издано 15 монографий [2] и одна общая итоговая работа [3]. Во вновь обнаруженных диалектах армянского языка выявлено большое число диалектных черт, ранее неизвестных.

Традиционная арменистика, применяя сравнительно-исторический метод, установила, что в древнеармянском языке произошло одно полное передвижение системы взрывных согласных индоевропейского праязыка [4], а это значит, что в древнеармянском языке индоевропейские чистые глухие превратились в глухие придыхательные, индоевропейские звонкие — в чистые глухие и индоевропейские звонкие придыхательные — в чистые звонкие. Индоевропейские глухие придыхательные сохранены без изменения. См. схему:



Примеры:

и.-е.	*bhr̥g'h-	*bendh	*pətèr	*pol-
др.-арм.	bardz-r «высокий»	pind «крепкий»	hayr «отец»	hol̥ «земля»
и.-е.	*phu-	*ghmo-	*gen-	
др.-арм.	phukh «дуновение»	gom «хлев»	kin «жена»	
и.-е.	*kar	*khn̥d-	*dhur	
др.-арм.	khar «камень»	chandz-el «обжечь»	duṙ-n «дверь»	
и.-е.	*dom	*tars	*porthu	
др.-арм.	tun «дом»	thaṙ «насест»	horth «теленок»	

и.-е.				др.-арм.		
bh	b	p	ph	b	p	ph
dh	d	t	th	d	t	th
gh	g	k	kh	g	k	kh

Традиционная арменистика утверждала также, что армянские диалекты образовались в процессе разложения древнеармянского языка,

[1] Р. Ачарян, Армянская диалектология: очерк и классификация армянских наречий, «Эминский этнографич. сборник, изд. при Лазаревск. ин-те вост. языков», вып. VIII, М., 1911 (на арм. яз.).

[2] См. о них подробнее: Р. О. Костанян, Лингвистические и арменоведческие работы в Институте языка АН Арм. ССР, ВЯ 1958, № 6.

[3] Ан. Гарибян, Армянская диалектология. Фонетика и морфология, Ереван, 1953 (на арм. яз).

[4] См. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 111—120.

т. е. образование армянских диалектов явилось результатом перерождения древнеармянского языка [1], которое выразилось будто бы в постепенном угасании древнеармянского языка приблизительно к XI в. н. э. и сложении армянских диалектов, начиная с XI — XII вв.

Исследование консонантизма армянских диалектов привело нас к необходимости пересмотреть положения традиционной арменистики о происхождении всех армянских диалектов от древнеармянского языка позднего периода, по крайней мере в части фонетики.

Сравнение консонантизмов 57 армянских диалектов и 2 армянских литературных языков с консонантизмом индоевропейского праязыка позволило распределить армянские диалекты с точки зрения их звуковой системы на семь групп.

К I группе можно отнести те диалекты, которые по сравнению с индоевропейским консонантизмом производят лишь передвижение одних чистых глухих в ряд глухих придыхательных. Схематически это можно изобразить следующим образом:

и.-е.	*bh*	*b*	*p*	*ph*	*dh*	*d*	*t*	*th*	*gh*	*g*	*k*	*kh*
арм. диал. I гр.	*bh*	*b*	—	*ph*	*dh*	*d*	—	*th*	*gh*	*g*	—	*kh*
др.-арм. яз.	—	*b*	*p*	*ph*	—	*d*	*t*	*th*	—	*g*	*k*	*kh*

Примеры:

и.-е.		**bhrg'h-*		**bendh-*		**pətèr-*			**pol-*			
арм. диал. I гр.[2]		*bharsə*		*bindh*		*h'er*			*holʂ*			
др.-арм.		*bardz-r*		*pind*		*hajr*			*holʂ, föʂ, chül*			
и.-е.		**dhur-*		**dom-*		**tars*						
арм. диал. I гр.		*dhuř*		*don* (*dun*)		*thař*						
др.-арм.		*dur-n*		*tun*		*thař*						
и.-е.		**g²homo-*		**gen-*		**kar*						
арм. диал. I гр.		*ghom*		*gin* (*gənig*)		*khar*						
др.-арм.		*gom*		*kin*		*khar*						
и.-е.	*bh*	*b*	*p*	*ph*	*dh*	*d*	*t*	*th*	*gh*	*g*	*k*	*kh*
арм. диал.	*bh*	*b*	—	*ph*	*dh*	*d*	—	*th*	*gh*	*g*	—	*kh*

Как можно видеть, по сравнению с индоевропейской системой согласных диалекты I группы лишены только одного ряда, а именно ряда чистых глухих. Такая система согласных не могла развиться из системы древнеармянского языка, так как в последнем совершенно отсутствуют звонкие придыхательные, а чистые звонкие заменены чистыми глухими. Поскольку известно, что в языках кавказских, малоазийских и аборигенов Армении не обнаружено ряда звонких придыхательных, происхождение этих согласных в диалектах I группы следует связывать только с индоевропейским консонантизмом. Так как известно также, что в армянском языке проявился закон первого передвижения, в том числе—передвижения звонких в глухие, то нельзя ничем объяснить, почему в диалектах этой группы вместо древнеармянских глухих имеются чистые звонкие. Естественно полагать, что этот ряд звонких также имеет своим происхождением консонантизм индоевропейского языка-основы.

Таким образом, эта группа армянских диалектов сохранила без изменения два ряда индоевропейских взрывных согласных, а именно: ряд взрывных придыхательных и ряд чистых взрывных; передвижение в этих диалектах произошло лишь в отношении чистых глухих. Мы увидим ниже,

[1] См. об этом: Р. Ачарян, История армянского языка, [Ереван], ч. I—1940, ч. II — 1951 (на арм. яз.).

[2] Примеры приведены из диалектов Малой Армении по книге: Р. Ачарян, Этимологический коренной словарь армянского языка, Ереван, 1926—1927 (на арм. яз.). Дальше все примеры взяты из этого же труда.

что передвижение индоевропейских чистых глухих в глухие придыхательные является общеармянским качеством, присущим как диалектам, так и общему языку; во всем остальном, как будет показано ниже, общих качеств в консонантизме армянских диалектов различных групп не существует.

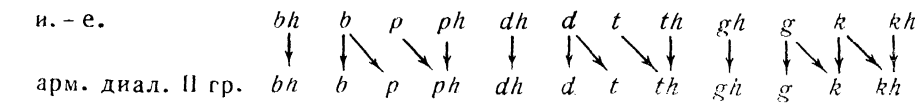
Итак, первая группа армянских диалектов имеет систему взрывных согласных, почти совпадающую с имеющейся в индоевропейском праязыке. Это означает, что звуковая система диалектов I группы, будучи более древней, чем звуковая система древнеармянского языка, стоит намного ближе к индоевропейскому исходному состоянию, чем система древнеармянского языка: консонантизм этих диалектов происходит не от древнеармянского консонантизма, а от звуковой системы армянского языка, переживавшего переходный период от индоевропейского состояния к древнеармянскому состоянию; в свою очередь, древнеармянская система согласных могла произойти лишь от такой системы переходного типа.

К I группе армянских диалектов относятся арабкирский, акнийский, севастийский, шапинкараисарский, хемшинский, харберд-ерзинджанский и артиалский (последний мигрировал в Трансильванию). Большинство этих диалектов расположено в области исторической Малой Армении, которая считается «колыбелью» армянского народа. Из истории известно, что армяне в этой области жили, начиная с XIII—XIV вв. до н. э. Наличие в этом районе диалектов, имеющих черты, предшествующие состоянию древнеармянского языка, дает лингвистическое свидетельство, подтверждающее, что эта область в определенный исторический период действительно была «колыбелью» армян. Система согласных этой группы диалектов, будучи ближе систем всех остальных армянских диалектов к индоевропейскому консонантизму, является древнейшей из ныне зарегистрированных.

II группа армянских диалектов сходна с первой. В диалектах этой группы замена индоевропейских звонких чистыми глухими осуществилась только в начале слова; в середине же слова индоевропейские звонкие сохранились; сохранились также индоевропейские звонкие придыхательные. Таким образом, в консонантизме этой группы полностью представлены четыре ряда:

и.-е.				арм. диал. II гр.			
bh	*b*	*p*	*t*	*bh*	*b*	*p*	*ph*
dh	*d*	*t*	*th*	*dh*	*d*	*t*	*th*
g²h	*g*	*k*	*kh*	*gh*	*g*	*k*	*kh*

В диалектах II группы ряд взрывных придыхательных совпадает с соответствующим индоевропейским. Ряд чистых взрывных совпадает с индоевропейским рядом во всех позициях, исключая начало слова. Ряд глухих в начале слова соответствует индоевропейским звонким, а глухие придыхательные сохраняют индоевропейское состояние. Таким образом, в этой группе только индоевропейские глухие подверглись первому передвижению, перейдя в ряд глухих придыхательных. Схематически это можно изобразить таким образом:



Примеры:

и.-е.	*bhrg'h*	*bendh*	*pol*
арм. диал. II гр.[1]	*bhanc-r*	*pindh*	*fo̯l*
др.-арм.	*bardz-r*	*pind*	*ho̯l*
и.-е.	*dhur*	*dom-*	*tars*
арм. диал. II гр.	*dhuř**	*tun*	*thař*
др.-арм.	*duř-n*	*tun*	*thař*

[1] Примеры приведены из араратского и каринского диалектов.

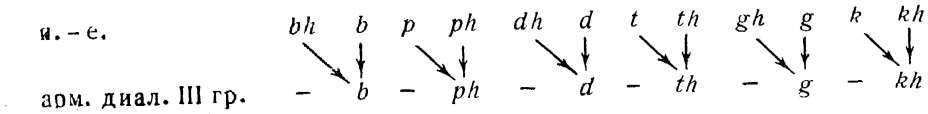
и.-е.	*g²homo*	*gen-*	*gagrado-*	*kar*
арм. диал. II гр.	*ghom*	*kin* (*kənig*)	*kargud*	*khar*
др.-арм.	*gom*	*kin*	*karkut*	*khar*

Как видим, система согласных диалектов этой группы также стоит ближе к индоевропейскому исходному состоянию, чем звуковая система древнеармянского языка, и, следовательно, тоже не могла произойти от консонантизма древнеармянского языка.

Система согласных диалектов этой группы древнее системы древнеармянского языка, на что указывает наличие здесь ряда взрывных придыхательных, которые в древнеармянском оказались передвинутыми в ряд чистых звонких. Видимо, в процессе дальнейшего развития армянского языка после ответвления I группы диалектов в общем языке армян произошло передвижение звонких согласных в ряд глухих в начале слова, и от этого состояния языка ответвились диалекты II группы с описанной выше своеобразной системой согласных. Таким образом, в отношении системы согласных не диалекты II группы произошли от древнеармянского языка, а наоборот, и в диалектах II группы уже можно видеть тот путь, по которому система древнеармянских согласных развивалась из соответствующей системы I группы диалектов, а именно: сначала в консонантизме I группы произошло передвижение чистых звонких в глухие, а затем — звонких придыхательных в чистые звонкие (*d*>*t* и т. д.: *dh*>*d* и т. д.).

Диалектами II группы являются каринский, мушский, айраратский, диадин-басаргечарский, возмийский и джульфинский, т. е. все диалекты центральных областей исторической Армении, находящиеся по левую сторону реки Евфрата, тогда как диалекты I группы в большинстве находились по правую сторону этой реки, в непосредственном западном соседстве с центральными областями исторической Армении. Естественно предполагать, что указанная группа образовалась после иммиграции армян в историческую Армению с Запада, из Малой Армении, т. е. из заевфратских областей. Следовательно, в результате рассмотрения системы согласных диалектов центральных областей мы получаем прямые указания на миграцию армян из Малой Армении, т. е. с Запада.

К III группе мы относим диалекты, которые произвели передвижение индоевропейских звонких придыхательных в ряд чистых звонких, сохранив при этом индоевропейские чистые звонкие. Естественно, что ряд чистых глухих индоевропейского праязыка эта группа, как и все другие группы, передвинула в ряд глухих придыхательных. Схематически это можно изобразить следующим образом:



Примеры:

и.-е.	*bhr̥gh-*	*bendh-*	*pol-*	*poter-*
арм. диал. III гр.[1]	*barsə*	*bind*	*chol*	*har*
др.-арм. яз.	*bardz-r*	*pind*	*hol̥*	*hajr*
и.-е.	*dhur*	*dōm-*	*tars*	
арм. диал. III гр.	*duř-*	*dun*	*thař*	
др.-арм. яз.	*duř-n*	*tun*	*thař*	
и.-е.	*ghomo-*	*gen-*	*kar*	
арм. диал. III гр.	**gom*	*gin*	*khar*	
др.-арм. яз.	*gom*	*kin*	*khar*	

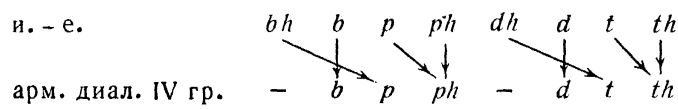
и.-е.	*bh*	*b*	*p*	*ph*	*dh*	*d*	*t*	*th*	*gh*	*g*	*k*	*kh*
арм. диал. III гр.	—	*b*	—	*ph*	—	*d*	—	*th*	—	*g*	—	*kh*

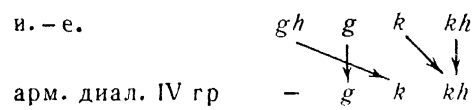
[1] Примеры приведены из константинопольского диалекта.

В результате этого передвижения получается система взрывных согласных с двумя рядами: с рядом чистых звонких и с рядом глухих придыхательных при отсутствии ряда звонких придыхательных и чистых глухих индоевропейского праязыка. И эта система согласных не могла образоваться от имеющейся в древнеармянском, потому что в консонантизме диалектов III группы сохраняются индоевропейские чистые звонкие, тогда как древнеармянский язык этот ряд передвигает в ряд глухих. Система согласных данной группы могла получиться лишь от системы I группы путем дезаспирации звонких придыхательных ($dh>d$). Естественно, что и эта система согласных хронологически предшествует системе древнеармянского языка, будучи гораздо ближе к индоевропейскому первосостоянию, чем древнеармянский язык. Указанная система не могла произойти также и от системы II группы, потому что там индоевропейские чистые звонкие в начале слова передвинулись в ряд глухих, чего в этой системе не произошло.

Диалектами III группы являются трапезундский, евдокийский, новонахичеванский, константинопольский и марашский, т. е. диалекты, находящиеся главным образом западнее и севернее Малой Армении (исключение составляет марашский диалект, расположенный в районе Киликии).

IV группа армянских диалектов производит два передвижения индоевропейских звонких придыхательных, сохраняя без изменений ряд чистых звонких. В результате этого в названных диалектах индоевропейские звонкие придыхательные превратились в чистые глухие, индоевропейские звонкие — в чистые звонкие. Процесс этот происходил следующим образом:





Примеры:

и.-е.		*bhr̥g'h-*	*bendh-*	**penke*
арм. диал. IV гр.[1]		*ponc'ə* / *puncər*	*bend* / *bənd*	*heng*
др.-арм. яз.		*bardz-r*	*pind*	*hing*
и.-е.		*dhur-*	*dom*	*tars*
арм. диал. IV гр.		*tuř* / *teoř*	*dun* / *deon*	*thoř* / *thuř*
др.арм. яз.		*duř-n*	*tun*	*tař*
и.-е.		*ghomo-*	*gen-*	*kar*
арм. диал. IV гр.		*kum*	*gen* / *gönig*	*khoj* / *khur*
др.-арм. яз.		*gom*	*kin*	*kar*

В результате получаем:

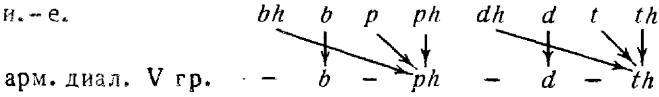
и.-е.	*bh*	*b*	*p*	*ph*	*dh*	*d*	*t*	*th*	*gh*	*g*	*k*	*kh*
арм. диал. IV гр.	*p*	*b*	—	*ph*	*t*	*d*	—	*th*	*k*	*g*	—	*kh*

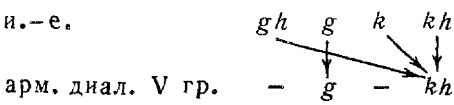
IV группа армянских диалектов расположена по северо-восточным берегам Средиземного моря, в областях исторической Киликии и Северной Сирии. В эту группу входят зейтунский, аджинский, сведийский, кесабский, бейланский, арамойский и кабусийский диалекты.

[1] Примеры взяты из киликийского и сведийского диалектов.

Так как указанная группа диалектов сохраняет индоевропейские чистые звонкие неприкосновенными, тогда как древнеармянский язык их передвигает в ряд глухих, естественно считать, что система согласных этой группы также не могла произойти от системы древнеармянского языка. Она могла произойти от такой системы, которая предшествовала состоянию древнеармянского консонантизма. А это состояние, как мы уже знаем, отражают армянские диалекты I группы (диалекты Малой Армении).

В V группе армянских диалектов произошло три передвижения индоевропейских звонких придыхательных, в результате чего индоевропейские звонкие придыхательные в диалектах этой группы превратились в глухие придыхательные. В итоге вместо индоевропейских звонких придыхательных, чистых глухих и глухих придыхательных в этой группе имеются глухие придыхательные, а индоевропейские чистые звонкие сохраняются в неприкосновенности. Процесс происходит следующим образом:





Примеры:

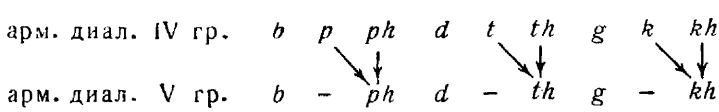
и.-е.	*bhrgh-*	*bendh-*	*penke-*
арм. диал. V гр. [1]	*phancər*	*bind*	*hing*
др.-арм. яз.	*bardz-r*	*pind*	*hing*
и.-е.	*dhur-*	*dōm-*	*tars*
арм. диал. V гр.	*thoř* / *thuř*	*dun*	*thař*
др.-арм. яз.	*duř-n*	*tun*	*thar*
и.-е.	*ghomo-*	*gen-*	*kar*
арм. диал. V гр.	*khom*	*genig*	*khär*
др.-арм. яз.	*gom*	*kin*	*khar*

В результате получаем:

и.-е.				арм. диал. V гр.			
bh	*b*	*p*	*ph*	—	*b*	—	*ph*
dh	*d*	*t*	*th*	—	*d*	—	*th*
gh	*g*	*k*	*kh*	—	*g*	—	*kh*

К V группе относятся малатийский, тигранакертский, едесийский, родостский и никомидийский [2] диалекты, а также западноармянский литературный язык.

Вышеприведенные факты позволяют заключить, что эта группа армянских диалектов отражает состояние консонантизма, предшествующее древнеармянскому, поскольку и эта группа сохраняет индоевропейские чистые звонкие, тогда как древнеармянский язык передвигает их в ряд глухих. При ближайшем рассмотрении системы согласных этой группы можно с уверенностью говорить о происхождении ее от системы IV группы армянских диалектов путем передвижения глухого ряда этой системы в глухой придыхательный в следующем порядке:



[1] Примеры приведены из диалектов Тигранакерта и Малатии.

[2] Родостский и никомидийский диалекты находятся в районе Мраморного моря; их носители, видимо, мигрировали из Южной Армении.

Как уже выше указывалось, IV группа армянских диалектов была расположена по северо-восточному берегу Средиземного моря, в районе исторической Киликии и Северной Сирии, V же группа — непосредственно по соседству с этими диалектами, а именно в районе Северной Месопотамии и юго-западной Армении [район Алдзника, Цопка (Софены), Тигранакерта и Малатии (Мелитены)]. Следовательно, можно предположить, что армянский язык проник в Месопотамию через Киликию и Мелитену. Во всяком случае распространение армянского языка в эти районы непосредственно не связано с его распространением в центральные области Армении и, как видно, стоит в прямой связи с древней миграцией в этом направлении из Малой Армении.

Таким образом, система консонантизма всех этих пяти групп армянских диалектов имеет своим источником состояние системы смычных армянского языка, предшествующее древнеармянскому и отраженное в системе армянских диалектов Малой Армении.

Для VI группы армянских диалектов характерно одно полное передвижение всех рядов индоевропейского состояния, в результате чего получилась система, вполне соответствующая древнеармянской.

Примеры:

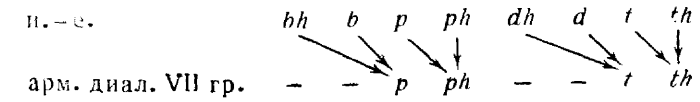
и.-е.	*bhr̥g'h-*	*bud-*	*penke*
арм. диал. VI гр.[1]	*bödz-r*	*pətuk*	*hang*
др.-арм. яз.	*bardz-r*	*pətuk*	*hing*
и.-е.	*dhur-*	*dom-*	*tars*
арм. диал. VI гр.	*durkh*	*ton*	*thaŕ*
др.-арм. яз.	*duŕ-n*	*tun*	*thaŕ*
и.-е.	*ghomo-*	*gen-*	*kar*
арм. диал. VI гр.	*gom*	*kən-ak]*	*khor*
др.-арм. яз.	*gom*	*kin*	*khar*

В итоге получаем:

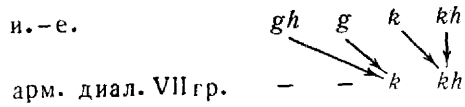
и.-е.	*bh*	*b*	*p*	*ph*	*dh*	*d*	*t*	*th*	*gh*	*g*	*k*	*kh*
арм. диал. VI гр.	—	*b*	*p*	*ph*	—	*d*	*t*	*th*	—	*g*	*k*	*kh*
др.-арм. яз.	—	*b*	*p*	*ph*	—	*d*	*t*	*th*	—	*g*	*k*	*kh*

К этой группе относятся диалекты районов, расположенных по берегам среднего течения р. Аракс (исторические Гохтан, Аревик, северная часть Атрпатакана, ныне Карадаг), а именно: карадагский, мегринский, карчеванский и дзмарский диалекты, а также агулисский диалект; консонантизм диалектов этой группы совпадает с консонантизмом национального литературного языка Армянской ССР, а также древнеармянского языка. К этой же группе относятся также тбилисский и ардвинский диалекты, представители которых находятся сейчас в пределах Грузинской ССР. Ясно, что эта система либо возникла одновременно с системой древнеармянского языка, либо продолжает линию развития системы древнеармянского языка.

VII группа диалектов производит два передвижения индоевропейских звонких придыхательных, одно передвижение индоевропейских звонких и, кроме того, передвижение индоевропейских глухих в глухие придыхательные (последнее присуще всем армянским диалектам). В результате в диалектах этой группы сложилась система согласных, состоящая из чистых глухих и глухих придыхательных: взамен индоевропейских звонких придыхательных и чистых звонких здесь имеется ряд глухих, а взамен чистых глухих и глухих придыхательных имеется ряд глухих придыхательных. См. схему:



[1] Примеры приведены из агулисского диалекта.



Примеры:

и.-е.	*bʰĝʰ-*	*bʰendʰ-*	*penke*
арм. диал. VII гр.[1]	*pecur*	*p.end*	*heng*
др.-арм. яз.	*bardz-r*	*pind*	*hing*
и.-е.	*dhur-*	*dōm*	*tars*
арм. диал. VII гр.	*tərnə*	*ton*	*thar*
др.-арм. яз.	*duř-n*	*tun*	*thař*
и.-е.	*ghomo-*	*gen-*	*kar*
арм. диал. VII гр.	*kjüm*	*kanəg*	*khar*
др.-арм. яз.	*gom*	*kin*	*khar*

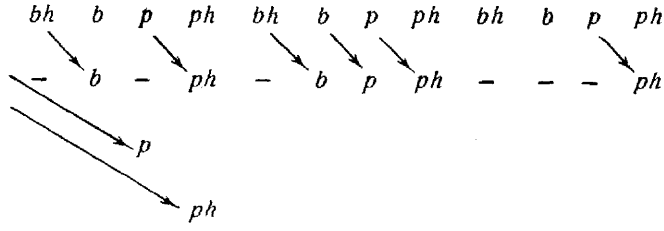
и.-е.	*bh*	*b*	*p*	*ph*	*dh*	*d*	*t*	*th*	*gh*	*ĝ*	*k*	*kh*
арм. диал. VII гр.	—	—	*p*	*ph*	—	—	*t*	*th*	—	—	*k*	*kh*

В итоге получаем:

и.-е.				арм. диал. VII гр.			
bh	*b*	*p*	*ph*	—	—	*p*	*ph*
dh	*d*	*t*	*th*	—	—	*t*	*th*
gh	*g*	*k*	*kh*	—	—	*k*	*kh*

VII группу составляют диалекты: карабахский, шемахинский, гадрутский, кейван-шагахский, хойский, марагинский, урмийский и ванский, а также астраханский. Система VII группы диалектов армянского языка могла произойти только от системы древнеармянского языка путем передвижения ряда звонких древнеармянского языка в глухие. Эти диалекты расположены на восточных окраинах исторической Армении, т. е. в противоположной стороне Малой Армении, исходной области распространения армянского языка.

Итак, на западе, в Малой Армении, расположены диалекты армянского языка (I группа) с системой согласных, почти соответствующей индоевропейскому исходному состоянию; на востоке исторической Армении имеются диалекты (VII группа), обладающие системой согласных, далеко отошедшей от индоевропейского состояния. Можно думать поэтому, что процесс распространения армянского языка на территории исторической Армении был связан с передвижением рядов взрывных согласных: в одном случае это касалось одного ряда указанных согласных, где происходило одно передвижение; в другом случае одному, двум и трем передвижениям подвергались два-три ряда этих согласных. См.:



Общая картина армянского передвижения:

и.-е.	*bh*	*b*	*p*	*ph*	*dh*	*d*	*t*	*th*	*gh*	*g*	*k*	*kh*
др.-арм.	—	*b*	*p*	*ph*	—	*d*	*t*	*th*	—	*g*	*k*	*kh*
арм. диал. I гр.	*bh*	*b*	—	*ph*	*dh*	*d*	—	*th*	*gh*	*g*	—	*kh*
арм. диал. II гр.	*bh*	*b*	*p* (*b*)[2]	*ph*	*dh*	*d*	*t* (*d*)	*th*	*gh*	*g*	*k* (*g*)	*kh*
арм. диал. III гр.	—	*b*	—	*ph*	—	*d*	—	*th*	—	*g*	—	*kh*
арм. диал. IV гр.	—	*b*	*p* (*bh*)	*ph*	—	*d*	*t* (*dh*)	*th*	—	*g*	*k* (*gh*)	*kh*
арм. диал. V гр.	—	*b*	—	*ph*	—	*d*	—	*th*	—	*g*	—	*kh*
арм. диал. VI гр.	—	*b*(*bh*)	*p* (*b*)	*ph*	—	*d*(*dh*)	*t* (*d*)	*th*	—	*g*(*gh*)	*k* (*g*)	*kh*
арм. диал. VII гр.	—	—	*p* (*bh*, *b*)	*ph*	—	—	*t* (*dh*, *d*)	*th*	—	—	*k* (*gh*, *g*)	*kh*

[1] Примеры приводятся из карабахского диалекта.
[2] В скобках указывается происхождение глухих.

Вышеприведенные факты позволяют говорить о следующем:

1. Точка зрения, согласно которой все армянские диалекты происходят от древнеармянского языкового состояния, не выдерживает проверки путем привлечения материалов диалектов и должна быть признана ошибочной.

2. Разные группы армянских диалектов образовались в разное время. Хронологически западные, южные и центральные диалекты предшествуют восточным.

3. Древнеармянский консонантизм представляет собой позднейшее образование, произошедшее в результате одного полного передвижения всех трех рядов согласных, за исключением ряда глухих придыхательных (т. е. того ряда, который сохранился во всех армянских диалектах почти неприкосновенным).

4. Процессы передвижения рядов индоевропейских согласных происходили не одновременно, а в течение долгого времени. Сначала произошло передвижение глухих в ряд глухих придыхательных при сохранении остальных рядов. Это состояние является первым шагом по пути отхода армянского консонантизма от индоевропейского. Такое звуковое состояние имел армянский язык в период его бытования в пределах Малой Армении. Так как известно из истории, что армяне в XIV—XIII вв. до н. э. жили в Малой Армении, естественно допустить, что армянский язык этого периода имел звуковую систему, близкую к индоевропейскому исходному состоянию и отличающуюся от него лишь тем, что в армянском языке этого периода уже произошло передвижение ряда глухих в глухие придыхательные. Это качество унаследовали все диалекты армянского языка, следовательно, звуковая система армянских диалектов образовалась позднее этого периода.

5. Наиближайшее состояние к диалектам Малой Армении зафиксировано в диалектах центральных областей Армении, которые, в отличие от первых, произвели передвижение индоевропейских звонких в глухие лишь в начале слова. Следовательно, диалекты центральных областей Армении сложились позднее XIII в. до н. э., непосредственно в период распространения армян в эти области, что могло, как известно, произойти в начале I тысячелетия до н. э.

6. Диалекты малоазийские, месопотамские, сирийские и киликийские, а также диалекты юго-западных районов Армении по своей звуковой системе не связаны ни с диалектами центральных областей (Муш, Карин, Айрарат), ни с древнеармянским языком. Обнаруживая в консонантизме этих диалектов черты, сближающие их с диалектами I группы, можно полагать, следовательно, что распространение армянского языка в области Малой Азии, Месопотамии, Сирии, Киликии и на юго-запад Армении произошло не через центральные области Армении, а непосредственно из Малой Армении.

7. Происхождение консонантизма древнеармянского языка следует усматривать не непосредственно из индоевропейского первосостояния, а из переходного состояния, которое отражено в консонантизме диалектов центральных областей Армении (Муш, Карин, Диадин, Айрарат), т. е. диалектов II группы. Это не значит, что древнеармянский язык произошел от диалектов: состояние общеармянского языка I тысячелетия до н. э., обладавшего звуковой системой, переходной от индоевропейского исходного состояния к древнеармянскому, сохранилось в диалектах, а общий язык передвинул индоевропейские звонкие придыхательные в ряд глухих, в результате чего получилась система согласных древнеармянского языка.

Таким образом, система согласных древнеармянского языка развилась из того состояния общеармянского языка, которое сохранилось в системе согласных диалектов центральных областей исторической Армении.

8. Известно, что система согласных древнеармянского языка существо-

вала во II в. до н. э.[1]. Следовательно, она сложилась в период VIII—II вв. до н. э. Происхождение консонантизма диалектов восточных областей относится ко времени позднее II в. до н. э. и возводится к древнеармянскому консонантизму.

9. Группировка армянских диалектов по системе согласных отражает процесс распространения армянского языка на территории исторической Армении, одновременно уточняет хронологизацию образования звуковой системы армянских диалектов и процесса сложения древнеармянского консонантизма.

Кроме древнеармянского языка и диалектов I и II групп, во всех других диалектах индоевропейский консонантизм разрушен, видимо, под влиянием языков аборигенов, утративших родной язык в процессе слияния с армянами; в результате влияния языков аборигенов от армянского языка ответвлялись новые и новые диалекты. Разрушение индоевропейского консонантизма произошло по общему закону первого передвижения.

Передвижение же, имевшее место в консонантизме древнеармянского языка и диалектов I и II групп, произошло в процессе закономерного развития армянской звуковой системы, независимо от влияния языков аборигенов. Это подтверждается явлениями параллелизма в действии закона первого передвижения рядов согласных в армянском и германских языках.

10. Среди индоевропейских языков лишь индийские языки обладают рядом взрывных придыхательных. Ныне установлено, что этот ряд имеют также тринадцать армянских диалектов. Тем самым существование звонкого придыхательного ряда в индоевропейском языке-основе подтверждается фактами еще одного языка и может считаться бесспорным.

---

[1] См. об этом: А. С. Гарибян, О системе армянского языка II века до н. э., «Уч. зап. Ереванск. гос. русск. пед. ин-та им. А. А. Жданова», т. III, 1952.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1959

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

П. СКОК

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ХОРВАТСКОГО, ИЛИ СЕРБСКОГО, ЯЗЫКА *

Когда речь идет о происхождении сербскохорватских лексем, то следует иметь в виду, что многое уже в этом направлении сделано. Хорошо разработан индоевропейский материал славянских языков. Могут быть точно установлены связи отдельных славянских лексем с литовскими и латышскими, т. е. можно точно указать, какие славянские лексемы относятся к балто-славянскому периоду. Известны связи праславянских лексем с индо-иранскими (например, *bog*, *bogat*), с италийскими (например, сельскохозяйственный термин *orati*), с кельтскими (например, *klijet*), с иллиро-тракийскими (например, *gotov*, *mogila*), с германскими (здесь примеры многочисленны). Все эти лингвистические параллели имеют чрезвычайное значение для доисторического периода праславянского слова. К этому примыкают новейшие исследования М. Будимира о пеласгско-славянских связях и т. д. Полагаю, что и этимологические словари отдельных славянских языков должны дать материал для исследования доисторических связей праславянских лексем. Однако это не является основным и главным, когда речь идет об этимологическом словаре одного из славянских языков, поскольку этот словарь прежде всего должен исчерпывающим образом дать обзор пополнения словаря, унаследованного от праславянского периода. Это пополнение могло идти двумя путями. Праславянская лексема изменялась или морфологически, приобретая суффиксы и префиксы, или семантически, или обогащение шло путем заимствований, продиктованных историческими условиями, связями с субстратом, суперстратом и адстратом, связями с Востоком и Западом, Византией, Римом и т. д. Субстрат связан с той средой, в которую пришел наш язык, суперстрат — с наслоениями иностранных языков (отсюда германизмы, итальянизмы и лингвистические кальки), а адстрат—с симбиозом с другими языками, как, например, на Адриатике с древним далматинско-романским, в древней Сербии с албанским, а в бывшей некогда «Словинье» с венгерским. Этим важным проблемам должен уделить особое внимание автор этимологического словаря отдельного славянского языка.

Уже и в «Корнях», и в «Основах» Д. Даничич правильно заметил, что наряду с нарицательными словами (аппелятивами) этимолог должен обратить внимание и на ономастику. В обоих своих трудах Даничич среди индоевропейских корней и основ поместил и наши личные имена и местные названия. Эту работу он продолжил и в Академическом словаре, и таким

---

* Редакция публикует с некоторыми сокращениями перевод статьи покойного проф. П. Скока, известного югославского ученого, автора этимологического словаря сербскохорватского языка (в настоящее время словарь находится в печати). Статья П. Скока, помещенная в журнале «Filologija» (1, Zagreb, 1957, стр. 7—12), примыкает к ряду статей, появившихся в связи с дискуссией о принципах составления этимологических словарей славянских языков.— *Ред.*

образом этот словарь остается до настоящего времени и словарем нашей ономастики. В этом направлении должен идти и этимологический словарь хорватского, или сербского, языка. Для этого имеются основания также и морфологического характера. Наши личные имена обнаруживают большое словообразовательное разнообразие, в котором нагляднее всего видно, насколько велико для суффиксального образования значение аффективности, эмоциональности.

Что такое этимология?

Этимологический словарь нельзя составлять, если нет точного понимания того, что такое слово или, как теперь принято говорить, лексема. Это прежде всего лингвистический термин, заключающий в себе два аспекта: во-первых, фонетическую сторону, характеризующуюся известной автономией в отношении своего начала и конца и определенным ритмом, в котором проявляется сила ударения, и, во-вторых, единицу значения.

Раньше думали, что если найти древнейший источник или происхождение этой автономной единицы, то откроется подлинная истина. Поэтому в греческой школе стоиков возникло наименование науки о древнейших истоках или происхождении слов — ἐτυμολογία (ἔτυμος «подлинный», откуда субстант. ἔτυμον в значении «возникновение слова»). Стоики думали, что слова являются следствием вещей: «nomina sunt consequentia rerum», как говорит Данте в эпиграфе к «Vita nova». Исходя из этого принципа, стоики создали свой метод этимологических исследований. Если два слова созвучны и при помощи воображения можно связать их значения, то для таких слов пытались найти общее происхождение. Платон на основании этого принципа утверждал в диалоге «Κράτυλος», что слово θεός «бог» находится в связи с глаголом θέω «бегу», поскольку боги движутся по звездам. Этимологи школы стоиков искали также связей между звуками, составляющими слова, и вещами, ими обозначаемыми. И в настоящее время к этому прибегают при народной этимологии и объяснении звукоподражательных образований. Народная этимология, как мы увидим в дальнейшем, представляет собой большой интерес и не может быть исключена из области научного исследования. Это важно и для поэзии, и «природная основа» слова в понимании стоиков продуктивна в языке во все периоды его развития. Таким образом, она является в языковом творчестве фактом первичного порядка.

Этимология стоиков при исследовании происхождения слов придерживается принципа созвучности (гомофонии). В народе этот принцип очень распространен. *Bartholomaeus* превратился на основании этого принципа в *Vratolomije* (это хорватское народное имя соответствовало бы русскому «Сломайшею».— *И. Т.*). Поэтому возникло народное поверие, что в день этого святого никто не смеет лезть на дерево, потому что сломает себе шею. Народной этимологией часто пользуются и великие поэты, как, например, Данте, для которого имя Беатриче выражает и сущность его возлюбленной. Она для него символ теологии, важнейшей средневековой науки, и она ему открывает дорогу на небо, когда он смотрит в ее глаза.

Учение стоиков об этимологии оставлено современной наукой. Гораздо важнее понимание этимологии другой греческой философской школой, так называемыми александрийцами. Для них этимология была наукой, анализирующей слово с морфологической стороны. Александрийцы выделили слова, не поддающиеся анализу (ἀρχή). Это соответствует современным понятиям о корне, о лексическом минимуме. Они точно разграничивают слова производные и сложные. Александрийцы, кроме морфологического анализа слова, считали также задачей этимологии определение того, является ли слово диалектным или нет, пригодно ли оно для литературного языка или нет. Для них слово не φύσις, как это утверждали стоики, а θέσις, что мы перевели бы как «условность» — иными словами, как

часто пишут в современных лингвистических работах, оно является эталоном некоторого понятия (А. Белич).

Современная лингвистика, вообще говоря, сохранила оба греческих термина, причем термину стоиков придала совершенно иное значение, сохраняя александрийский почти полностью. В настоящее время и мы говорим, что слово имеет свой ареал, т. е. что оно связано своим происхождением с известным местом возникновения, с диалектом. И мы различаем слова, вошедшие в общеупотребительный язык, и провинциализмы. Однако историзм, характеризующий XIX в., внес в это направление новшество, незнакомое для древнего мира. Слово имеет свою историю, и не только фонетическую, но и семантическую. Оно подчиняется месту и времени, как и все сущее на земле. Это новшество сообщило новое содержание той науке, которую мы называем этимология. Она уже не то, что о ней думали стоики, она уже не является наукой, открывающей истину бытия. Она представляет собой историческую науку, раскрывающую историю слов. Согласно этому пониманию, правильная этимология не может быть дана, если не известна история слова: где оно возникло и как развивалось. Его история начинается в тот день, когда появилась первая его запись в исторических или литературных памятниках. Все, что предшествует этой записи, является доисторической жизнью слова, которую вскрывает компаративистика путем сравнения с другими родственными и неродственными языками, даже археологическими раскопками и т. д.

Хотя современная научная этимология сохранила исторический принцип, т. е. утверждение, что слова, как и все другие проявления жизни на земле, имеют свою историю, и обязанность этимолога, который исследует происхождение слова, состоит в точном установлении истории слова — все же сравнительная грамматика произвела значительный переворот в этимологической науке. Она установила, что между словами отдельных языковых семей существуют соотношения, которые выражаются в языковых законах, а также, что древнейшие и более поздние формы слова в одном и том же языке могут различаться, и различия эти также могут быть объяснены звуковыми законами. Ими же объясняются и диалектные различия. Используя звуковые законы, можно сравнительным методом воспроизвести древнейшие возможные формы слова.

Можно сказать, что со времени появления сравнительной грамматики Ф. Боппа (1806 г.) существует современная научная этимология, принявшая за критерий правильной этимологии звуковые законы и отвергшая принцип созвучности (гомофонии), которого придерживались этимологи стоики.

Наряду с этим критерием правильной этимологизации современная лингвистика выдвигает также и другой критерий, относящийся к значению (семантике). Она требует точного объяснения идентичности источника слова, или этимона, выражаясь научно, если слово не меняло своего значения в течение его истории, а если значение изменялось, то эти изменения должны быть объяснены на основании семантических параллелей точно так же, как звуковые и морфологические изменения должны объясняться на основании фонетических и морфологических параллелей.

Кроме этих двух требований, основное правило современной этимологии заключается в том, что слово, происхождение, источник, или этимон, которого хотят найти, должно быть включено в систему самого языка и того его диалекта, в который оно входит при более узком его рассмотрении, или в систему семьи языков при более широком к нему подходе, как в смысле его фонетического и морфологического состава, так и в отношении той среды, в которой оно употребляется и в которой могло возникнуть.

По совести говоря, современная научная этимология сохранила и античный взгляд на происхождение слова. Выше мы указали на то, что современная наука, изучая природу слова, считает, что оно по своей интонационной и фонетической структуре является φύσις, а в качестве продук-

та среды и времени и по семантической функции современная наука рассматривает его, так же как и александрийцы, как θέσις («условность»): с одной стороны, оно подчинено структуре языка, а с другой стороны, среде, в которой возникло, и, с третьей стороны, психологической и логической функции языка. Новое в этимологических взглядах связано лишь с общим научным развитием XIX в., с историзмом и понятием закономерности.

Если говорить о сравнительном славянском словаре, то следует пользоваться в основном компаративным научным методом, который невозможен без так называемых законов языка. Если говорить о языке одного из славянских народов, то если слово твердо зафиксировано в письменных литературных памятниках, часто встречается в литературном и разговорном языке и сохраняется в говорах, сравнительный метод будет использован более углубленно и даст возможность освободиться от формализма, столь сильно мешающего в изучении языков, не имеющих достаточного количества зафиксированных материалов.

Язык и мышление

Несмотря на то, что марровские этимологии, появлявшиеся до критического по их адресу выступления И. В. Сталина, с полным основанием можно считать ненаучными, все же, по моему мнению, в одном отношении они надолго оставили значительный след. Я имею в виду связь этимологии с развитием мышления, на которую указывал Марр. Один из институтов Академии наук СССР, во главе которого он стоял, назывался Институтом языка и мышления.

В том, что этимология связана с развитием мышления, легко убедиться, если проанализировать этимологию любого неологизма. Для примера можно взять неологизм *lučba* «химия», созданный Шулеком для химической терминологии. Это существительное абстрактного значения, образованное при помощи суффикса *-ьba* от глагола *lučiti*, как *služba* от *služiti*. Неологизм, таким образом, создан по законам нашего языка. Что же касается мышления, то оно соответствует взглядам известного периода в XIX в., когда считалось, что химия есть наука об излучении, выделении (*lučenju*) элементов.

Так в языке было всегда. Мы в этом убеждаемся на каждом шагу, исследуя наши диалектные, литературные и разговорные термины, например для *lijećiti* «лечить». Этот глагол не входит в общий сербскохорватский язык, в наше κοινή. Большинство говорящих на кайкавском и чакавском диалектах для этого понятия употребляют отыменной глагол на *-iti—vračiti*(*se*) от существительного, означающего действующее лицо *vrač* муж. род. В настоящее время это существительное неизвестно в тех говорах, которые пользуются глаголом *vračiti*(*se*); оно вышло из языка и заменилось заимствованным словом *dȍktor* (например, в с. Юркове), но при этом имеется абстрактное существительное на *-ьstvo*: *vráštvo* ср. род, выражающее понятие «лекарство». С точки зрения мышления и *vračiti se* и *vraštvo* относятся к тому периоду, когда лечились магией слов, приблизительно так, как лечил Иисус, изгоняя дьявола, и т. п. Этот метод жил довольно долго. Во времена Мольера медик из Сорбонны лечил риторикой — заговором, и это высмеивал Мольер в своей комедии.

Исследуя наше литературное и разговорное слово *lȉjek*, род. падеж *lijèka* муж. род (экавское *lêk*, икавское *lȉk*), являющееся общеславянским и праславянским *nomen actionis*, образованное так же, как и *znak* муж. рода, от *zna-ti* при помощи форманта *-k*, устанавливаем, что по своему образованию оно относится к тому же времени, когда возникло и *vrač*. Глагольный корень этого слова (лексемный минимум) *-le-*, при перегласовке он выступает в виде *lē-* с долготой, как и.-е. корень *de-*: *dē-* (*djeti* и т. д.). Этот корень еще и в настоящее время сохраняется в виде

звукоподражательного образования с удвоением *lelek*. Второй корень обнаруживается в готском существительном, означающем действующее лицо *lēkeis* «лекарь, ἰατρός». Глагол *lječiti* в полной мере совпадает с готским отыменным *lekinom*. Звукоподражательное происхождение данного лексемного минимума станет ясным, если привлечем для сравнения новогреческий глагол λαλῶ «говорю». Мысль С. Младенова была очень правильной и простой, когда он принял для *lijek*, *lječiti* индоевропейский корень *le-*, с чередованием *lo-*, которое находим в латинском *loquor*. Чередование с долготою обнаруживается в греч. λάσκω, ἔλακον, λέληκα, λῆκέω. Таким образом, и *loquor*, и греч. λῆκέω обнаруживают одинаковое расширение индоевропейского корня с чередованием *-k/-g*, как и наше *lijek*, *lječiti*; *G* находим в ирландском *liaig*, род. падеж *lega* «лекарь, священник». Согласно ранней стадии мышления, как это можно установить сравнительным методом на основании индоевропейского материала и материала наших диалектов, праславянское слово находится в древнейшем родстве с готским и с ирландским выражением того же понятия. Таким образом, первичное значение выражало лечение, которое осуществлялось прикосновением, наложением рук, колдовством, тайными заклинаниями и т. д. Да и наше слово *vrač*, если оно относится к индоевропейскому корню **ϱorth-*, **ϱordh-*, который находим в литов. *vardas*, нем. *Wort* «слово», относится к той же стадии мышления.

Определением места индоевропейского и праславянского корня (лексемного минимума) в отношении развития мышления в значительной мере обогащается сравнительно-исторический метод, и исследование приобретает реальный характер. Сравнительный метод вообще опирается на закон, по которому слово не появляется изолированно ни в границах своего языка, ни в границах той языковой семьи, в которую данный язык входит. Но сам по себе этот закон, без учета его реального места в структуре языка, законах языка, языкового различия по месту и времени и т. д., является чисто формальным. Мы показали выше, что и современные наблюдения над диалектными наименованиями того же понятия (*vračati*, *lječiti*) дают возможность установить их место в развитии мышления. С другой стороны, без фольклорных данных невозможно наблюдение и за самим развитием мышления. По этой причине научная этимология тесно связана с фольклорными (этнографическими) исследованиями. Когда в наше время речь идет об этимологическом словаре одного из славянских языков, в данном случае об этимологическом словаре сербскохорватского языка, этимологические исследования без привлечения фольклорных данных невозможны.

Выше мы также видели, какое большое значение придавали александрийцы анализу слов, т. е. изучению сложных слов от одной и той же основы. Морфологический принцип в наше время имеет огромное значение для научной этимологии. Поэтому этимолог приводит производные от *lijek*: существительное, означающее действующее лицо, на *-ar* (от латинского *-arius*) *Ljèkār*, род. падеж *-ára* (восточные области) = *likōr* (у чакавцев и на Задарском архипелаге) = *liker* (в Лумбарде) муж. род. и соответственно жен. род. *ljekàrica*; прилагательное *ljekárov*, соответственно с агентивным суффиксом *-nik* (здесь сложный суффикс: прилагательного *-ьn* + *ik*): *liječnik* (XVI в., западные области), прилагательное *liječnikov* и на *-ьski*: *ljekarski*, *liječnički*, новейшее прилагательное неологизм *ljekaran*, откуда существительное *ljekarna* = *ljekarnica* (XVIII в.); субстантивное образование на *-ik*: *ljekarnik* «аптекарь»; абстрактные существительные: *ljekarija* (на *-ija*) (XVIII в.), *ljekarstvo* и т. д. Ср. другие неологизмы: *lječidba* жен. род от инфинитива *liječiti*, на *-ilište*: *lječilište* и т. д. Праславянский корень вошел также и в ботаническую терминологию: *likarica* = *ličarka* = *ličarica* = *lječura* «medicago». Следует указать еще на прилагательное на *-iv*: *lječiv* (*izlječiv*).

Праславянский корень относится к области культуры и может быть заимствован языками народов, входивших в сферу влияния славянских

народов. Таковы румыны и албанцы. Румыны заимствовали уже в древности, т. е. в эпоху первых славяно-румынских контактов, слово *leac* муж. род, в котором на месте обнаруживается дифтонг *ea*, как было в древнейших румынских заимствованиях. Если проследить дальнейшее румынское глагольное образование, то обнаруживается, что оно идет своим особым путем. Отыменное образование от *leac* у румын дало *lecui* (*-ui* из древнецерковнославянского *-ovati*: *ujǫ*). Интересно отметить, кроме того, что и албанцам известно такое же образование *lekovas*, в котором *lekov-* расширяется албанским суффиксом настоящего времени *-as* «ärtzlich behandle, pflege, лечу».

В этимологический словарь славянского языка должны входить также и семантические варианты, приобретенные в данном славянском языке корнем, унаследованным из праславянского периода. Праславянское образование *lěkъ* (ср. конечное *-ъ*) в сущности указывает на существительное, означающее действие, которое, согласно семантическому закону, от выражения результата (синекдоха) приобрело значение средства «Arztnei, лекарство (в Жумбераке, у католиков) = (турецкому заимствованию из арабского) *ilač* (в Боснии)». Но это не единственное значение. *Lek* в Косовско-Метохийской области значит «очень мало, чуточку, крошку». Это значение развилось из идиомы *Nema ni za lijek*, откуда и приведенное в словаре Вука Караджича уменьшительное на *-ьk*: *lijȅčak*, род. падеж *-čka* (*ni zalijek* «на лекарство не хватит») и с предлогом наречное *za lečka* (в Космете) «чуть не», *polečka* (в Космете) «понемногу», с утратой предлога *lečka* жен. род (в Сербии) = *lecka* жен. род (в Сербии; неясен переход *čk* > > *ck*, возможно, по аналогии с уменьшительным *malacka* от *ma len*); со словообразовательным формантом *-na*: *lena* (в Космете) < *lekna* «мало», *polena* (Гойбуля, Космет) «понемногу».

Весьма интересно, что и в румынском языке обнаруживается тот же семантический вариант «мало» для жен. рода *leacă*, уменьшительные *lecuţă* = *lecuţiţă* = *lecşoată*. И это следует особенно подчеркнуть, поскольку таким образом наглядно доказывается, что румынские славянизмы тесно связаны с южнославянскими языками.

Важное значение венгерских, румынских и албанских славянизмов для сербскохорватской научной этимологии

После выхода книги Гамильшега «Romania germanica» стало ясно, сколь важное значение для образования словарного состава западных языков имели ранние набеги германцев на Римскую империю и германские институты, основанные на захваченных территориях (законодательство, феодализм и т. д.). Коренная латинская лексика была в результате этого не только расчленена, но и существенным образом изменена. Интересно, например, что самые основные латинские слова вроде *bellum* «война» не сохранились ни в одном из романских языков. Повсюду на Западе вместо него употребляется принадлежащее германцам, франкам *wera* и т. д. Только на востоке у румын и албанцев частично сохранился в несколько измененном значении латинский синоним *lucta*: румынское *luptă*, албанское *luftë* «бой, сражение», однако для обозначения войны и в румынском употребляется *южнославянское слово războiu*.

Нередко приходится слышать о какой-то неполноценности славян, проявившейся якобы в том, что в языках западной цивилизации встречается мало славянизмов и очень много германизмов. Из этого выводят заключение, что славянская цивилизация нисколько не повлияла на изменение европейской лексики.

Однако есть факты, говорящие о совершенно обратном, а именно о том, что славяне внесли изменение в словарный состав малых восточных народов от Балтики на севере и до Греции на юге почти в той же мере, как и франки на западе. Если франки изменили западноевропейскую лек-

сику, то о славянах можно сказать, что они изменили восточноевропейскую лексику почти в том же объеме. Поэтому желательно в этимологическом словаре отдельного славянского языка, в данном случае в этимологическом словаре хорватского, или сербского, языка, указывать при каждом праславянском слове, относящемся к области культуры и цивилизации, как это слово отразилось в лексике венгров, румын, албанцев и новогреков. Это особенно важно для сербскохорватского и болгарского языков. Выше мы уже показали, как это делается, исследуя праславянское производное слово *lěkъ*.

Иллюстрируем это еще одним примером, взятым из венгерского и румынского языков в связи с праславянским словом *župa*. Производным от него словом будет *župan* с суффиксом *-an*, который характерен лишь для славянской антропонимии (имеется в виду не наименование возглавителя *župan* «глава жупы»).

Важно отметить, что это слово обнаруживается и с чередованием *ъ/u*. Его находим в др.-чеш. *hpan*, откуда произошло чешское и польское *pan* «dominus». То же значение обнаруживается и с чередованием *-u* в *župan*, но не на южнославянской территории, а на дако-славянской. Отсюда рум. *jupîn* «наименование боляра, Herr, dominus» в феодальном его значении соответственно жен. род *jupîneasă* (рум.*-easă*<греко-лат.*issa*) «жена боярина, болярка, dama».

Чешско-польское чередование *ъ/u* находим также и в венг. *ispán* (так с древнейших времен). Это заимствование из паннонско-славянского = северозападнохорватского * *žьpanъ*>*špan* со значением, вполне аналогичным хорватскому «жупан», что подтверждается данными словаря Мажуранича.

Таким образом, ясно, что для изучения как семантических, так и фонетических явлений в славянских словах, относящихся к сфере цивилизации, необходимо привлечение венгерских и румынских славянизмов.

Согласный *žь-*, соответствующий др.-чеш. *gъp-*>*hp-*, может объясняться скрещением с *župan*. Гуер прав, ставя *hpan* в связь с *župa* и *župan*.

Венгерские славянизмы важны также и в ином отношении. Венгры заимствовали из паннонско-славянского *županъ*>*ispán*, но не приняли основного слова *župa*, давшего производное *župan*. Вместо этого слова с древнейших времен у них употребляется сложное слово *vármegye*, которое заимствовали наши жители Загорья (*vàrmeđija*), образовав и прилагательное *vàrmeđinski*. Венгерское слово *vármegye* является сложным из *vár* «castrum, castellum, город, крепость» и из славянизма *megye*, встречающегося у них также в виде варианта *mesgye*, что в полной мере соответствует паннонско-славянскому *mežda*. В настоящее время в венгерском языке семантически различаются *megye* в сложном слове *vármegye* и простое слово *mesgye*, обозначающее «Rain, борозда на ниве, межа».

При этом интересно отметить тот факт, что и румыны не приняли слова *župa*. Это вполне понятно, так как для этого понятия у них есть свое собственное латинское слово *judet* <*judicium*, наряду со славянизмом *okol* (точнее, *okoliš*, *okolica*).

Итак, следует объяснить, почему в венгерском языке не обнаруживается наше *župa* в качестве славянизма. Ответ на этот вопрос дают употреблявшиеся у нас в XVI в. другие наименования жупы в смысле административной единицы. Для этих наименований, к сожалению, нет многочисленных примеров, хотя все же Мажуранич дает их несколько. Вместо слова *župa* кайкавцы в XVI в. пользовались выражениями *gradska meja*, *špan gradske meje*, что в точности соответствует венгерскому сложному слову *vármegye*.

По-моему, отсутствие заимствования интересующего нас слова венграми объясняется развитием жупы в древнем хорватском государстве. Жупа, по документальным данным Рачкого, означает территорию вокруг главного жупского города (*županskog grada*). Такой город (замок, крепость)

мог возникнуть на местной хорватской почве, а, как показывают топонимические исследования, мог быть и дославянским, ср. *ninska županija*, *bribirska županija*. Древнехорватские жупаны называются прилагательными, образованными от названия жупского города-замка: *brebersticus*, *zatinscicus* и т. д. Эти латинские прилагательные имеют гибридный характер. Точнее, в них обнаруживаются два суффикса образования прилагательных: неакцентированный лат. *-ĭcus* и праслав. *-ьсk-* (вариант в склонении *-ьst-*). Из этого вытекает, что только древняя хорватская жупа представляла собой территорию, образовавшуюся вокруг жупского города, т. е. именно то, что венгры называют *vármegye*. Те же отношения мы должны предположить и на территории Великоморавского государства на озере Балатон. Таким образом, венг. *vármegye* является лишь наполовину переводом, т. е. переводом лишь в первой его части.

Факт отсутствия того или иного слова может быть интересен и в ином отношении. Только византийские авторы пользуются в области администрации славянским заимствованным словом, образованным от *župan* при помощи суффикса *-ija*, дающего абстрактное значение: ζουπανία «жупания». Это образование в настоящее время вошло в хорватский язык: *županija*, прилагательное *županijski*. В древних текстах не встречается такое словообразование. Другие балканские народы, как, например, цинцары, албанцы и новогреки, вообще не имеют такого заимствования, как *župa* или *župan*. И этот факт может быть объяснен. Средневековые балканские румыны, от которых происходят цинцары и албанцы, были кочевыми скотоводами и жили в своих временных хижинах, переселяясь со своими стадами из зимовий на пастбища. Они не были зависимы от областных (жупских) организаций, как оседлые жители — сербы, хорваты и болгары. Именно поэтому в их словаре не сохранилось и следа «жупы» и «жупана».

Значение диалектологии для сербскохорватской научной этимологии

Для этимолога недостаточно знать, что то или иное слово принадлежит только литературному или разговорному языку, так называемому κοινή. Для него и эти слова получают полное свое раскрытие лишь тогда, когда будут обследованы и диалектные слова, им соответствующие. Это мы объясним, рассматривая этимологию слова *pâtak* муж. род «селезень», род. падеж *pâtka*, соответствующее слову *pȁtka* «утка». Это слово является общим для всей территории распространения сербскохорватского языка и в литературной, и в разговорной его форме. Однако если мы рассмотрим наши диалектные, ему соответствующие слова, то обнаружится большое разнообразие.

На западе у хорватов кайкавцев никто не знает ни слова *pâtak*, ни *pȁtka*. Все говорят для муж. рода *răcȁk*, род. падеж *rácka* (такое ударение в Жумберке, у католиков) или *răcman* (у жителей Загорья и Пригорья, с суффиксом *-man*, взятым из уменьшительно-ласкательных типа *vukman*, *Budman*, *Radman* и т. д., ср. аналогичное немецкое *Enterich* с суффиксом *-rich* из *Friedrich*, *Heinrich* и т. д.), соответственно жен. род *răca*. Интересно отметить, что это слово имеет большой ареал. Во фриульском диалекте говорят *razza*, откуда с фриульским уменьшительным суффиксом — *razzut*, известное также в Триесте. Наряду с этим и на северо-восток от территории сербскохорватского языка у румын известно также слово *raţă* или с гласным *e* вместо *a* — *reaţă*, как и в венгерском — *réca*. Что еще интереснее, это слово обнаруживается и в албанском — *rosë* жен. род, соответственно муж. род *rosȁk* (со славянским суффиксом *-ak*); *o* вместо *a* в албанском языке указывает нам на то, что *o* не может быть заимствованием из сербскохорватского — нужно учитывать, что кайкавцы и чакавцы очень удалены, — но отражает древнее чередование *o*>*a*, как, например, в *mokërë* «жернов» из греко-лат. *machina*.

Точно так же и чередование согласных *s*>*c* говорит в пользу утверждения, что здесь речь идет о старом албанском слове *rosë*. Происхождение этого слова становится более загадочным, когда мы его обнаруживаем у пиринейских басков в виде *rerratsa*. Несомненно, в том же ряду оказываются и данные Гриммом наименования *Rätsch*, *Rätschente*.

Вопрос становится еще более сложным, если учесть, что это слово встречается с гласным *i* вместо *a*: *riga* (в Мркоевичах Црмничкой нахии близ Бара) «anas boschas». Такое наименование несомненно в связи с алб. *rikë* жен. род «Ente» и с *ričak*, род. падеж *rička* (на Неретве), *rička* (в Дубровнике и его окрестностях) наряду с *ridak* муж. род, род. падеж *-dka* (у Водопича) = *rićka* (у Г. Мейера).

Наряду с этой лексемой есть еще и наименование *šȍtka* жен. род соответственно мужскому роду с суффиксом *šotân*, род. падеж *-âna* (Космет) или на *-ar* — *šotar* (Матевац, Сербия) = *šator* (Охрид) «самец утки». Ареал наименования *šotka* довольно большой. Он охватывает, согласно данным Вука Караджича, Вранье и Ниш. Уменьшит. с суфф. *-če*, род. падеж *-četa*: *šȍče*, род. падеж *šȍčeta*, мн. число *šȍčići* (Космет). Слово является балканским, поскольку его находим и в албанском языке: *shatî* муж. род. (Геги, в Джаковице) «селезень» (окончание *-î* из латинского *-īnus*), соответственно *shotë* жен. род «утка». Густав Мейер считает, что сербское слово заимствовано у албанцев, но доказательств этому нет. Этимология до сих пор никем не дана.

Следует упомянуть также, что в Космете употребляется междометие для скликания уток *šȍt*. Оно же служит для отпугивания. Таким образом, интересующее нас слово того же происхождения, что и *vȉlče*, род. падеж *vȉlčeta* — ср. род (Космет) «утенок». Это слово образовано от междометия для скликания *vȉli-vȉli*, которое в Космете соответствует кайкавскому *lȉga-lȉga* и славянскому *bȉl-bȉl*.

Для *patak* и *patka* уже признана этимология того же типа, т. е. от междометия для скликания *pat*, которое, правда, редко встречается в нашем языке и чаще в языках алтайской группы. Связь установлена и с новогреческим словом πάπια «утка».

Patka является также балканским словом. Со славянским суффиксом *-ako* и *-ъko* употребляется в гегском диалекте албанского языка *patak* наряду с *patok* в значении «гусак». В том же значении известно это слово и в языке цинцаров, в то время как в турецко-персидском и курдском языках *bat* без всякого суффикса означает «гусак». Этот корень известен и в западнороманских языках, в фриульском диалекте с увеличительным суффиксом *-one* — *patone* «дикая утка», в испанском и португальском языках *pato* муж. род и соответственно *pata* жен. род «утка». Ср. еще у калмыков *babiš* «междометие для подзывания уток». Предложенное Младеновым сопоставление с праславянским корнем *pъt-* в *pъtica*, *ptak* «птица», несомненно, ошибочно. В этом случае речь идет не об ономастиологическом принципе образования наименования по какому-либо свойству, а о звукоподражательном (ономатопеическом) принципе. Наряду с приведенными выше образцами, существуют еще и наименования с довольно широкими ареалами, образованные уже по ономастиологическому принципу.

Довольно большой ареал имеет образованное по этому принципу сербскохорватское наименование утки *plovka* жен. род, *plovče* ср. род, соответственно муж. род *plovdžija* с турецким суффиксом *-çi*> = *džija*. Согласно В. Караджичу, *plovka* говорят в Нише и окрестностях его и в округе Крагуевца, но известно это слово и жителям Дубровника (см. у Ветранича, Ранины) и на островке Рава Задарского архипелага. От того же корня образованы слова и с другими суффиксами. Наименование с суффиксом *-ača*: *plovača* жен. род «дикая утка» образовалось, несомненно, по свойству утки — плавать. Исходя из этого наименования, можно было бы предположить, что алб. *rosë* = фриульск. *rozza* = сербскохорв. *raca* = рум. *rață*, баск. *errazza*, латинскому метафорическому образова-

нию *ratia* из *ratis* жен. род «лодка, понтон, паром, корабль», но для такой этимологии нужны более сильные доказательства, поскольку возможно, что и *raca* таит в себе доиндоевропейское слово для подзывания.

Для всех наших наименований этой домашней птицы в словообразовательном отношении характерна возможность дифференцирования при помощи суффикса самца и самки. Этот факт дает нам возможность решения другой лингвистической проблемы, а именно — почему *ûtva* жен. род, представляющее собой праславянское наименование, унаследованное из индоевропейского *ǫty, otъvc*, частично исчезло из разговорного и литературного языка. Его индоевропейские связи несомненны: литов. и др.-прус. *antis*, лат. *anas, -tis*, откуда итал. *anitra*, венециан. *anara* (скрещенное с фриульск. *razza anarazza* в Тревизе. Отсюда Штрекель выводил наше *raca*), ново-герм. *Ente*, греч. νῆττια. *Utva* означает «утка» только как диалектное наименование на небольшом ареале (Риека Дубровницкая, Груж, Герцеговина, Опле, Тополо). *Utva* совершенно вытеснена в фольклор, в народные песни и сказки (см. В. Караджич). Здесь она имеет свои эпитеты: *utva zlatokrila, šestokrila* (первоклассный нырок). Из современного разговорного сербскохорватского и болгарского языков это слово совсем вытеснено вышеприведенными синонимами.

По моему мнению, причина исчезновения этого праславянского наименования из разговорного языка имеет морфологический характер. Здесь была праславянская *-u-* основа (долгое *ū*, как *crъky, buky*), от которой трудно было образовать слова, отражающие различие самца и самки, в то время как это различие необходимо для наименования домашней птицы. Ср. образование новых слов для наименования самца: *pijetao*, род. падеж *-tla, oroz, kokot*, соответственно праславянскому *kokoš* жен. род, которое означало и самца и самку.

Из приведенных примеров ясно видно, насколько велико значение диалектологии для научной этимологии. Без диалектологических и фольклорных данных теперь уже нельзя составлять этимологический словарь одного из славянских языков. Новейшие принципы уже далеко ушли от формалистического компаративизма Фика, Даничича, Миклошича и т. д.

Семантические и этимологические гнезда

Как мы указывали выше, александрийцы видели в морфологии принципиальное значение для этимологии. В морфологии из языковых корней и основ создаются морфологические гнезда, которые распространяются и на этимологию, и на семантику. Например: *prijati, prijatelj, prijateljevati, prijatelistvo*. Эти гнезда в ходе языкового развития распадаются совсем так же, как семьи в обществе.

Для автора этимологического словаря, таким образом, возникает проблема, как составлять словарь. Брать ли каждое слово, независимо от того, производное оно или нет, как обособленное и давать его затем отдельной статьей? Если принять такой метод, то этимологический словарь разрастается до громадных размеров, и автор зачастую будет вынужден в каждой статье повторять этимологические данные: корень, основу, ареал, эпоху, первые письменные свидетельства и т. д. Словом, это невозможно осуществить. Значит, следует принять принцип составления по этимологическим гнездам. Это означает, что следует при основном слове давать и его производные, но в то же время следует учитывать и распадение в течение времени языковых гнезд. Может случиться так, что одна и та же основа войдет в различные словарные статьи. Это все вопросы удобства и наглядности, но по гнездовой системе должен составляться этимологический словарь даже в том случае, когда в нем обрабатываются заимствованные слова.

Этот вопрос наиболее интересен, и поэтому следует дать некоторые пояснения. Для примера возьмем турецкое производное слово *kònak* (XVI в., В. Караджич): «1. место ночлега, 2. квартира, 3. дворец, палаты,

4. здание для государственного учреждения, 5. приют, убежище». Уменьшительное на *-ić* *konàčić*; существительное, означающее действующее лицо. на *-džija*: *konàgdžija* муж. род (В. Караджич), на *-jar*: *konáčar* (Сербия), отыменный глагол на *-iti*: *konačiti* (В. Караджич), на *-ovati*: *konakovati* (XVIII в.) «переночевать», откуда появился и неологизм *konakovina* «плата за ночлег», прилагательное *konakovan*, сложное прилагательное *konakodajni*, на *-ište*: *konačište*.

Это — балканский турцизм, точнее турецкое отвлеченное существительное на *ak*: *konak* «место жительства», образованное от глагола *konmak* «поселиться», подобно образованиям *jatak*, *kačak*, *batak*, *sandžak*, *binek*, *dernek*.

Турецкий глагол был заимствован с турецкой основой завершенного действия на *-d*: *kondisati*, наст. время *-ām* наряду с *-šēm* (народные песни), *kondišati*, *-šam* (Босния, *š* вместо *s* из наст. времени) «устроиться, поселиться» и с изменением суффикса *kondisovati*, *-ujem* (Средняя Далмация, Павлинович). И это заимствование представляет собой балканский турцизм, который встречается и в болгарском языке — *кондисвам* наряду с *конвам*, в албанском — *koneps* (через греч. κονεύω) наряду с *kondis*, в цинцарском — *condici*. Тот же турецкий глагол мы находим в сербскохорватском с турецким возвратным суффиксом *-uş*, который указывает на то, что действие осуществляется несколькими лицами, откуда, согласно турецкой основе завершенного действия, *konuštisati*(*se*), наст. время *-išēm* несов. «быть в соседских, дружеских отношениях». Вариантом является и *konustisati* (Босния). Чередование *š*>*s* объясняется диссимиляцией *š* — *š*> >*s* — *š* из турецк. *kon-uş-mak* «приобрести соседа, войти в дружбу». И этот турецкий возвратный глагол стал балканским. Он встречается и в болгарском языке — *конуштисвам*.

Турецкий возвратный глагольный суффикс *-uş* имеет вариант *-şu*. Этот вариант встречается в турецком существительном *konşu*, откуда происходит наш общеизвестный турцизм *kòmšija* муж. род (В. Караджич), *konšija*, *kojšija*, наряду с *konšija* (Косвет) муж. род, соответственно жен. род *konšika*, откуда ласкательное *konjo* муж. род (В. Караджич), соответственно жен. род *kóna* (В. Караджич, Сербия) с прилагательным *kónin*; *kónšo* (В. Караджич, Мартич), соответственно жен. род *konša*, *konše* (Северная Далмация, Павлинович). Отсюда еще производные слова *kònšinica*, *kòmšinica*, абстрактное существительное *komsìluk* (XVII в.), *konšìlak* (Косвет). Отыменный глагол на *-ati*: *konšijati* (Пива, Дробняк, Черногория) «быть с кем-либо в соседстве». И этот турцизм является также балканским: в болгарском языке *komšija*, *komšuluk*, в албанском *kompshi*>*koishi* (Скадар).

Уже такой обзор морфологических гнезд сам по себе ясно показывает насколько интенсивно было турецкое влияние на наш словарь. Однако и такое описание по гнездовой системе невозможно без привлечения диалектологических материалов.

Перевел с сербскохорватского
И. И. Толстой

№ 5 1959

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА В ОБЛАСТИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ [1]

Проблемам машинного перевода отдельные китайские научные работники стали уделять внимание только с 1956 г.[2]. Более широкий интерес к проблемам МП возник в Китае после того, как китайские специалисты ознакомились с результатами экспериментального перевода с английского на русский, осуществленного в СССР на БЭСМ.

Исследования в области МП начались собственно с 1958 г.: в Институте вычислительной техники АН КНР была создана группа по изучению МП, которая в тесном сотрудничестве с организованной в том же году специальной группой Института языкознания АН КНР занялась разработкой алгоритма МП с русского языка на китайский; одновременно указанная группа Института языкознания КНР в контакте с Институтом иностранных языков, где в марте 1959 г. была создана группа по англо-китайскому МП, изучает проблемы машинного англо-китайского перевода. В декабре 1958 г. аналогичные группы возникли в Институте русского языка и в Политехническом институте Южного Китая в Гуанчжоу. Кроме того, разработкой проблем машинного перевода занимаются и предполагают заниматься Институт научной информации АН КНР, Харбинский политехнический институт и ряд других институтов.

В настоящее время основное внимание уделяется составлению русско-китайского и англо-китайского алгоритмов. Работа по МП с французского и немецкого языков находится в стадии подготовки. Сравнительно ощутимые результаты достигнуты по составлению русско-китайского алгоритма. Значительная работа проведена по подготовке англо-китайского машинного перевода, разработка алгоритма которого осуществляется методом синтагматического анализа. В текущем году предполагается осуществить опытный перевод на машине.

В Китайской Народной Республике осуществляется подготовка кадров для работы в области МП, в частности были проведены научные семинары на темы: 1) «Машинный перевод как одна из отраслей прикладного языкознания», 2) «Основные принципы устройства и работы электронной вычислительной машины и основы программирования», 3) «Методика составления русско-китайского словаря для МП», 4) «Грамматический анализ в системе алгоритма бинарного машинного русско-китайского перевода», 5) «Грамматический синтез в системе алгоритма бинарного машинного русско-китайского перевода», 6) «Проблема языка-посредника». Читался также специальный курс «Программирование алгоритмов машинного перевода», который был рассчитан не только на математиков, но имел своей целью также ознакомить лингвистов с основами программирования. Некоторые результаты исследовательской работы в области МП были представлены на выставке ноября 1958 г., которая была организована высшими учебными заведениями.

Исследования в области МП начались в Китае с разработок проблематики машинного русско-китайского перевода на базе математической литературы. В качестве объекта исследования были взяты книги А. Я. Хинчина «Краткий курс математического анализа» (при этом основной упор делался на изучение проблемы изменения порядка слов при переводе) и И. Г. Петровского «Лекции об уравнениях с частными производными». В основу исследования был положен метод морфологическо-структурного анализа (а не метод синтагматического анализа, как в англо-китайском алгоритме).

В течение года составлен первоначальный вариант алгоритма машинного русско-китайского перевода, включающий в себя: 1) словарь (2045 однозначных слов, 152 фразеологических единицы, 206 многозначных слов); 2) 6 схем анализа; 3) 7 схем синтеза. В настоящее время мы занимаемся уточнением и усовершенствованием этого варианта алгоритма и подготовкой его к программированию. Ниже приводятся составные элементы русско-китайского алгоритма[3], расположенные в рабочей последовательности.

---

[1] Сообщение, сделанное на Совещании по математической лингвистике (Ленинград, 15—21 апреля 1959 г.).

[2] См.: Юй Дао-цюань, Механизация перевода «Вестник Центр. Академии нац. меньшинств», 1956, сентябрь (на китайск. яз.); Лю Юн-цюань, О машинном переводе «Сообщения о лингвистических исследованиях», № 9, 1957 (на китайск. яз.).

[3] В настоящее время в этот алгоритм уже внесен целый ряд уточнений и изменений.

- Анализ текста на языке ввода
  - Словарный анализ
    - русская часть словаря
    - схема отбрасывания окончаний
    - фразеологический словарь
    - словарь многозначных слов
  - Грамматический анализ
    - схема «Имя прилагательное»
    - схема «Знаки (формулы, знаки препинания и т. д.)»
    - схема «Глагол»
    - схема «Имя существительное» (I, II)
    - схема «Синтаксический анализ»
    - схема «Приложение и определение»
- Синтез на языке вывода
  - Изменение порядка слов
    - схема «Обстоятельство»
    - схема «Подлежащее»
    - схема «Дополнение»
    - схема «Придаточное предложение»
  - Схема «Морфологическая обработка»
  - Схема «Стилистическая обработка»
  - Китайская часть словаря

В ходе практической работы по составлению русско-китайского алгоритма мы тщательно сопоставляли лексические и грамматические явления русского и китайского языков. В частности, детальному изучению подверглись следующие проблемы:

1. Словарная форма. Разрабатывались два варианта словаря: словарь основ и словарь слов. Существенным недостатком словаря основ является обилие омографов. В словаре основ омографами выступают не только такие пары слов, как: «перевод» — «перевод-ить», «так» — «так-ой», но и пары слов типа «работ-а» — «работ-ать», «отдельн-о» — «отдельн-ое». Словарный анализ при помощи словаря слов осуществляется медленнее, но в этом случае почти полностью исключаются омографы. В конечном итоге мы стали включать в словарь машинного перевода слова в словарной форме, но в ряде случаев не отказывались и от использования здесь основ.

2. Замена окончаний соответствующей информацией. После словарного анализа все окончания заменяются окончательной или альтернативной информацией. Так, окончание *-ли* заменяется окончательной информацией (прошедшее время, множественное число, сказуемое), окончание *-у* — альтернативной информацией (дат. падеж, ед. число, или вин. падеж, ед. число, или предл. падеж, ед. число). Отдельные окончания (*-ся, -о, -ее*) заменяются специализированной информацией. Этот метод позволяет экономить ячейки памяти и облегчает проведение анализа.

3. Порядок слов. Практика составления и проверки алгоритма подтвердила пять основных принципов, которые были положены в основу работы схемы «Изменение порядка слов». Эти пять принципов сводятся к следующему: а) при изменении порядка слов в первую очередь необходимо установить основную ось изменения порядка слов — ею, по нашему мнению, является сказуемое: позиция подлежащего, дополнений и части обстоятельств находится в зависимости от местоположения сказуемого, в определительном словосочетании такой осью является определяемое; б) чрезвычайно важна последовательность работы схем алгоритма и последовательность операций внутри каждой отдельной схемы, ибо неправильная последовательность здесь приводит к многочисленным ошибкам при переводе; в) определение и определяемое, равно как и другие взаимосвязанные синтаксические элементы, необходимо рассматривать как единое целое (единый комплекс) и снабжать единым кодовым числом, в противном случае неизбежны искажения перевода или полная утрата смысла; г) знаки препинания фиксируются или снимаются в ходе работы схемы «Изменение порядка слов»; д) морфологические элементы языка ввода (в данном случае русского языка) в известной своей части передаются посредством введения китайских служебных или знаменательных слов в процессе изменения порядка слов.

4. Обороты с предлогом. В русском языке предложные обороты синтаксически многозначны, причем в ряде случаев различение их синтаксической многозначности представляет значительные трудности. Синтаксические функции предлогов определяются нами одновременно с анализом их полисемии. Так, например, перевод и синтаксические функции предлога *в* после обработки оказываются определенными следующим образом: а) *цзай... ли*, вводит обстоятельство [1]; б) «не переводится», вводит косвенное дополнение; в) «не переводится», вводит определение; г) *вэй*, вводит косвенное дополнение; д) *цзай*, вводит обстоятельство; е) *дао*, вводит косвенное дополнение ж) *цзай... шан*, вводит обстоятельство, и т. д.

[1] Здесь дается китайский перевод русск. *в* и указывается его синтаксическая функция.

5. Словарь фразеологических оборотов. Фразеологические обороты состоят из двух, трех или четырех слов. Лексические единицы, входящие в состав того или иного фразеологического оборота, обладают морфологической инвариантностью, что удобно для анализа. Фразеологические обороты подразделяются на два типа: 1) независимые, т. е. те, которые не управляют и не управляемы другими словами фразы (*так как*, *в такой случай*), 2) зависимые, которые в свою очередь разделяются на два подтипа: а) управляющие (*в отличие от*), б) управляемые (*уравнение с частный производная*). Фразеологическим оборотам в зависимости от принадлежности к тому или иному типу присваиваются соответствующие признаки. Например, фразеологический оборот первого типа *так как* снабжается признаком «союз неоднородный»; фразеологические обороты второго типа получают признак в зависимости от характера управления: фразеологический оборот *в отношение* снабжается признаком «предлог, управляет родительным падежом, вводит обстоятельство», фразеологический оборот *уравнение с частный производная* — признаком «оставить первое слово с приданной ему информацией».

Кроме перечисленных, из проблем, которые частично уже исследованы, или находятся в стадии изучения, или намечены к разработке, назовем следующие: а) структурно-семантический анализ предлогов; б) перевод определительных придаточных предложений, вводимых союзным словом *который*; в) перевод морфологических элементов (перевод глаголов в личной форме, перевод причастий, деепричастий и определение их позиции в предложении; перевод имен существительных в родительном падеже в функции определения и т. д.); г) анализ эллиптических предложений; д) анализ местоимений; е) передача числа имен существительных; ж) перевод числительных (проблема сочетания числительных с той или иной категорией счетных слов; 3) закономерности ввода новых или усечения имеющихся слов при переводе; и) анализ запятых; к) исследование обобщенного значения слова; л) исследование закономерностей стилистики и т.д.

Чрезвычайно важное значение в разработке проблем МП имеет статистическое исследование. Проведено статистическое исследование частотности окончаний и слов в русском языке. Справедливости ради следует отметить, что статистические исследования занимают до последнего времени незаслуженно малое место в нашей работе над машинным переводом. Так, в частности, совершенно не проводились статистические исследования частотности употребления грамматических категорий.

Результаты проведенных исследований были обобщены в ряде статей и лекций [1]. В заключение нужно отметить, что успешное развертывание в нашей стране исследовательской работы в области МП неотделимо от помощи советских специалистов, передающих нам свой опыт и в этой новой отрасли науки.

Лю Юн-цюань

---

[1] Перечислим важнейшие из них: Лю Юн-цюань, Вопрос о порядке слов и его решение при машинном переводе с русского языка на китайский, журн. «Юйянь яньцзю» («Лингвистические исследования»), 1959, № 4; Ли Мин, Пэн Чу-чунь, Применение вычислительных машин для автоматического перевода, журн. «Дяньцзы цзисуаньцзи дунтай» («Новости электронной вычислительной машины»), 1959, № 1; Лю Юн-цюань, Машинный перевод, журн. «Чжунго юйвэнь»,1958, № 12 и т. д.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1959

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО «ПЕЛАЗГСКОМУ» ЯЗЫКУ

Словарный фонд древнегреческого языка содержит значительное количество слов, корни и суффиксальные элементы которых нельзя удовлетворительно истолковать как индоевропейские. Поэтому уже давно возникла мысль о заимствовании этих чуждых греческому языку слов из какого-то древнего языка неизвестного народа, населявшего территорию Греции до переселения греческих племен в район Средиземного моря. Среди словообразовательных элементов особенно выделяется суффикс *-nth-*, встречающийся в огромном количестве в топонимике почти всех областей Эгейского мира: в собственно Греции, на островах и в Малой Азии. В связи с этим весь слой чуждых древнегреческому языку слов первоначально получил наименование «эгейского» («ägäisch»), причем обычно подразумевается неиндоевропейский характер этого слоя. Этот термин и сейчас принят в большинстве индоевропейских этимологических словарей. К 1-й четверти XX в. были составлены обширные списки подобных слов [1].

Начало научного изучения догреческих элементов связано с именем знаменитого венского лингвиста П. Кречмера. В своем «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache» он первый поставил исследование в этой области на вполне научную основу. Систематически исследовав все малоазиатские суффиксы, встречающиеся на греческой почве как в именах нарицательных, так и в собственных, Кречмер пришел к выводу, что догреческие элементы принадлежат к языку какого-то догреческого народа, пришедшего на территорию Эллады из Малой Азии до греков. Он сформулировал и подробно разработал теорию о неиндоевропейском характере народов, населявших бассейн Эгейского моря до переселения греков, которые в качестве первых индоевропейцев могли проникнуть туда только в конце II или в начале I тысячелетия [2]. Поддержанная замечательными работами А. Фикка [3], эта теория была единодушно воспринята всеми и незыблемо просуществовала на протяжении всей первой четверти XX в.

Господство теории Кречмера было поколеблено дешифровкой Б. Грозным в 1915—1917 гг. текстов хеттского клинописного письма. Хеттский язык оказался индоевропейским языком, одновременно архаическим и достаточно развитым, существовавшим между 2000—1200 гг. до н. э. В свете новых фактов период индоевропейской общности отодвигался к более далекому времени, чем предполагали ранее, а мысль, что греки были первыми индоевропейцами в бассейне Эгейского моря, отвергалась [4].

В связи с этим Кречмер переработал свою первоначальную эгейско-малоазиатскую теорию, предположив, что догреческий субстрат имел одновременно два слоя: неиндоевропейский слой и протоиндоевропейский [5]. Новый взгляд Кречмера не был принят. Большинство ученых продолжало придерживаться теории о неиндоевропейском характере догреческих элементов [6].

Принципиально по-новому подошел к решению догреческой проблемы В. Георгиев. Отбросив как неиндоевропейскую, так и протоиндоевропейскую теорию догреческих элементов, он предположил, что доэллинскую Грецию населял народ, говоривший на индоевропейском языке, родственном хеттскому, лувийскому и другим древним ин-

---

[1] См.: J. Huber, De lingua antiqissimorum Graeciae incolarum, Viennae, 1921 («Commentationes Aenipontanae», IX); A. Debrunner, «Reallexikon der Vorgeschichte», Bd. IV, Hf. 2, Berlin, 1926, стр. 525 и сл.

[2] См. P. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896, стр. 408.

[3] См. A. Fick, Vorgriechische Ortsnamen als Quelle für die Vorgeschichte Griechenlands, Göttingen, 1905; см. также продолжение указанной работы: «Hattiden und Danubier in Griechenland» (Göttingen, 1908).

[4] См. M. Lejeune, Linguistique préhellénque, «Revue des études anciennes», t. XLIX, № 1—2, 1947, стр. 25 и сл.; см. также: В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4, стр. 57; его же, Проблема возникновения индоевропейских языков, ВЯ, 1956, № 1, стр. 43 и сл.; его же, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, стр. 90 и сл.

[5] См. P. Kretschmer, Die protoindogermanische Schicht, «Glotta», Bd. XIV, 1925, стр. 300 и сл.

[6] Подробный обзор работ в области догреческих языков, вышедших до 1937 г., дан болгарским ученым В. Георгиевым в его «Vorgriechische Sprachwissenschaft» (Sofia, 1941, стр. 13—59).

доевропейским языкам Малой Азии. Он впервые высказал эту гипотезу в работе «Die Träger der Kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache» («Годишник на Софийския ун-т», ист.-филол. фак-т, т. XXXIII, кн. 4 и т. XXXIV, кн. 3, 1937—1938) и затем переработал в «Vorgriechische Sprachwissenschaft».

Исходным пунктом теории В. Георгиева послужил тот факт, что некоторые слова и словообразовательные элементы догреческого слоя, считавшиеся неиндоевропейскими, обнаруживают этимологические связи с другими индоевропейскими языками. Они могут быть по происхождению индоевропейскими, если их рассматривать не с точки зрения греческого фонетизма, которому они противоречат, а иметь в виду другой, тоже индоевропейский язык, откуда они проникли в греческий [1]. Анализируя достаточно регулярные отклонения от индоевропейского языка-основы, наблюдаемые в корнях и морфемах слов догреческого слоя, В. Георгиев реконструировал систему фонетических закономерностей догреческого языка, подтверждая свои выводы большим числом убедительных этимологий. Наиболее существенные черты этой системы проявляются в трактовке так называемых индоевропейских палатальных, свойственной языкам группы satəm (и.-е. $*\hat{g}$, $*\hat{g}^{h}$, $*\hat{k} > s$ или $\check{s}$, z или $\check{d}$), и в «передвижении» согласных, аналогичном «передвижению» в армянском языке (и.-е. $*p$, $*t$, $*k > ph$, th, kh; и.-е. $*b$, $*d$, $*g > p$, t, k; и.-е. $*bh$, $*dh$, $*gh > b$, d, g) [2]. Этот догреческий язык-субстрат был назван В. Георгиевым в окончательном варианте «догреческим» индоевропейским («„Vorgriechische“ indogermanische Sprache») или «пелазгским» («Pelasgische Sprache») [3] — термины совершенно условные, так как название народа, говорившего на этом языке, по-прежнему неизвестно. Гипотеза В. Георгиева вызвала всеобщий интерес. Обе работы болгарского ученого, особенно «Vorgriechische Sprachwissenschaft», широко рецензированы [4]. Несмотря на первоначальный скептицизм, многие ученые с течением времени изменили свое отношение к теории В. Георгиева и признали ее основные положения [5].

Разработкой проблем пелазгского языка, как теперь большинство называют догреческий язык, реконструируемый В. Георгиевым, продолжают заниматься, кроме В. Георгиева, А. И. Ван-Виндекенс, В. Мерлинген, А. Карнуа и некоторые другие. За немногим исключением работы носят узко этимологический характер, поскольку главная задача этой новой отрасли индоевропейского языкознания на данном этапе заключается в собирании материала для установления строго определенного лексического фонда пелазгского языка, что позволит впоследствии с большей достоверностью реконструировать его фонетические, морфологические и словообразовательные особенности.

Задачам выявления лексического фонда пелазгского языка посвящен второй раздел статьи В. Георгиева «Inscriptions minoennes quasi-bilingues» («Годишник на Софийския ун-т», ист.-филол. фак-т, т. XLVI, кн. 4, 1949—1950, стр. 1—85). В указанном смысле это самая значительная работа В. Георгиева за обозреваемый период. Во втором разделе «Problèmes du vocabulaire préhellénique» (стр. 38—57) автор целиком опирается на достигнутое в «Vorgriechische Sprachwissenschaft». Небольшое введение дает краткую характеристику фонетики «пелазгско-филистимской» группы и некоторые черты языка минойских надписей (стр. 39) [6]. 1-я глава второго раздела «Termes grecs, préhelléniques et étrusques prétendus pré-indoeuropéens» содержит анализ списка «эгейских» элементов, опубликованного М. Вентрисом в сб. «The languages of the Minoan and Mycenaean civilizations» (London, 1950). Эти элементы, проявляющиеся одновременно и в греческом, и в этрусском или латинском, считаются им, «по-видимому, неиндоевропейскими».

В список входят такие важные для разрешения пелазгской проблемы догреческие слова, как αἴσακος — этрус. *ais*, *eis*; ἄναξ — этрус. *purtśvacti*; βασιλεύς — этрус. *fasle*, *fasi*; ἐλαία — лат. *oliva*; κυπάρισσος — лат. *cypressus*; οἶνος — лат. *vinum*; σῦκον — лат. *ficus*; πρύτανις — этрус. *purvne*; τρυτάνη —

---

[1] Vl. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, стр. 59—62; его же, Вопросы родства.., стр. 58; его же, Исследования..., стр. 91.

[2] Фонетическая система «пелазгского» языка подробно изложена в «Vorgriechische Sprachwissenschaft» (стр. 62—77) и кратко воспроизведена в статье «Вопросы родства...» (стр. 58) и в книге «Исследования...» (стр. 92).

[3] «Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 12.

[4] См. библиографию благожелательных рецензий в статье В. Георгиева «Вопросы родства...», стр. 59, примеч. 48; см. также H. M. Hoenigswald, «Language», vol. 19, № 3, 1943, стр. 269—272 и vol. 24, № 2, 1948, стр. 198—199; P. Demargne, REG, t. LXI, № 286—288, 1948, стр. 458—459. Отрицательно высказались: P. Kretschmer, «Glotta», Bd. XXVII, 1938, стр. 2 и сл.; F. Specht, «Deutsche Literaturzeitung», Jg. 64, 1943, стр. 350 и сл.; L. Deroy, «Antiquité classique», t. XVI, fasc. 2, 1947, стр. 393 и сл.

[5] П. Кречмер в большой статье «Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten («Glotta», Bd. XXVIII, 1940, стр. 231—278 и Bd. XXX, 1943, стр. 84—218) тоже переработал свою «протоиндоевропейскую» теорию. О концепции П. Кречмера см.: В. Георгиев, Вопросы родства..., стр. 59 и сл.; его же, Исследования..., стр. 98 и сл. Ср. В. Пизани, Общее и индоевропейское языкознание, М., 1956, стр. 185 и сл.

[6] В скобках здесь и далее даются страницы рассматриваемых работ.

этрус. *trutnvt*, *trutnuθ* и т. д., всего 17 пар (стр. 40). В. Георгиев, последовательно останавливаясь на каждом слове, доказывает, что все они по происхождению индоевропейские. В этой главе есть новые этимологии: αἴσακος «ветка мирта или лавра» < и.-е. **ois-* (стр. 40 и сл.); на связь с этрус. *ais* «бог» впервые указал А. Неринг [A. Nehring, Griech. τίταξ, τιτήνη und ein vorgriechisches *k*- Suffix («Glotta», Bd. XIV, 1925, стр. 183)]; κέραμος «ваза» < и.-е. **k^{u}er (o)-mo-s* (стр. 42); κυπάρισσος < **kuph-ar-* (стр. 43).

Особенно важна 2-я глава второго раздела «Mots grecs d'origine préhellénique», так как в ней дано 40 совершенно новых этимологий слов пелазгского языка. Среди них такие интересные, как ἀμέσωμοπλάται (глосса Гесихия) «лопатка» < и.-е. **omesō (u)-* (стр. 48), ср. лат. *umerus* «плечо»; ἄρακος «вид гороха» (стр. 48) < и.-е. **orog^{u}-os*, ср. греч. ὄροβος; λαμβάνω «брать» < и.-е. **(s) labh-*, ср. санскр. *lambhate* (стр. 51); ναίω «обитать» < **νασσω* (ср. аор. ἔνασ-σα, νάσ-σα) < и.-е. **nes-*, **nos-* (стр. 52) и того же корня νηός < **ναFFος* «храм (жилище бога)» (стр. 53); πηγή «текущая вода, источник», **πηγός* «бегущий, быстрый» < и.-е. **bhĕgh^{u}ā-*, ср. литов. *bėgu* «бежать», ст.-слав. *бѣгъ* и др. (стр. 54).

Ряд работ В. Георгиева выдвигает сложные и во многом еще дискуссионные проблемы классификации и родства древних индоевропейских языков Средиземноморья.

Определяя место пелазгского языка, В. Георгиев включает его в «южноиндоевропейскую» группу вместе с ликийским, иероглифическим «хеттским», этрусским, лидийским (карийским), лувийским и хеттским (В. Георгиев, Проблема возникновения индоевропейских языков, ВЯ, 1956, № 1, стр. 66), в то время как греческий и фракийский отнесены им к «центральноиндоевропейской» группе (там же)[1].

Мысли о близком родстве пелазгского языка с «анатолийскими» языками («южноиндоевропейская» группа В. Георгиева) высказывает также Карнуа (A. Carnoy, Dictionnaire étymologique du proto-indo-européen, Louvain, 1955, стр. VIII; см. также: его же, Dialectologie proto-indo-européenne, «Orbis», t. I, № 2, 1952, стр. 423).

К совершенно иным выводам приходит Ван-Виндекенс в «Заключении» своей книги «Le pélasgique» (Louvain, 1952, стр. 151—159). Специально отметив «очень тесные лексические связи пелазгского с германским и балто-славянским языками», Ван-Виндекенс утверждает, что пелазгский язык принадлежал к западной индоевропейской группе. Он помещает пелазгский язык в середину между германским и балто-славянским, причем близость этих языков, по его мнению, существовала еще в период индоевропейской общности (стр. 153)[2].

Целям классификации древних «балкано-азианических» языков посвящена статья В. Георгиева «État actuel des recherches et coordination du travail dans le domaine des langues anciennes balkano-asianiques» (AO, XVII, 1, 1949, стр. 275—287). Излагая в ней наиболее важные из достигнутых результатов в области изучения пелазгского языка, автор приходит к выводу, что приблизительно из 2500 слов, рассматриваемых Фикком под влиянием ошибочной теории Кречмера как неиндоевропейские, бо́льшая часть оказалась в новом освещении догреческими индоевропейскими, меньшая — греческими и еще меньшая часть — фракийскими, иллирийскими и т. д. (стр. 279). В основном те же задачи и идеи нашли выражение в аналогичной по построению, но в значительно большей по объему статье В. Георгиева «Вопросы родства средиземноморских языков» (стр. 42—75). Следует отметить, что в этой работе В. Георгиев под влиянием дешифровки памятников линеарного письма Б, язык которых оказался чисто греческим, совершенно отказался от своего ошибочного взгляда на язык минойских надписей как на один из догреческих диалектов[3]. В той или иной форме эта мысль отразилась во многих предшествующих работах В. Георгиева [см.: «Inscriptions minoennes...», «État actuel des recherches...», «Проблемы минойского языка» (София, 1953, стр. 14 и сл.)].

Вполне заслуживает внимания гипотеза В. Георгиева относительно миграции пелазгов в Палестину[4]. Болгарский ученый исходит из библейской традиции, согласно которой филистимляне пришли в Палестину с острова Kapthor (Крит); с другой стороны, в Одиссее (н. XIX, ст. 172 и сл.) пелазги упоминаются в числе пяти племен, населявших этот остров. При помощи лингвистического анализа автор устанавливает идентичность имен Πελασγοί, древнееврейского *P^{e}lišt-im* и египетского *Pršt*. Он предполагает, что Πελασγοί произошло из **Πελαστοί* в результате народной этимологии: Πελαστοί было понято как **Πελαγ-σκοι* (или

[1] Ср. В. Георгиев, Исследования..., стр. 281 и сл., где пелазгский включен во фракийско-пелазго-термильскую подгруппу, которая «представляет переход между центральной и южной группами», и отнесен к центральноиндоевропейской группе.

[2] Подобные идеи всегда вызывали резкие возражения у В. Георгиева (см.: «Inscriptions minoennes...», стр. 38; «Вопросы родства...», стр. 60; «Проблема...», стр. 45 и сл., 57 и др.); он включает балто-славянский и германский в «северноиндоевропейскую» группу («Проблема...», стр. 63).

[3] Ср. Вл. Георгиев, Введение в чтение и толкование крито-микенских надписей, ИАН ОЛЯ, 1955, вып. 3, стр. 271; см. также его же, La κοινή créto-mycénienne, «Études mycéniennes», Paris, 1956, стр. 173 и сл.

[4] Vl. Georgiev, Sur l'origine et la langue des pélasges, des philistins, des danaens et des achéens, «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», Bd. I, Hf. 2, 1950, стр. 136—141. Основные положения этой статьи воспроизведены В. Георгиевым с небольшими дополнениями в названном труде «Исследования...» (стр. 102 и сл.).

*Πελαγσ-κοι) «морские люди», что является производным от πέλαγος «море». Ср. Πελαστικέ вместо Πελασγικέ в схолии к Илиаде (п. XVI, ст. 233) и чтение Гесихия Πελαστικόν вместо Πελασγικόν. Отсюда мысль, что филистимляне — это пелазги, колонизовавшие в конце микенской эпохи часть страны, которая до сих пор носит имя Палестины.

Действительно, в древнееврейском сохранилось несколько слов, которые автор определяет как пелазгско-филистимские. Самое интересное *sᵊrān* «царь», родственное пелазг. τύραννος и греч. κάρᾱνος. (Греч.) τύραννος впервые объяснено В. Георгиевым как заимствование из пелазгского в обширной статье «État actuel des études de linguistique préhellénique» («Studia linguistica», année II, № 2, 1948, стр. 69—92), популяризирующей основные положения «Vorgriechische Sprachwissenschaft»: τύραννος (< пелазг. **þurannas* или **þurasnas*) вместе с аттич. κάρᾱνος и эол. κάρᾳννος «глава, начальник» выводится из и.-е. *kərəsno-s*, из которого и филистим. *sᵊran*[1], и.-е. **k̂* > пелазг. *s* или *þ* (ϑ); τ в τύραννος — субституция пелазг. *þ*; и.-е. **r̥* > пелазг. *ur* (стр. 8 и сл.)[2].

Ван-Виндекенс в специальной статье «Zum pelasgischen Ursprung von gr. τύραννος» (KZ, Bd. 74, Hf. 1—2, 1956, стр. 123—126) отвергает толкование В. Георгиева. По его мнению, в пелазгском существуют убедительные примеры только для перехода и.-е. **k̂* в пелазг. *s*[3]. Автор предпочитает сопоставить τύραννος с греч. δρᾶνος (или δράνος · ἔργον, πρᾶξις... δύναμις «работа, труд... сила» (глосса Гесихия); ἀδρᾰνής «бездеятельный, слабый, бессильный»; гомер. ὀλιγοδρανέων «бессильный, мало могущий сделать». Все эти греческие слова — производные на *-n-* от и.-е. корня **derā-* «работать», из которого без распространителя образовалось греч. δρᾱ́ω «делать, совершать». В связи с этим τύρα (ννος) с тем же распространителем *-n-* закономерно восходит к и.-е. **dₑrə-* (и.-е. **r̥* > пелазг. *ur*; и.-е. **ə* > пелазг. *a*). Двойное -νν- в суффиксе из **ni̯-* или **-ns-* в результате ассимиляции, происходившей уже в пелазгском; таким образом, пелазг. τύραννος < и.-е. **dₑrə-ni̯-* или *dₑrə-ns-*. Несмотря на свою фонетическую привлекательность, этимология Ван-Виндекенса с семантической стороны выглядит малоубедительной.

В связи с этимологией имени Πελασγοί необходимо упомянуть книгу М. Будимира «Грци и Пеласти» (Београд, 1950), в которой самостоятельный лингвистический анализ имени Πελασγοί < * Πελαστοί (стр. 37 и сл.) совпадает с анализом В. Георгиева[4]. По мнению Будимира, словарь, морфология и фонетика древнегреческого языка испытали на себе влияние более древнего индоевропейского языка, а именно языка «пеластов», занимавшего совершенно особое место среди индоевропейских диалектов: он не был ни языком satəm, ни языком centum, так как различал, с одной стороны, велярные и палатальные, а с другой — велярные и лабиовелярные. Эта работа Будимира во многом устарела, особенно в свете дешифровки крито-микенской письменности.

В статье В. Георгиева «Вопросы родства средиземноморских языков» имеется несколько новых пелазгских этимологий: βρέτας «деревянная статуя» < и.-е. **bhredhos* (стр. 58)[5]; гомер. γαῖα, аттич. γῆ «земля, страна» и т. д. < и.-е. **ghəu̯i̯a*, ср. греч. χάος «пустое пространство» (стр. 58); δεύω «орошать, проливать» < и.-е. **ĝheu̯ō*, ср. греч. χέ (F) ω (стр. 59)[6].

В конце 1958 г. вышла книга В. Георгиева «Исследования по сравнительно-историческому языкознанию», представляющая собой несколько расширенный курс лекций, прочитанных автором в 1956 г. на филологическом факультете МГУ. В третьем разделе 3-й главы «Открытие „пелазгского“ языка как пример нового способа применения сравнительно-исторического метода» (стр. 87—104) автор подвел итог своим исследованиям в области догреческих языков более чем за 20 лет и уточнил некоторые детали в связи с успехами расшифровки крито-микенских текстов. Весьма важен и четвертый раздел 3-й главы «Некоторые вопросы этногенеза греков на основе данных языкознания» (стр. 104—111), где высказываются интересные мысли от-

---

[1] Ср. В. Георгиев, Вопросы родства..., стр. 60.

[2] Заслуживает внимания 7-я глава указанной работы, посвященная доисторической этнической стратификации в бассейне Эгейского моря. Установив идентичность имен Τρῶες < **Trōses* с *E-trus-cī* < **Trus-cī* и *Tus-cī* < **Tu(r)s-cī* тоже из **Trus-cī* в результате метатезы, В. Георгиев приходит к выводу, что имена *Etruscī* и *Tuscī* — рефлекс двух миграций троянцев в Италию: первое название принадлежит древним колонистам, второе — более новым (стр. 88 и сл.). То же самое высказывает В. Георгиев в статье «Вопросы родства...», стр. 50 и сл. и в кн. «Исследования...», стр. 200 и сл. См. также A. Carnoy, Dictionnaire étymologique..., стр. 167.

[3] О необоснованности этого утверждения см.: W. Merlingen, [рец. на кн.:] A. J. van Windekens, Le pélasgique, IF, Bd. LXI, Hf. 2—3, 1954, стр. 300; его же, Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen, Wien, 1955, стр. 4. О возможности перехода и.-е. палатальных в ϑ (*þ*), δ ср. Вяч. В. Иванов, Проблема языков centum и satəm, ВЯ, 1958, № 4, стр. 13 и сл.

[4] Ср. М. Будимир, Protoslavica, «Славянская филология. Сб. статей», II, М., 1958, стр. 115; в его работе «Pelastoslavica» («Rad JAZU», knj. 309, Zagreb, 1956, стр. 81—194) пелазги отождествлены с этрусками и установлены собственно этрусские, а не пелазгские параллели.

[5] Ср. A. J. van Windekens, Le pélasgique, стр. 83 и сл.

[6] Ср. W. Merlingen, Das «Vorgriechische», стр. 56.

носительно времени распространения и миграций греческих племен на территории собственно Греции и на острове Крите.

Значительным событием в области догреческого языкознания явилась публикация в 1952 г. книги Ван-Виндекенса «Le pélasgique», в которой автор, как говорится в предисловии, исходит из основных положений В. Георгиева. Работа представляет собой попытку систематизировать и во многом по-своему осмыслить факты пелазгского языка. Появлению книги Ван-Виндекенса предшествовало несколько статей автора, материал которых он почти полностью использовал в своем «Le pélasgique». См. его: «Quelques survivances du mot pélasgique **akh* „eau, rivière, mer" dans l'onomastique grecque», BzNf, Jg. 1, 1949 — 1950, стр. 194 — 201; «Notes d'onomastique préhellénique: I. Les toponymes Γόρτυς, etc. et Γυρτών; II. Les noms de la déesse Θέτις; III. Φοῖβος, épithète du dieu Apollon», там же, Jg. II, 1950 — 1951, стр. 60 — 65; «L'origine de gr. πηλός, -πλάθος et πλίνθος», «Antiquité classique», t. XIX, 1950, стр. 145—147; «Notes pélasgiques: I. Encore gr. πηλός, -πλάθος et πλίνθος; II. L'origine de gr. ἐρέβινθος; ὄροβος; III. Le sens du toponyme Ἄργος», там же, стр. 397 — 401; «Éléments d'origine pélasgique dans la religion grecque», «Muséon», LXIII, 1 — 2, 1950, стр. 97—112. Любопытно отметить статью «L'origine asianique de quelques noms du chef-roi en grec» («Muséon», LXI, 3 — 4, стр. 277 — 290), вышедшую в 1948 г., где Ван-Виндекенс трактует 4 пелазгских названия властителей: ἄναξ, βαλήν, βασιλεύς и τύραννος — еще как фригийские, привлекая материалы армянского языка и тохарского А и Б[1].

Большим достоинством книги Ван-Виндекенса «Le pélasgique» следует признать систематичность материала, стройность и ясность изложения. Книга состоит из трех основных частей, введения, заключения и подробнейшего индекса. «Введение» (стр. V—IX) коротко знакомит с историей вопроса. Первая часть «Фонетика» (стр. 3—22) не содержит принципиальных расхождений с предшествующими работами В. Георгиева. Автор дополняет фонетическую систему пелазгского языка, предложенную В. Георгиевым, реконструкцией перехода и.-е. **u̯* между гласными и после ḷ и *l* в пелазг. *b*: ἐρέβινθος «вид гороха» < и.-е. **ereu̯-*, Τερβινθεύς «эпитет Аполлона» < и.-е. **der(e) u̯-enl-* (стр. 11). Иначе и подробнее, чем у В. Георгиева («Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 65, 69), отмечаются рефлексы и.-е. **u* в пелазгском языке, которое в начальном слове переходило в *o* и только в виде исключения сохранялось без изменения (ср. βρύτικος «лягушка» < и.-е. **bhru-*), тогда как во всех других слогах обычно сохранялось (стр. 4 и сл.). Вместе с тем на основе единственного примера παρθένος, которое Ван-Виндекенс выводит из и.-е. **per-th-* (стр. 125), совершенно напрасно отвергается предположение В. Георгиева, что и.-е. **ḱ* переходило в пелазгском в *β* или *s* и соответственно в греческом — в *θ* или σ («Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 75 и сл., 95) (см. выше).

Во второй части «Образование имен» (стр. 25—57) автор также остается в рамках исследований В. Георгиева. Ван-Виндекенс впервые включил в догреческую систему словообразования, кроме суффикса -υθ-, другие суффиксы, содержащие носовую: -αμ-, -μν-, -νδρ-, -ρν- (стр. 42 и сл.). Но все же нам кажется неоправданным объединение под таким многозначительным заглавием немногих словообразовательных элементов, выявленных в пелазгском языке.

Наибольший интерес представляет третья часть «Лексика» (стр. 61 — 148). Слова даны в алфавитном порядке, причем в словарной статье содержится подробный обзор всех существующих толкований, что делает книгу Ван-Виндекенса полезной в качестве справочника. В отличие от В. Георгиева, который исследует главным образом чисто греческие слова, интерес Ван-Виндекенса за немногим исключением вызывают слова, уже издавна считавшиеся негреческими, такие, как βαλιός, βόλινθος, κόθορνος, βρέτας, θίασος. Поэтому у него значительно больше малоубедительных этимологий, чем у В. Георгиева. Однако почти все этимологии В. Георгиева Ван-Виндекенсом отвергаются и часто совершенно необоснованно. Из приблизительно 180 этимологий болгарского ученого он окончательно признает только 20 (стр. VI, VII и сл.). Среди отвергнутых этимологий такие, как κυνέω < и.-е. **gu-ne-* («Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 90); βάσκανος, ср. лат. *fascinum*, греч. φάσκω; β'άσκιοι· δεσμοὶ φρυγ'άνων (глосса Гесихия) (там же, стр. 81); σιγή, ново-в.-нем. *sweigen* (там же, стр. 109); φαῦλος, ср. греч. παῦρος (там же, стр. 109); φύλαξ, ср. греч. πύλη (там же, стр. 110) и др.

Выдвигая вместо некоторых слов, разъясненных В. Георгиевым, свои толкования, автор дает далеко не лучшие этимологии. Например, неясно, почему βασιλεύς «царь» следует объяснять, исходя из санскр. *bhās* «свет, величие, могущество», а не из санскр. *bhāga-h* «тот, который распределяет, господин»[2].

В этом смысле самым характерным примером служит интерпретация τύρσις «башня». Ван-Виндекенс отвергает толкование В. Георгиева из и.-е. **dhr̥ĝh-is* «укрепление» (ср. санскр. *dr̥h-yati* «прочно строить») и предлагает свое из и.-е. **dr̥ḱ* «смотреть, наблюдать», весьма сомнительное с семантической стороны (стр. 139)[3]. Вообще собственные этимологии автора (их около 50) часто очень субъективны; осо-

[1] Ср. A. Carnoy, Dictionnaire étymologique..., где все слова рассматриваются в качестве пелазгских.

[2] Там же, стр. 15, где отдается предпочтение этимологии В. Георгиева.

[3] А. Карнуа предпочитает этимологию В. Георгиева (см. «Dictionnaire étymologique...», стр. 73).

бенно в толковании имен собственных (стр. 144—148) [1].

Следует, однако, отметить несколько удачных и вполне убедительных этимологий: μολυβδος, βολυβδος <и.-е. *bhel- «блестеть» (стр. 122 и сл.), τέρμινθος <и.-е. *der (e) u- «дерево, дуб» (стр. 138) — объясняются лучше, чем у В. Георгиева (ср. «Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 93, 108 и сл.); βάλινθος <и.-е. *bh^{e}l- «увеличиваться, надуваться», ср. греч. φαλλός (стр. 79); βρέτας<βερτας <и.-е. *bherdh- «резать (из дерева)» (стр.83) [2]; δονέω <и.-е. *dhun-. ср. санскр. dhunóti, греч. θύνος (стр. 86). Интересно семантическое объединение θέλυμνα, θάλαμος, θάλασσα [3] в одном и.-е. корне *tel- «простираться, поверхность» (стр. 88 и сл.); κίνδυνος <и.-е. *qh$_{2}$en-dh- «бить, толкать» (стр. 98 и сл.); κυβερνάω <и.-е. *geu- «гнуть, сгибать, вращать» — по способу управления (стр. 104 и сл.); κολεός <и.-е. *geu-, ср. греч. γύλιος и лат. culleus (стр. 101); χρόνος <и.-е. *qĝ-no-, пассивное причастие от *(s) qer- «резать», ср. греч. κειρω (стр. 142). Заслуживает внимания раздел «L'élément pélasgique dans la civilisation méditerranéenne à la lumière du vocabulaire» (стр. 155—158). В нем пелазгские слова распределяются по семантическим группам: «животные», «растения», «техника», «религия» и т. д., что дает нам возможность представить некоторые черты культуры пелазгов.

К рассмотренной книге Ван-Виндекенса близка по замыслу работа Мерлингена «Das „Vorgriechische" und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen» (Wien, 1955), выпущенная автором, как говорится в предисловии, в качестве введения к более обширному труду в области догреческих языков. Работу Мерлингена отличает несколько бо́льшая строгость и обоснованность толкований [4].

Интересна по замыслу и оригинальна по материалу статья О. Хааса «Substrats et mélange de langues en Grèce ancienne» («Lingua posnaniensis», III, 1951, стр. 63—95). В обзоре исследований А. Блюменталя и В. Георгиева Хаас ставит важный вопрос о различиях между остатками догреческого индоевропейского языка, исследованного Блюменталем, и догреческим языком, реконструируемым В. Георгиевым [5]. Хаас подвергает исследованию некоторые слова, в которых греческое ψ, а также ξ развилось в положении перед u или начальным дифтонгом с u: ψόλλα «блоха» сопоставляется с лат. pūlex; ψυχή «душа», ψύχω «дышать» сопоставляется с чеш. pýchati; ψεύδω, ψεύδομαι рассматривается как догреческая форма греч. πεύθομαι; ξυν< и.-е. *k̂un-t< и.-е. *k̂nt-, ср. греч. κατ-ά и еще несколько. Хаас считает, что эти слова составляют особый догреческий слой и не принадлежат ни к языку, выделяемому Блюменталем, ни к языку, реконструируемому В. Георгиевым. Интересный материал, связанный с толкованием пелазг. ἔλαιον, рассматривается Хаасом в статье «'ΕλαίFον. Das Öl und die ersten Indoeuropäer Griechenlands» («Lingua posnaniensis», VII, 1959, стр. 54—76).

После «Le pélasgique» Ван-Виндекенс опубликовал сравнительно большое число работ, содержащих ряд пелазгских этимологий, иллюстрирующих основные положения его книги. Все статьи можно разделить на три группы: первая группа статей доказывает пелазгское происхождение нескольких греческих слов; вторая группа рассматривает ряд латинских слов как заимствования непосредственно из пелазгского, который был, по мнению автора, языком не только догреческим, но и доиталийским [6]; и в третьей подтверждается мысль о существовании тесных лексических связей пелазгского с германским.

1. πέτρα, πέτρος—ставится в связь с Πάταρα «название ликийского города» и выводится из и.-е. *bed-/*bod-. В Πίνδος, Πίνδασος, Πανδίων (различные названия гор) тот же и.-е. корень с носовым инфиксом, т. е. *be-n-d-/*bo-n-d-. Предполагается, что и.-е. *d > пелазг. d после носового зубного (см. «Le pélasgique», стр. 17). И.-е. *be(n)d-, возможно, имеет двойной смысл: без инфикса обозначает «скалу, утес», с инфиксом—«возвышенность, выпуклость» [7] («L'ori-

---

[1] См. многочисленные, главным образом отрицательные, рецензии на книгу Ван-Виндекенса, в частности: В. Мерлинген, указ. рец., стр. 296—302; V. Pisani, «Paideia», t. VII, 1952, стр. 323—327; O. Haas, «Bibliotheca orientalis», Jg. X, № 3—4, 1953, стр. 137—138; O. Masson, RÉG, t. LXVII, 314—315, 1954, стр. 265—267; P. Chantraine, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», 3 sér., XXVIII, fasc. I, 1954, стр. 85—86. Библиографию остальных рецензий см. «Bibliographie linguistique de l'année 1952», стр. 90; 1953, стр. 109; 1954, стр. 122; 1955, стр. 99.

[2] Этимология принята В. Георгиевым («Вопросы родства...», стр. 58; «Исследования...», стр. 93).

[3] Ср. W. Steinhauser, Zwei Wege der Wortdeutung, «ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ, Gedenkschrift P. Kretschmer», II, Wien, 1957, стр. 152—156, где θάλ-ασσα толкуется как «соленая вода» и выводится из пелазг. *pal-aśśā, которое в результате диссимиляции произошло из *śal-aśśā.

[4] См. благожелательную в целом рецензию на книгу В. Мерлингена В. Ячв. В. Иванова, ВЯ, 1955, № 6, стр. 124—129, а также рецензии: G. Neumann, «Gnomon», Bd. 27, Hf. 5, 1955, стр. 370—373; M. Lejeune, BSLP, t. LI, fasc. 2, 1955, стр. 45—46.

[5] А. Блюменталь предполагал, что отмеченные им догреческие элементы заимствованы из языка иллирийского племени Ὕλλαῖοι (A. V. Blumenthal, Hesychstudien, Stuttgart, 1930, стр. 1 и сл.).

[6] См. A. I. van Windekens, Deux mots latins d'origine préitalique, «ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ...», II, стр. 214; его же, Études sur le vocabulaire prégrec et prélatin, «Lingua posnaniensis», VI, 1957, стр. 10.

[7] Ср. A. Carnoy, Dictionnaire étymologique..., стр. 55.

gine de grec πέτρα «rocher, roche», «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», Bd. II, Hf. 3. 1953, стр. 349—351).

ἄνθρωπος «человек» — вопреки предположению Г. Девото, что оно по происхождению македоно-иллирийское и совершенно противоположно по значению греч. ἀνήρ[1] — рассматривается как пелазгское заимствование: часть ἀνθ(ρ)- <и.-е. *ant(r)-, которое само является именной основой на -t- с вторичным распространителем -r- от и.-е. корня *an- «дышать», ср. греч. ἄνεμος, лат. anima; эта основа без распространителя и в хет. antuḫḫaš «человек». Греч. ἀνήρ — из именной основы *an-r- от того же и.-е. корня *an-. Отсюда общий смысл, заключенный в пелазг. ἄνθρωπος, хет. antuḫḫaš, греч. ἀνήρ «существо, которое дышит, которое живет, существо одушевленное, живое», что подтверждается для ἀνήρ гомеровской формулой πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε (Одиссея, и. I, ст. 28), где ἀνήρ — синоним ἄνθρωπος[2] («L'origine pélasgique du gr. ἄνθρωπος», «Orbis», t. III, № 2, 1954, стр. 521—523).

σμίνθος «мышь»; σμίνθα· ὁ κατοικίδιος (глосса Гесихия); σμίς·μῦς (там же)—ввиду семантической неудовлетворенности отвергается связь с греч. σμίλη «нож» (и.-е. *smēi-, smī̆-)[3]. Пелазг. σμίνθος анализируется аналогично топонимам Σάμινθος, Σάμος, Σαμώνιον (πεδίον) Σάμορνα — Σμύρνα и т. д., а также пелазг. ἀσάμινθος «ванна», в которых пелазг. корневой элемент (a)sam-, sm- из и.-е. *(a)k̂-om-, *k̂-m- от и.-е. корня *(a)k̂- «острый, тонкий, острие; камень», ср. греч. ἄκρα «мыс, вершина»; ἀκμή «острие, высшая точка и пр.»[4]. В связи с этим σμίνθος (<и.-е. *ak̂- «тонкий, острый») первоначально обозначало не «мышь», а «землеройку» («Spitzmaus»), уничтожавшую вредителей и поэтому считавшуюся «домашней мышью» (ὁ κατοικίδιος μῦς). Ср. лат. sorex «землеройка»>франц. souris «мышь» («Griechisch. σμίνθος», KZ, Bd. 71, Hf. 1—2, 1954, стр. 119—121).

τάρανδος — τάρανδρος — на пелазгское происхождение указывает прежде всего пелазг. суффикс-(α)νδ(ρ)- (см. «Le pélasgique», стр. 33, 44). На основе толкования Гесихия τάρανδος· ζῷον ἐλάφῳ παραπλήσιον, οὗ τὰς δορὰς εἰς χιτῶνας χρῶνται Σκύθαι «подобно содранной шкуре оленя, которую скифы употребляют на хитоны», корневой элемент ταρ- прекрасно объясняется из и.-е. *dor- < и. е. *der- «драть», «снимать шкуру» («Zur pelasgischen Wortforschung», KZ, Bd. 72, Hf. 3—4, 1955, стр. 211—212).

βόνασ(σ)ος «бык, европейский бизон», синоним пелазг. βόλινθος[5] — на пелазгское происхождение указывает суффикс-σ(σ)- < -t̂- или -ĝ-. Корневой элемент βονα- < и.-е. *bhuno- или *bh^{e}no- содержит и.-е. корень *bh(e)ū̆- «расти, вздуваться». Первоначальное значение, видимо, «обладающий большим φαλλός» (ср. греч. φαλλός < и. е. *bhl̥-). В статье уточняются также этимологии κάνθων «осел» и κόθορνος «шнурованный ботинок, котурн», впервые рассмотренные Ван-Виндекенсом в «Le pélasgique» (стр. 96, 100) («Pelasgica», «Lingua posnaniensis», V, 1955, стр. 85—88).

αἰσυμνάω «господствую» — о пелазгском происхождении свидетельствуют несколько моментов: 1) суффикс -μν-, встречающийся во многих пелазгских словах (см. «Le pélasgique», стр. 50 и сл.); 2) имя собственное Αἰσύμνη· πόλις Τρωικὴ (глосса Гесихия), способ образования которого весьма распространен в эгейской топонимике, ср. Κάλυμνα, Λάρυμνα, Μάθυμνα и т. д.; 3) в дорическом диалекте αἰσυμνάω соответствует форма αἰσιμνάω, αἰσυμνήτης (или αἰσυμνητήρ) соответствует αἰσιμνάτας, что указывает на чередование -υ(μν)/-ι(μν)-, засвидетельствованное в пелазгском языке: ср. θέλυμνα — ἀθέλιμνοι· (глосса Гесихия) (см. «Le pélasgique», стр. 29 и сл.). Корнеобразующий элемент αἰσ- < и. -е. *oik̂- (или *aik̂-) «господствовать, быть в состоянии, мочь»; ср. санскр. ī́še, ī́śte, īśvará-, авест. is-, isvan- и т. д., все слова из и.-е. *eik̂- (или *aik̂-) («Griech. αἰσυμνάω, ein pelasgisches Lehnwort», IF, Bd. LXII, Hf. 2, 1956, стр. 188—190).

λιγύς, λιγυρός — в пелазгском корнеобразующем элементе λιγ- усматриваются три значения: 1) «ясный, громкий, сладкий (звучащий)»; 2) «гибкий, проворный» и 3) «быстрый»; объясняется из и.-е. *legh^{u}- «легкий в движении и весе; легко и быстро движущийся». Автор предполагает также, что пелазг. основа *ligu- (λιγυ-) могла образовать при помощи распространителя s имя народа Λίγυες = лат. Ligures («Zur Herkunft und Erklärung von gr. λιγύς, λιγυρός usw.», «Glotta», Bd. XXXV, 1956, стр. 208—213).

2. θρίαμβος (rsp. triumphus)—анализируется не как θρί-αμβος, а как θρ-ί-αμβος, где -ι-αμβ- суффиксальная часть слова. Причем корневой элемент θρ-, а также διθυρ- в διθύραμβος вообще оставлены без объяснения. Для -ι- в ἴαμβος необоснованно предполагается значение «движение, деятельность». Предпочтительнее этимология В. Георгиева («Vorgriechische Sprachwissenschaft», стр. 86), который в толковании первой части слова использовал гипотезу В. Бранденштайна. Согласно Бранденштайну, θρί-αμβος < *τριh-αμβος < *τρις-αμβος, и. -е. корень *tri- «три»; ἴαμβος < *Fῑ-αμβος, и.-е. корень *ui- «два», διθύρ-αμβος в результате диссимиляции

[1] G. Devoto, Griech. ἄνθρωπος, IF, Bd. LX, Hf. 1, 1949, стр. 63—71.

[2] Ср. В. И. Георгиев, Исследования..., стр. 62.

[3] Ср. Vl. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, стр. 103.

[4] См. также A. I. van Windekens, Le pélasgique, стр. 69 и сл.

[5] Ср. В. И. Георгиев, Исследования..., стр. 113, 131, где βόλινθος рассматривается как фракийское слово.

из *θιθυρ- — «терренизированная» форма < *titur-, и. -е. корень k^{u}̯etur-. Словам приписывается значение «три шага», «два шага», «четыре шага»[1]. Мысль о связи лат. *triumpus — triumphus* с пелазг. θρίαμβος и о заимствовании латинского слова не из этрусского, а непосредственно из пелазгского вполне вероятна («Gr. θρίαμβος et lat. *triumphus*», «Orbis», t. II, № 2, 1953, стр. 489—493).

bellum, др.-лат. *duellum* «война»— рассматривается как иллирийское или скорее пелазгское из и.-е. **dhu-el-* (или вернее **dh^{u}u̯-el-*). Та же и.-е. форма (вероятно, древнее причастие на *-l-*) в иллир. Δύαλος «неистовый (эпитет Диониса)» (глосса Гесихия). Удвоенное *-ll-* в *duellum*> *bellum* произошло из **-lı̯-* в результате ассимиляции. Аналогичный процесс в греч. θύελλα [2] («Zur Erklärung von lat. *bellum*», KZ, Bd 73, Hf. 1—2, 1955, стр. 115—116).

Подобным образом анализируется и лат. *bestia* которому приписывается значение «дикий зверь»; *bes(tia)*< и.-е. **dhu̯ēs-*(и.-е. **dhu-* > иллир. или пелазг. *du̯-*> др.-лат *du-*>лат. *b*). В связи с этимологией родственного лат. *bellua* первичное значение «дикий, хищный зверь» — из и.-е. **dhu̯ēs(t)-lə₁u̯(ā)*, где второй корневой элемент явно иллирийский, так как в пелазгском и.-е. **u* интервокальное всегда давало *b*, Ван-Виндекенс склонен и *bestia* и *bellua* причислять к иллирийскому («Études sur le vocabulaire prégrec et prélatin», «Lingua posnaniensis», VI, 1957, стр. 9—13). В указанной статье лат. *tibia* рассматривается как чисто пелазгское заимствование; этимологически связывается с лат. *dubius*, откуда первичное значение «двойная флейта», а затем «флейта вообще», и возводится к и.-е. **du̯eibhi̯ā* (и.-е. **du̯-*> пелазг. **tu̯-*> лат. *t-*; и.-е. **ei-*>пелазг. *ei*>лат. *ī*) (там же, стр. 17—18).

satelles «телохранитель, спутник»— связывается с лат. *sodalis* «товарищ, приятель, член общества»; трактуется как пелазгское из и.-е. **sed-* «сидеть», субстантивированно — «место для сидения». Предполагается, что греч. σάτιλλα·πλειάς το ἄστρον (глосса Гесихия) «Плеяда», σατίναι «колесница (роскошная)» относятся к тому же самому и.-е. корню **sed-*, но в значении «движущееся место» («siège mobile»), ср. русск. *седло*. Возможность такой дифференциации значений в и.-е. **sed-* доказывается на большом сравнительном материале. Суффиксальный элемент *-ll-*<*-li̯-* как в *duellum*>*bellum* («L'origine de lat. *satelles* „garde du corps, satellite"», «Orbis», t. V, № 1, 1956, стр. 198—202).

cibus «пища, еда, корм» — заимствовано непосредственно из пелазгского, «языка догреческо-доиталийского», выводится из и.-е. корня **g^{u}i̯u̯-* (< и.-е. **g^{u}ei-*), выражающего идею «жизни». Тот же корень в греч. βίος < и.-е. **g^{u}i̯u̯os* «жизнь». Ван-Виндекенс считает, что греч. βίος значило не только «жизнь», но и «средства существования», ср. греч. βίοτος, βιοτή или βιότης и литов. *gyvatà* «жизнь, средства существования» также от и.-е. корня **g^{u}ei-*. Умбрск. *kebu* = лат. *cibo* «кормить» могло быть заимствовано как из латинского, так и из пелазгского.

corbis «корзина в виде пирамиды или конуса»— связывается с греч. κύρβις «вращающийся столб в виде трехгранной пирамиды с начертанными на нем законами». Пелазгское происхождение κύρβις доказывается Ван-Виндекенсом в книге «Contributions à l'étude de l'onomastique pélasgique» (Louvain, 1954, стр. 15 и сл.); лат. *corbis* — (греч.) κύρβις возводится к и.-е. корню **ger-* «вертеть, крутить и т. д.» с лабиальным расширителем **-bh-*. В связи с пелазгским происхождением этих слов Ван-Виндекенс делает два заключения: 1) в пелазгском языке, из которого греческий и латинский заимствовали эти слова независимо друг от друга, уже имелись основы на *-i-*; 2) двоякая трактовка в пелазгском и.-е. **r̥*, отразившаяся в чередовании *or/ur*[3], свидетельствует о наличии двух различных пелазгских диалектов («Deux mots latins d'origine préitalique», «ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ...», II, стр. 213—219).

3. τεύχω «строить, сооружать» и τεῦχος «орудие, инструмент»— объясняются как пелазгские слова из и.-е. **deuq-* и ставятся в связь со ср.-в.-нем. *ziugen* «производить» и др.-в.-нем. **giziug* «инструмент», которые обычно выводят из герм. **teug-*, родственного и.-е. **deug-*. Тот же и.-е. корень, только в нулевой ступени, **dug-* образовал в пелазгском и τόξον «лук»[4] («τεύχω —τεῦχος et τόξον, mots grecs d'origine pélasgique», «Orbis», t. IV, № 2, 1955, стр. 532—535).

κρωσσός «кружка»—ставится в связь с герм. корнем **krōg-*, из которого др.-в.-нем. *kruog*, англо-сакс. *crōg* и др. возводится к и.-е. **gr-ō-q*— нулевая ступень от и.-е. корня **ger-* «вертеть, крутить»[5]. Этот и.-е. корень, как и суффикс -σ(σ)-, представлен в пелазгском в группе κορυφή, κόρυδος (см. «Le pélasgique», стр. 106). В связи с κρωσσός на большом количестве примеров доказывается закономерность пелазго-германских лексических соответствий («Zur pelasgischen Wortforschung», KZ. Bd, 72, Hf. 3—4, 1955, стр. 209—211).

δρόσος «роса, влага»—соотносится к гот. *driusam* «падать, выпадать», англо-сакс.

---

[1] W. Brandenstein, ἴαμβος, θρίαμβος, διθύραμβος, IF, Bd. LIV, Hf. 1, 1936, стр. 34—38; ср. A. Carnoy, Dictionnaire étymologique..., стр. 25 и сл; I. Puhvel, A propos Greek διθύραμβος, «Glotta», Bd. XXXIV, 1954, стр. 37—42.

[2] См. P. Chantraine, La formation des noms en grec ancien, Paris, 1933, стр. 252.

[3] Другие примеры чередования *or/ur* см.: A. I. van Windekens, La pélasgique, стр. 7—8; его же, Contributions à l'étude..., стр. 58—59.

[4] Ср. Vl. Georgiev, Inscriptions minoennes..., стр. 56: греч. τεύχω < пелазг. **(s)teuk-*< и.-е. **(s)teu(e)k-*.

[5] См. Vl. Georgiev, Vorgriechische Sprachwissenschaft, стр. 89.

drēosam «падать», др.-в.-нем. *trōren* «падать, капать, течь» и т. д., которые все из и.-е. **dhreus-* «падать, капать сверху»; нулевая ступень этого корня и.-е. **dhrus-* логично дает в пелазгском **dros-*, греч. δρόσ (ος) («Gr. δρόσος „Tau“», KZ, Bd. 73, Hf. 1—2, 1955, стр. 26—27).

κῖκυς «сила, энергия»— объясняется из и.-е. **gu̯īg-* «живой», известного до этого только из др.-в.-нем. *guëh* и т. д. (>ново-в.-нем. *keck*) и латыш. *dzîga* «жизнь». Основа на *-u-* в **κῖκυς* морфологически полностью совпадает с герм. основой на *-u-* — *kwiku-* (англо-сакс. *cwicu*, *cucu*), которая противопоставляется герм. основе на *-wa-* — **kwikwa-*, проявляющейся в акад. *kyk(k)van* (др.-исл. *kvikr*, *kykr*). Значение κῖκυς «крепкий, сильный» принимается и для пелазг. κῖκονες, и его фрако-фригийского соответствия Γίγαντες и Γίγων — Дионис[1] («Pelasgisch κῖκυς „Kraft, Energie“ und germanisch **kwiku*, **kwikwa* „lebendig“», KZ, Bd. 74, Hf. 3—4, 1956, стр. 239—242).

Стремление систематизировать и в какой-то степени обобщить довольно обширный этимологический материал, собранный учеными в области пелазгского языка, побудило А. Карнуа выпустить свой «Протоиндоевропейский словарь»[2]. К сожалению, автор не вполне справился со своей задачей[3]. Около 40 новых пелазгских этимологий предложено Карнуа в ст. «Le substrat „*pélasgique*“ du grec. Nouveaux exemples» («Orbis», t. VI, № 1, 1957, стр. 135—144).

На фоне сравнительно *большого числа* чисто этимологических работ особенно ощутим недостаток в исследованиях по пелазгскому словообразованию. В этой связи большой интерес представляет статья Л. Деруа, определяющая общее семантическое значение догреческого суффикса *-νθ(ος)* < **-n ϑ (a)* (L. Deroy, La valeur du suffixe préhellénique *-nth-* d'après quelques noms grecs en *-νθος*, «Glotta», Bd. XXXV, 1956, стр. 171—195). Подробнейшему семантико-этимологическому анализу подвергаются 9 слов на *-νθος*. Автор считает, что в словах λαβύρινθος «подземное сооружение с некоторым числом скрытых галерей и коридоров»; δλυνθος «несозревший плод смоквы (фиги), представляющий собой мешочек (poche) с зернами»; ἐρέβινθος «стручок, растительная оболочка, содержащая плоды бобовых растений», и т. д. догреческий суффикс *-nϑ (a)* служил для образования имен собирательных («noms collectifs») (стр. 192 и сл.). Эта мысль подтверждается несколькими примерами из хеттского языка, где, по мнению Деруа, суффикс *-nt-* встречается в том же или близком значении (стр. 194 и сл.).

Проблемы догреческой ономастики, особенно топонимики, всегда привлекали пристальное внимание многих ученых. За последнее десятилетие опубликовано большое число работ, исследующих факты догреческой ономастики в аспекте пелазгского языка. Но все эти работы страдают общим существенным недостатком: субъективностью и произвольностью большей части толкований, так как самые различные имена собственные объясняются из языка, лингвистически реконструируемого и письменно не зафиксированного. Кроме того, невозможно представить, чтобы догреческая топонимика, распространенная по всему Средиземноморью, имела источником какой-то один догреческий язык. Отсутствие таких критериев, как однозначность этимологий с фонетической и семантической стороны, или хотя бы наличие пелазгского суффикса *-nϑ-*, лишают большинство этимологий научной достоверности.

Определенный интерес представляют топонимические работы Ван-Виндекенса, в которых исследуются связи пелазгского языка с фрако-фригийским. На основе консонантного противопоставления пелазг. *k* : фрако-фриг. γ (оба из и.-е. **g* или **gu̯*) Ван-Виндекенс предполагает, что в парах βρύκ-ης : βρύγ-ες (греч. Φρύγες «фригийцы») < и.-е. **bhr-ug-* — нулевая ступень от и.-е. корня **bher-*[4], гомер. Κῖκ-ονες : Γίγ-ων — Γίγ-αντες < и.-е. **gu̯īg-* — первые члены пар пелазгского происхождения, вторые фрако-фригийского[5]. Привлекая некоторый дополнительный материал, Ван-Виндекенс приходит к мысли о тесных этнических связях пелазгов с фрако-фригийцами: фрако-фригийцы, захватив некоторые области, заселенные пелазгами, настолько сильно ассимилировались с последними[6], что «для восточных областей Средиземного моря следует говорить о смешанном народе, состоящем из пелазгов и фрако-фригий-

[1] См. A. I. van Windekens, Le nom des Γίγαντες, BzNf, Jg. VII, Hf. 1, 1956, стр. 59—61.

[2] A. Carnoy, Dictionnaire étymologique du proto-indo-européen, Louvain, 1955.

[3] См. Л. А. Гиндин, рец. на указ. словарь, ВЯ, 1958, № 5, стр. 128—132.

[4] A. I. van Windekens, Contributions à l'étude de l'onomastique pélasgique, Louvain, 1954. Книга является продолжением «Le pélasgique» в области догреческой ономастики. См. рецензии на эту книгу: A. Carnoy, «Orbis», t. III, 1954, стр. 432—437; W. Meriingen, IF, Bd. LXII, Hf. 2, 1955, стр. 210—211; D. M. Jones, «Bibliotheca orientalis», Jg. XII, № 3—4, 1955, стр. 142—144; библиографические данные остальных рецензий см. в «Bibliographie linguistique de l'année 1954», стр. 78; 1955—стр. 62.

[5] A. I. van Windekens, Le *nom* des Γίγαντες, стр. 59—61. На том же противопоставлении пелазг. : фрако-фриг. основано толкование κύκ-νος «лебедь» и κύδνος. κύκνος (глосса Гесихия) и фрако-фриг. γύγ-ης «сказочная птица, возможно, выпь» (все слова < и.-е. **geug-* ≈«кричать») (его же, Études sur le vocabulaire prégrec et prélatin, «Lingua posnaniensis», VI, 1957, стр. 13—17).

[6] Его же, Le nom des Γίγαντες, стр. 60; его же, Contributions à l'étude..., стр. 25.

цев»[1]. Для полноты библиографии указываем еще несколько статей Ван-Виндекенса: «βάκχος», BzNf, Jg. IV, 1953, стр. 125—128; «παλλάς», там же, Jg. V, 1954, стр. 221—224; «Trois noms propres pélasgiques en -νθ-: I. Λέβινθος (et l'appellatif λεβινθοι· ἐρέβινθοι-; II. Σαβύλινθος (nom d'un général, Thuc., 2 80, 6); III. Τίρυνς», там же, Jg. VI, 1955, стр. 115—120; «Περσεφόνη», там же, Jg. VIII, Hf.2,1957, стр. 168—171; «Γύγας», там же, стр. 171—172; «Sur les noms de quelques figures divines ou mythiques grecques: I. Ἄρης; II. Ἄρτεμις; III. Κρονος; IV. Τάλως et Δαίδαλος; V. Χάρων», там же, Jg. IX, Hf.2, 1958, стр. 161—172. Карнуа в статье «Le substrat „pélasgique" dans la toponymie grecque» («Orbis», t. III, № 2, 1954, стр. 433—437) увеличивает число пелазгских имен собственных, собранных Ван-Виндекенсом в «Contributions a l'étude...».

О существовании тесных этнических связей между пелазгами и фракийцами высказывается и В. Георгиев в книге «Тракийският език» (София, 1957) и в статье «Πραισός, Πρίανσος, Πριήνη, Πράντες, Priantae», (BzNf, Jg. IX, Hf. 2, 1958, стр. 202—204). Важный фактический и этимологический материал по топонимике Эгейского бассейна собран в его книге «Die altgriechischen Flußnamen» (Sofia, 1958), где рассматриваются многие названия пелазгского происхождения.

Интересен по замыслу труд Карнуа «Dictionnaire étymologique de la mythologie greco-romaine» (Paris, 1957), являющийся продолжением его «Протоиндоевропейского словаря»[2]. Действительно, лингвистическая интерпретация мифологических имен в свете пелазгской гипотезы в известной мере расширяет наши возможности в этой области: например, *Silēnos* можно возвести к и.-е. **ǧhelā-* «вино», ср. фрак. ξίλαι «вино», греч. χάλις «плохое вино (грубое)» (стр. 184), но удачных, хорошо аргументированных толкований в словаре очень мало, подавляющее число этимологий дано без достаточных обоснований. Вряд ли можно считать доказательным простое предположение, что *Dardanos* < и.-е. **dher-* «быть смелым» (стр. 43), а *Perseus* < и.-е. **bherek̂-* «блестеть» (стр. 158), или ограничиться двумя взаимоисключающими толкованиями, как в *Persephonē* (стр. 159)[3].

Недостатки целого ряда исследований по догреческим языкам, более четко выступающие в обобщающих работах Карнуа и Ван-Виндекенса, не случайны: они объясняются прежде всего весьма ограниченным числом достоверных этимологий и точных фактов. Дальнейшая работа в этой области может вестись успешно при более строгих методологических принципах с привлечением нового материала.

Л. А. Гиндин

[1] Его же, Notes d'onomastique pélasgique: I. Le nom du divin Καλχ ς. II. Les toponymes Πέρινθος, Φάρος et Πάρος, BzNf, Jg. VII, Hf. 3, 1956, стр. 314; то же у В. Георгиева (см. «Исследования . . .», стр. 281).

[2] Анализ имен греческой мифологии начат А. Карнуа в статье «L'hypothèse pélasgique et la mythologie grecque», «Muséon», LXVII, 3—4, 1954, стр. 355—365.

[3] См. M. Fowler, рец. на указ. кн., «Language», vol. 34, № 1, 1958, стр. 107—108.

№ 5 1959

РЕЦЕНЗИИ

«Russisches rückläufiges Wörterbuch», zusammengestellt von R. Greve und B. Kroesche unter der Leitung von M. Vasmer, Halbband I, Berlin — Wiesbaden, 1958. 713 стр.

И. И. Bielfeldt. **Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart.** — Berlin, Akademie-Verlag, 1958. 392 стр.

За последние годы появилось несколько так называемых обратных словарей, которые представляют собою более или менее полный перечень слов какого-либо языка, расположенных в порядке алфавита по концу слова[1]. В предисловиях к этим словарям почти все их составители в качестве основного мотива создания обратных словарей указывают на неразработанность вопросов словообразования. Редакторы рецензируемых здесь словарей в особенности подчеркивают отставание науки в изучении славянского словообразования, с чем трудно не согласиться. Однако причина отставания, как нам кажется, вопреки авторитетному мнению М. Фасмера,— не пренебрежение к словообразованию, а те трудности, которые связаны с изучением процесса словообразования в славянских языках, осложненного фонологическими закономерностями и лексическими случайностями. Еще довольно часто в качестве исследований по словообразованию предлагаются более или менее удачно семантически классифицированные перечни слов. Тот факт, что такие работы по русскому словообразованию до сих пор все-таки имеют смысл, связан с трудоемкостью работы по сбору материала, которая из предварительной легко превращается в основную. Поэтому нельзя не порадоваться появлению обратных словарей русского языка, от которых следует ждать значительного облегчения этой работы. Мало того, обратные словари делают возможным предварительный обзор взаимосвязанных словообразовательных групп и сопоставление составляющих лексических единиц во всей их совокупности (например, наличие или отсутствие отдельных производных прилагательных на *-тельный* при существительных на *-тель*: *мечтатель — мечтательный*, *представитель — представительный*, но только *читатель*, *учитель* и т. д.), что поможет точнее определить границы исследований по словообразованию и избавить их от расплывчатости и перечисления очевидных истин. Следует заметить, что форма обратного словаря, в котором слова даны в порядке алфавита, наиболее удобна для первоначальных справочников по словообразованию. Распределение всех слов по словообразовательным типам представило бы много неоправданных затруднений для составителей, потребовало бы от них специальной исследовательской работы, содержание которой все равно не могло бы быть отражено в словаре, а следовательно, и сами решения остались бы вновь спорными.

Вышедшие в свет обратные словари русского языка представляют читателю богатый и разнообразный лексический материал. Только I том словаря Р. Греве и Б. Крёше содержит, по нашим подсчетам, более 142 тыс. слов; его составители использовали, кроме словаря В. И. Даля (3-е изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ) и словаря под ред. Д. Н. Ушакова, целый ряд специальных хозяйственных и административных словарей, перечень которых должен быть дан во втором томе. В словаре под ред. Г. Г. Бильфельдта, меньшем по объему, имеется около 80 тыс. слов из словаря под ред. Д. Н. Ушакова, из словаря С. И. Ожегова и «Орфографического словаря», т. е. в нем представлена лексика современного русского литературного языка. В словаре Греве и Крёше объем лексики гораздо шире, разнообразнее и хронологически, и территориально, и стилистически. Это требует, однако, большой осторожности при пользовании им и осторожности в выводах.

Целый ряд словообразовательных и морфологических моделей, широко представленных у Даля, но ныне малопродуктивных, многообразно отражен и в словаре Греве и Крёше: *задав*, *передав*, *додав*, *придав*, *свив*, *отвив*, *увив* и т. д.; *соскочка*, *отскочка* и т. д. (у Даля — действия по соответствующим глаголам); притяжательных прилагательных на *-ов*: *герцогов*, *инвалидов*, *супругов*, *леопардов*, *учеников*, *нахлебников*, *волшебников*, *художников*, *заложников*, *разбойников*, *покойников*, *любовников* и т. д. — всего около 1000 притяжательных прилагательных на *-ов*, многие из которых, подобно вышеприведенным, не мо-

[1] Описание таких словарей имеется в рецензиях Р. М. Цейтлин, ВЯ, 1957, № 3, стр. 147—148 и И. А. Мельчука, ВЯ, 1958, № 6, стр. 116. К словарям, указанным в рецензии И. А. Мельчука, можно добавить еще следующий: P. Kretschmer, Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache, Göttingen, 1944.

гут быть употреблены в современном литературном языке. То же самое можно сказать о существительных женского рода на *-ица*, также воспроизводимых по Далю: *льстивица, землепроходица, своеволица, землепроходимица, приживалица щеголица, содержаница, сорваница, зубоскалица, назывница* и т. д.

В связи с разновременностью и разностильностью лексики словаря Греве и Крёше как особый недостаток ощущается отсутствие в нем каких-либо ссылок на использованные словари. Например, помета при словах, выписанных из словаря Даля, сразу разделила бы лексику по хронологическому признаку. Чрезвычайно трудно также будет установить значение слов с терминологическим содержанием, если количество использованных специальных словарей было велико,— из-за каждого слова надо перелистывать все словари.

Что значат и как попали в словарь такие, например, слова, как *замкомпоморде, инпрска, стацуска* и т. д.? А между тем слов такого рода в словаре Греве и Крёше значительное количество. Много аббревиатур и сокращений, в том числе и графических: *товдиссуд, зенпулрота, Ре, Линян, Водок., Мельн., Д. мельн., Пар. мельн., ррд, срд, сд, мжд, птд, иптд, оптд, тчд, мг, кг, м.г., т.пл., К., «К», к., т. пл., Жел.—кисл., Г.— сол., Дом инвал.* Хотя составители нашли нужным включать и подобные сокращения, остается неясным, какую пользу они могут принести исследователю, который не знает ни их значения, ни даже того, какие из них действительно существуют в употреблении, а не только рекомендуются словарем.

Словарь Греве и Крёше дает перечень слов без каких-либо помет и без ударений, без предварительной обработки, которая облегчила бы использование словаря в целях изучения словообразования. Включение графических сокращений также не свидетельствует о четком профиле словаря как справочника по словообразованию. В настоящем своем виде это справочник наиболее общего типа, который может быть полезен при изучении словообразования, так же как при расшифровке текстологами сохранившихся обрывков слов (именно для этого, по свидетельству М. Фасмера, был создан первый из обратных словарей—O. Gradenwitz, Laterculi vocum latinarum, Leipzig, 1904), для фонологических исследований[1], для отыскания рифм (при современном развитии поэтической формы — наименее почтенная цель) и для решения иных практических задач, которые трудно предопределить. С точки зрения изучения словообразования словарь Греве и Крёше хорош тем, что на каждый словообразовательный тип здесь можно найти чрезвычайно многочисленный материал, преимущественно из малоизученных с этой стороны словесных запасов Даля; так, слов с суффиксом *-ышек* — 36 (при 6 у Бильфельдта), *-ушек* — 15 (при 6 у Бильфельдта), *-ешенек* — 48 (при 5 у Бильфельдта), *-оханек* — 52 (при 7 у Бильфельдта) и т. д.

В словаре под ред. Бильфельдта сделана попытка его подчинения интересам изучения словообразования в современном русском литературном языке. Здесь более единообразен лексический материал. Во всех словах, кроме односложных, обозначено ударение (расставленное вполне тщательно, за исключением некоторых случаев: *ковровщи́к, резьбовщи́к, ялти́нец, соча́нец, марга́нец, ма́лец, кбрец, трабо́нька* и нескольких других); отмечены лексико-грамматические явления, связанные со словообразованием. Слова, обозначающие предметы, *встречающиеся чаще всего попарно или* в совокупности (*ботинки, бивни, блинчики, бубенчики*), а также названия народов и народностей (*чехи, поляки, немцы*), которые, как правило, имеют форму множественного числа, даны с пометой pl., обозначающей большую употребительность этой формы по сравнению с формой единственного числа. Попутно нельзя не заметить, что, кроме указанных, словарь в качестве самостоятельных слов в форме множественного числа содержит pluralia tantum, которые не имеют никаких специальных помет. Поскольку лексикализация форм *множественного числа осталась* необозначенной, не мотивировано наличие в словаре некоторых форм множественного числа и неясно их отношение к формам единственного числа. Полная лексикализация форм множественного числа может быть отмечена в следующих случаях: *выбор* — название действия по глаголу «выбрать», а также в значении «ассортимент», но *выборы* — избрание представителей; *вывапка, выпарка, выжарка, выгарка, выческа, выработка* — названия действий по глаголам, которые не имеют формы мн. числа,— *вывапки, выгарки, выжарки, вынарки, вычески* — слова результативно-качественного значения и не имеют ед. числа. Такая противопоставленность по значению форм числа могла быть легко отмечена при наличии дополнительной пометы для слов pluralia tantum.

Условной пометой обозначены прилагательные и некоторые причастия, употребляющиеся и в значении существительного: [1]*слепой*, [1]*приказный*, [1]*арестованный*. Относительно же полностью субстантивировавшихся прилагательных и причастий следует заметить, что они не обозначены, т. е. отмечены лишь случаи переходного состояния, а не окончательного результата этого процесса. Поскольку рассматривать явление не имеет смысла без учета крайних случаев, надо отыскивать и их например субстантивировавшиеся прилагательные муж. рода среди массы всех прилагательных. К тому же переходные формы развиваются в окончательные, и довольно быстро.

Вводя указанные пометы, составители словаря последовательно руководствовались при их постановке словарем под ред. Ушакова, наиболее авторитетным и полным в этом отношении, впрочем так же, как и в других. Но со времени появления словаря под ред. Ушакова прошло много лет.

[1] См. указанную рецензию И. А. Мельчука.

Поэтому при пользовании словарем под ред. Бильфельдта следует учитывать, что указанные пометы отражают вчерашнее состояние русского языка: *хлебозаготовки*, *дровозаготовки*, *сеновaготовки*, *лесозаготовки*, *мясозаготовки*, *скотозаготовки*, *издержки*, *буклн*, *пукли*, *будни*, *плутни* утратили формы единственного числа и превратились в pluralia tantum. Утратили частичную субстантивацию прилагательные *курортный* в значении «курортник»[1], *услужлящий* «прислуга», *отпускной* «отпускник», *обязанный* «военнообязанный», *штрафованный* «тот, за которым числятся взыскания по службе», *очередной* «тот, чья очередь что-нибудь делать», *начальствующий* «начальник», *учащий*, *заводской*, *кандальный*. Другие прилагательные приобрели ее: *миленький*, *неуспевающий*, *отстающий* (чаще в форме мн. числа: «большой процент неуспевающих», «занятия с отстающими»), *разводящий*, *свободомыслящий*, *малограмотный* («обучение малограмотных»), *штрафной* (спортивное: «судья назначил штрафной» и просторечное: «налейте опоздавшему штрафной»), *правофланговый*, *участковый* («участковая комиссия», «участковый милиционер» и «новый участковый»), *подручный* («подручный инструмент» и «подручный токаря»).

Ошибки в расстановке пометы pl. следующие: при словах *ципочки*, *картишки*, *блошки* (устарелое), *четверни* (устарелое) поставлено pl., хотя это pluralia tantum. Отсутствует помета при словах *баки*, *овощи*, *припасы* (относительно слов *волосики*, *усики*, также не имеющих пометы pl., допустимо и такое решение). Помету pl. имеет слово *поскребыши*. Но в форме мн. числа употребляется слово *поскребыши* pluralia tantum «соскобленные остатки пищи». Устарелое *поскребыш* «хлебец, испеченный из остатков муки» не имеет множественного числа. Это разные слова.

Есть в словаре и еще одна помета — для омонимов. Целесообразна ли она здесь? В лингвистической литературе нет единства в понимании омонимии, и толковые словари *в этом отношении отличаются один от* другого. Но если не отмечать этого явления в обратном словаре, то остались бы не обозначенными не только спорные случаи, но и явные совпадения слов. К тому же омонимия настолько плохо описана, что всякая возможность уделить этому внимание должна быть использована. Наиболее правильным было бы указать на все случаи омонимии, отмеченные хотя бы в одном из использованных словарей. При этом источники следует обязательно указать, поскольку в разных словарях отражены различные мнения. О тщательности расстановки пометы *при омонимах* мы не беремся судить, так как проверка могла бы быть сделана лишь от толковых словарей, т. е. очень трудоемким способом. Можно указать, однако, на некоторую непоследовательность составителей, связанную с отсутствием системы в обозначении выделенных лексико-грамматических явлений,— омонимия форм мн. числа не отмечена: *городки* (pl. t.) «игра», *городки* «маленькие города»; *пики* (pl. t.) «масть», *пики* «оружие»; *плечики* (pl. t.) «вешалка», *плечики* — уменьшит.-ласкат. к «плечи»; *цыпки* (pl. t.) «трещинки на руках», *цыпки* «маленькие цыплята»; *ноготки* (pl. t.) «садовые цветы», *ноготки* «маленькие ногти»; *очки* (pl. t.) «оптический прибор», *очки* «единицы счета»; *разводы* (pl. t.) «узоры» и *разводы* — действие по глаголу «разводить» и «разводиться», например: «участлись разводы». Каждая из этих пар слов в словаре представлена одним словом, без помет, т. е. приравнена к таким абсолютным pluralia tantum, как *выварки*, *вычески*.

Все это свидетельствует, как нам кажется, о том, что такие пометы являются пока что «вынужденными», и тот и другой обратные словари приводят слова и формы слов (например, с суффиксами субъективной оценки) в том количестве и в том виде, как они представлены в использованных толковых словарях. Поэтому оказались отмеченными лишь те случаи расчленения слова, которые наглядно обозначены в толковых словарях: омонимы, данные отдельными словарными статьями, частичная субстантивация, частичная лексикализация форм мн. числа, специально оговоренная в словарной статье. В толковом словаре все это комментирует употребление слова. А для изучения словообразования важны сами явления во всей совокупности составляющих их частных случаев, следовательно, при обозначении какого-либо лексико-грамматического явления в обратном словаре следовало бы идти от самого явления, а не от слова.

Со стороны своего состава обратные словари не обещают чего-нибудь нового по сравнению с использованными толковыми словарями. Поэтому в них не входят совсем или входят лишь частично разряды слов, наиболее интересные со стороны словообразования. Например, в словаре Бильфельдта совершенно отсутствуют наречия на *-ому*, *-ему* с приставкой *по-*, образованные от прилагательных и местоимений. Некоторые грамматические категории слов — наречия на *-о*, *-е*, *-ски*, *-ьи*, существительные с суффиксами лица, существительные абстрактного значения, существительные и прилагательные с суффиксами субъективной оценки — представлены в словаре под ред. Бильфельдта в объеме словаря под ред. Ушакова и в значительно большем объеме в соответствии со словарем Даля,— у Греве и Крёше. Исключение наиболее продуктивных производных образований, таких, как имена с суффиксами субъективной оценки или наречия на *-ому*, из толковых словарей объясняется тем, что значение этих образований прямо выводимо из значения производящих. Но само словообразование даже в таких случаях не является полностью формализованным. И отсутствие целой группы наречий, так же как неполнота других словообразователь-

[1] См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова; во всех других случаях также указывается этот словарь.

ных групп, сказывается на полноценности обратного словаря.

При выяснении особенностей сложных словообразовательных типов наиболее интересны дублетные образования, возможные лишь для некоторых основ (*листо́к* и *ли́стик*, *гвоздо́к* и *гво́здик*, *домо́к* и *до́мик*, но только *голосо́к*, *арбу́зик*, *шала́шик*). Было бы естественным найти в обратном словаре полный перечень дублетов хотя бы слов, включенных в словарь. Но и в этом отношении в словаре под ред. Бильфельдта имеются пропуски: например, *гво́здик*, *росто́к*, но нет *гвоздо́к*, *ро́стик*. Такую неполноту можно еще отметить и у отглагольных имен.

Орфографический словарь в этом отношении был использован, очевидно, неполностью и в какой-то мере случайно. Об этом заставляют подумать малопонятные слова, по неизвестным соображениям воспроизведенные в обратном словаре вслед за орфографическим: *машма́к*, *тре́пел*, *прия́мок*, *слюннока́менный*, *дерба́*, *воро́ба*, *сля́б*. Использование орфографического словаря, наиболее полного из имеющихся законченных словарей русского языка, для пополнения обратного словаря, по нашему мнению, могло иметь место только в отношении производных глаголов и отглагольных имен, но не в отношении таких имен, значение которых ситуативно, не равно сумме составляющих.

Вряд ли обратный словарь может быть использован для изучения словообразования, если отыскание значения приводимых слов будет чрезвычайно сложным делом. Для изучения словообразования неудобен обратный словарь, который через орфографический соотнесен со множеством неизвестных словарей. Удобнее и целесообразнее будет создание дополнительных справочников, составленных по группам специальных словарей, в которых можно найти точное указание на значение каждого слова. Достаточно вспомнить, сколько интересных наблюдений, касающихся русского словообразования, сумел сделать Г. О. Винокур именно на материале русской технической терминологии.

Если бы обратный словарь был специальным справочником по словообразованию, можно было бы возражать против перегруженности его устаревшими словами при отсутствии некоторых распространенных и употребительных ныне слов, например: *ультразвук*, *земснаряд*, *изотоп*, *фотоэлемент*, *люминесценция*, *полуавтомат*, *фотоэтюд*, *завуч*, *пионерлагерь*, *вносы*, *автодело*, *автоприцеп*, *мотодрезина*, *моторостроение*, *нейрохирургия*, *лесопарк*, *старшекурсник* и др. Как будто излишни в словаре современного русского языка заимствованные и уже устаревшие слова, прежде всего заимствованные изолированные слова «исторического содержания»: *фиск* — государственная казна; *селямли́к* — торжественное шествие султана в мечеть; *се́ймик* — в польско-литовском государстве собрание шляхты одного воеводства, уезда; *си́ндик* — в древней Греции — защитник в суде; *те́рлик* — род верхнего платья в древней Руси; *скру́пул* — старинная единица аптекарского веса; *санджа́к* — административный округ в дореволюционной Турции; *эди́л* — в древнем Риме должностное лицо — помощник трибуна и др. Подобные слова взяты из Толкового словаря под ред. Ушакова. Но поскольку отступление от толковых словарей служит не на пользу, а во вред обратному словарю, следует признать неизбежным полное воспроизведение всех слов из них, без специального отбора.

Характерно, что возникновение обратного словаря связано с изучением мертвых языков, где отсутствует проблема отбора слов, а сами обратные словари появились в виде простого приложения к обычным толковым и историческим словарям, в которых было легко справиться и о значении и об употреблении соответствующего слова[1].

Отсутствие отбора слов и указания на их употребительность в обратном словаре современного языка, созданном пока что по типу прежних словарей, делает невозможными непосредственные выводы относительно словообразования на основании одного лишь обратного словаря. Языковое чутье противится, например, такому легкому и вольному образованию слов женского рода с суффиксом *-ка* от слов мужского рода, каким оно предстало в словаре. Прежде всего это относится к словам, обозначающим женщин по роду деятельности: *стажерка*, *лингвистка*, *юмористка*, *стажистка*, *просветительница*, *универсантка*; по отношению к какому-либо общественному направлению: *ленинка*, *позитивистка*, *конструктивистка*, *федералистка*, *натуралистка*, *атеистка*; по характерному признаку: *богатя́рка*, *суеверка*. Все эти слова могли быть образованы, но не вошли в употребление, так как значение лица, т. е. указание на женщину, преобладает над их качественным содержанием в связи с тем, что по разным причинам они образованы путем присоединения суффикса к соответствующему слову мужского рода, а не замещением суффикса лица мужского рода (*старик* — *старуха*). При этом был нарушен параллелизм внутреннего строения сопоставимых слов мужского и женского рода; *стаж-ер* — *стажер-ка*, в связи с чем суффикс лица мужского рода во втором производном слове сливается с той частью основы, которая выражает качественное содержание слова и вследствие обратного влияния превращается в слове муж. рода в показатель имени. В слове жен. рода от сопоставления со словом муж.

[1] См.: упоминавшийся словарь О. Граденвица; приложение к тохарско-латинскому словарю П. Поухи (P. P o u c h a, Institutiones linguae tocharicae, Praha, 1955), третью часть «Краткого словаря к древнецерковнославянским текстам» Л. Садника и Р. Айтцетмюллера (L. S a d n i k und R. A i t z e t m ü l l e r, Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten, Heidelberg, 1955).

рода выделяется чистый показатель пола; пол здесь оказывается подчеркнуто обозначенным. И это мешает равнозначному употреблению таких слов женского рода наряду со словами мужского рода в современном языке, хотя со времени революции именно эта особенность значения способствовала распространению подобных имен женского рода.

Некоторые другие словообразовательные типы также претерпевают изменения, нередко связанные с рядом различных сложных причин. Это требует большой осторожности в использовании материалов, представленных обратным словарем, и, безусловно, для каких-либо выводов относительно словообразования необходимы дополнительные сведения о времени существования слова, его стилистической и диалектной принадлежности, которые могут быть достаточно достоверно установлены лишь на основании толковых словарей. Пока что необходимость этой трудоемкой работы, кажется, не принимается во внимание составителями обратных словарей современных языков, лишенных ссылок на источники.

Необходимость обратных словарей очевидна. Можно ожидать, что в ближайшее время у нас появятся такие словари различных типов [1].

После выхода в свет словаря под ред. Бильфельдта и словаря Греве и Крёше они могут быть составлены достаточно быстро и уже на более высоком научном уровне, так как указанные словари дают возможность определить круг вопросов, требующих предварительного решения при составлении обратного словаря.

Р. В. Бахтурина

[1] Работа по составлению обратного словаря в настоящее время ведется в Ленинграде И. К. Зборовским с группой сотрудников словарного сектора Института русского языка. Вызывает некоторое беспокойство намерение И. К. Зборовского включить в обратный словарь материалы картотеки неполностью изданного еще Большого академического словаря русского языка, что затруднит использование обратного словаря для изучения словообразования даже по сравнению с упомянутыми словарями.

СЛОВАРЬ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА XVI В.[1]

(Важный вклад в развитие лингвистической статистики)

Словарь польского языка XVI в. является продолжением словаря древнепольского языка («Słownik staropolski»), который давно уже был подготовлен и с 1953 г. выходит отдельными выпусками (к настоящему времени издание доведено до буквы G). Работа над словарем ведется пятью лабораториями под руководством профессоров С. Бонка, С. Храбца, В. Курашкевича, С. Роспонда и В. Ташицкого. Общую координацию осуществляет отдел истории литературного языка и теории литературы Польской Академии наук под руководством проф. М. Р. Майеновой. В феврале 1954 г. план и проблематика словаря были обсуждены и одобрены на заседании языковедческого комитета. О работе над словарем доложил на IV Международном съезде славистов В. Курашкевич.

Словарь польского языка XVI в., как его задумали авторы,— это прежде всего словарь исторический. Ему чужда всякая идея нормативности, отбора собранного материала, он должен быть прежде всего полным. Заметим, что такая постановка вопроса стала возможной только благодаря тому, что авторы поставили себе тесные, хотя и довольно условные хронологические рамки (1501—1600 гг.). Авторы ограничиваются также в основном обследованием печатных текстов, не привлекая пока рукописных материалов.

Как указывается во введении к пробному выпуску, удача подобного словаря целиком зависит от того, «насколько полон материал, подвергающийся обработке, насколько он показателен для центральных, существеннейших процессов, происходивших в языке XVI века» (стр. XII). Надо сказать, что список отобранных источников достаточно внушителен. Он включает в себя: произведения по математике, астрономии и астрологии (4), по медицине и лекарственному делу (4), по педагогике (2), по хозяйству и праву (6), по орфографии и словари (4), по географии (включая описания путешествий) (4), хроники и повести (10), апокрифы и жития святых, биографии философов (7), проповеди (7), религиозную полемическую прозу (13) (из них в форме диалогов 3), молитвенники и псалтыри (6), религиозную морализующую прозу (8), светскую политическую литературу (11) (из них в форме диалогов 2), литературу в стихах (разных жанров) (82) (из них диалоги и драмы 14), переводы библии (6). Общий объем обследованного материала составляет 7 млн. слов.

Перейдем к анализу отдельной словарной статьи. Для примера возьмем слово *głowa* «голова». Словарное слово (*hasło*) дается в древнепольской транскрипции (которая в данном случае совпадает с современной), в скобках указана частота употребления слова в обследованных текстах (1018 раз). Приводятся отдельные формы, например родительный единственного числа *głowy* (163 раза) и *głowej* (2 раза), причем

[1] «Słownik polszczyzny XVI wieku. Zeszyt próbny», Wrocław, 1956 (PAN, Instytut badań literackich).

отмечены авторы, у которых эти формы употреблялись. Далее указывается первое значение (обычно это исходное значение; наряду с этим историческим критерием используется критерий частотности). Как правило, для объяснения подбирается соответствующее по значению слово современного польского языка. В качестве вспомогательного средства определения значения используются латинские эквиваленты данного слова (в данной статье: *caput*). Указывается в скобках, если обратиться к рассматриваемой статье, что в этом первом значении слово встретилось 660 раз. Далее приведено более 50 примеров, иллюстрирующих как синтаксическое употребление слова, так и его смысловые связи. Интересно, что примеры из словарей даны вместе с латинскими оригиналами; ср. *diffunditur morbus a capite*; *Idzie od głowy do drugich członków niemoc* (J. Mączyński, Lexicon Latino-polonicum, 1564, 139d).

Наконец, указываются фразеологические единицы, в которых слово выступает в данном значении. Фразеология трактуется авторами очень широко, основным здесь является критерий совместного употребления слов. Как указывается во введении, частое совместное употребление может отражать тенденцию к дальнейшей лексикализации или же стилистические тенденции того времени, а иногда являться результатом поисков эквивалентов для некоторых латинских слов. Так, парное сочетание *głowa a rozum* являлось переводом латинского *iudicio*. Авторы словаря при анализе фразеологии (стр. XXXV) выделяют следующие группы: 1) фраза (frazes), в которой наличествует подлежащее и сказуемое; 2) неглагольное сочетание (wyrażenie), в котором определяемое не есть глагол; 3) глагольное сочетание (zwrot), в котором определяемое — глагол; 4) парное сочетание (szereg), состоящее из однородных членов.

В нашей статье фразеологическая часть открывается рядом неглагольных сочетаний, например *psia głowa* «собачья голова», причем указано, что это сочетание употреблено 3 раза, и приведены все три контекста. Затем идут глагольные сочетания, например: *głową chwiać*, *kinać głową*, *głową kiwać* «кивать головой» (объяснено словами: «дать знак одобрения или неодобрения»). Опять указана частотность (10 раз) и приведены все контексты. По этому же принципу строится словарная статья и для других значений слова.

Наиболее важным в данном словаре является то, что впервые в истории польской лексикографии словарь польского языка XVI в. строится, как мы видели, на статистической основе.

Как указывают авторы, статистика должна прежде всего помочь ответить на вопрос о языковых нормах XVI в., показать господствующие, возникающие и умирающие тенденции развития лексики и морфологии. Если составители современного словаря могут в какой-то мере опираться на свое языковое чутье при снабжении того или иного слова определенными пометами, то историк языка более чем кто-либо нуждается в строго объективных критериях для определения стилистической характеристики слова.

М. Р. Майенова[1] считает, что статистические данные, приведенные в словаре, будут полезны как для тех, кто интересуется нормами и различными стилями общенародного языка, так и для исследователей стиля определенного литературного направления, жанра, школы, эпохи, а также для исследователей индивидуально-художественного стиля автора.

Майенова следующим образом представляет себе работу стилиста со словарем. При чтении текста стилист формулирует определенную гипотезу о стилистической значимости (wartość) данного слова или выражения. Обращение к словарю позволяет подтвердить эту гипотезу или отбросить ее и сформулировать новую. Пусть исследователь встретил в «Псалтыри» Кохановского слово *sąd* в значении «посуда» (в современном языке «суд»). Ему кажется, что для второй половины XVI в. употребление слова в данном значении есть архаизм. Поскольку словарь фиксирует все употребления данного слова у всех авторов, гипотезу эту нетрудно проверить.

С другой стороны, простой просмотр словарных статей дает стилисту возможность поставить ряд интересных вопросов, при решении которых опять-таки может использоваться словарный материал. Например, форма *abo* «или» встретилась 1353 раза, в то время как *aboc* только 5 раз — один раз у старшего из взятых писателей (Бернат) и 4 раза у одного и того же автора (Рей). Возникает вопрос, идет ли здесь речь о форме архаичной или, может быть, разговорной, или же употребление такой формы — особенность стиля писателя. Сопоставление данной формы с другими дает возможность получить на эти вопросы ответ.

Таковы, по мнению авторов, некоторые из возможных употреблений словаря. К этому хотелось бы добавить, что богатый стилистический материал, собранный авторами, а также анализ применявшихся методов могут быть весьма полезными для развития самой лингвистической стилистики. В самом деле, в настоящее время объем статистически обследованного материала очень незначителен. Имеющиеся статистические словари для ряда языков (немецкого, английского, французского, испанского, русского и некоторых других[2]), как пра-

[1] M. R. Mayenowa, Słownik polszczyzny XVI-wiecznej z punktu widzenia potrzeb stylistyki, «Z polskich studiów slawistycznych. Prace język. i etnogen...», Warszawa, 1958.

[2] F. W. Kaeding, Häufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache, Steglitz, 1897—1898; G. E. Vander Beke, French word book, New York, 1929; V. G. Hoz, Vocabulario usual, vocabulario común y vocabulario fundamental, Madrid, 1953; Harry H. Josselson, The Russian word count and frequency analysis of grammatical categories of standard literary Russian, Detroit, 1953.

вило, не отражают каких-либо определенных лингвистических задач, поставленных их авторами (в особенности это относится к частотному словарю Йосселсона). К тому же работа составителей этих словарей чрезвычайно затруднялась тем обстоятельством, что при изучении современного языка очень трудно остановить свой выбор на тех или иных произведениях, статистика которых должна отражать распределение вероятностей отдельных слов во всем современном языке. Ясно отграничив период, подлежащий обследованию, и обследовав достаточно богатый материал, авторы польского словаря собрали материал, чрезвычайно важный для общей методологии и проблематики лингвистической статистики.

В частности, было бы интересно проверить на этом материале известную формулу лингвистической статистики о соотношении между длиной слова (т. е. числом его фонем) и его частотностью. Согласно этой формуле, если обозначить количество фонем в слове через k, а через r его ранг, т. е. номер в списке по убывающей частотности, то имеет место следующее соотношение:

$$\frac{k}{\log r} \approx \text{const}$$

(т. е. чем чаще употребляется слово, тем оно короче, и наоборот)[1]. Установлена также еще одна интересная закономерность, а именно — связь между числом значений слова (s) и его частотой (f), которая выражается следующей формулой:

$$\frac{s}{\sqrt{f}} \approx \text{const}$$

(т. е. чем чаще употребляется слово, тем больше у него значений, и наоборот)[2].

Эти закономерности чрезвычайно интересны с точки зрения применения к анализу языка методов теории информации. Материал словаря особенно важен в этом отношении: соотношение между частотой и длиной какого-то слова, а также количеством его значений в языке XVI в. можно сравнить с частотой, длиной и количеством значений этого же слова в современном языке. Тем самым можно было бы установить, какое значение имеют для развития языка основные принципы теории кодов. В частности, можно было бы проверить гипотезу о том, что в процессе развития языка «форма языка, сохраняющаяся благодаря самому факту ее употребления и сохранения, обязательно принимает форму, очень близко напоминающую оптимальную форму распределения»[3].

Материал по фразеологии, собранный в словаре, может помочь при ответе на следующий весьма важный вопрос: в какой мере степень свободы или связанности отдельных единиц в словосочетании (ср., например, известную классификацию акад. В. В. Виноградова) может быть выражена в статистических терминах. Можно предложить следующий подход: зафиксировать первое слово сочетания и выяснить, какова вероятность того, что следующее слово будет таким-то (условная вероятность появления какого-то слова после данного слова). Ясно, что если условная вероятность велика, то слова фразеологически сильно связаны, если же она мала, то речь идет о сочетании более свободного характера. Конкретный анализ материала поможет проанализировать зависимость между семантической и статистической связанностью.

Некоторые важные обобщения уже сделаны на основе анализа материалов словаря.

Одним из актуальнейших вопросов лингвистической статистики является нахождение статистических критериев для оценки «богатства» или, наоборот, «бедности» лексики произведения. Оценка эта играет большую роль при решении проблем атрибуции. Формулы, предложенные П. Гиро и Дж. Херданом[4], являются настолько громоздкими, что вряд ли могут практически использоваться. В. Курашкевич[5] показал возможность оценки этой величины средствами, доступными каждому стилисту. Курашкевич исследовал графики зависимости появления новых слов от длины текста, причем длина текста в тысячах печатных знаков откладывалась по оси абсцисс X, а количество новых слов — по оси ординат Y. Если заносить ряд значений X и Y на чертеж, то получается ломаная линия, очень близкая к параболе, описываемой функцией $Y = K\sqrt{X}$, где K — некий коэффициент. Курашкевич использует этот коэффициент как меру «богатства» словаря. Этот метод оказался весьма эффективным и позволил сделать много наблюдений, касающихся языка и стиля польских писателей XVI в. За неимением места мы на них не останавливаемся. Отметим лишь некоторые общие выводы, полученные Курашкевичем при анализе текстов: 1) при прочих равных условиях текст стихотворный оказывается более «богатым», чем текст прозаический, причем коэффициент K зависит и от размера стиха; 2) первые произведения писателя имеют коэффициент K гораздо более низкий, чем дальнейшие его произведения. Иными словами — чем более зрело творчество писателя, тем выше коэффициент K; 3) оригинальные произведения дают более высокий коэффициент K, чем переводы, выполненные тем же писателем.

Курашкевич подчеркивает, что полученная им оценка «богатства» словаря весьма ус-

---

[1] См., например, P. Guiraud, Les caractères statistiques du vocabulaire, Paris, 1954.

[2] См. G. K. Zipf, The meaning-frequency relationship of words, «Journal of general psychology», vol. 33, half 2, 1945.

[3] Н. Винер, Кибернетика и общество, М., 1958, стр. 100 (перевод с англ.).

[4] G. Herdan, Language as choice and chance, Groningen — Noordhoft, 1956.

[5] W. Kuraszkiewicz, Statystyczne badanie słownictwa polskich tekstów XVI wieku, «Z polskich studiów sławistycznych...».

ловна, однако это вовсе не снижает ее ценности. Во-первых, статистическую оценку богатства можно усложнить, введя в рассмотрение деление на служебные и полнозначные слова, учитывая количество значений отдельных слов и т. п. Во-вторых,—и это главное — даже при помощи такой приблизительной оценки, как коэффициент К, удалось получить весьма ценные результаты. И, наконец, эти результаты, добытые совершенно объективным способом, не противоречат субъективному восприятию читателя, но уточняют его, делая возможным точное сравнение отдельных произведений. Как правильно указывает Курашкевич, было бы очень интересно исследовать этим методом произведения авторов XVIII — XX вв.

Разумеется, при той большой и ответственной работе, которую проделали авторы словаря, не обошлось и без ошибок. Но сами эти ошибки весьма поучительны для развития лингвистической статистики.

В. Курашкевич еще в 1951 г. показал, что при анализе текста больших размеров (больше 300 тыс. печ. зн.) достаточно брать материал с каждой пятой страницы, чтобы получить 50% всех слов[1]. Этот метод, который, очевидно, дает большую экономию, вначале и был положен в основу статистической работы. В дальнейшем, как указывает Храбец[2], от этого метода пришлось отойти, так как он, во-первых, не дает полноты лексического материала и, во-вторых, не дает статистической картины индивидуального стиля писателя. По этому поводу хотелось бы отметить следующее: метод выборочного анализа, вообще говоря, вовсе не плох, все зависит от цели исследования. Например, при отборе определенного словаря-минимума, т. е. какого-то количества наиболее часто встречающихся слов, этот метод несомненно дает хорошие результаты. Если же нужно выявить самое распределение частот (вероятностей) между всеми словами (последний подход особенно важен при применении к языку методов теории информации[3]), то в этом случае необходим полный анализ текста, и лучше ограничить количество материала, чем проводить выборочное обследование.

В связи с анализом рецензируемой работы, как и любой другой значительной работы по лингвистической статистике, возникает следующий важный методический вопрос. Как указал в свое время замечательный русский статистик проф. А. А. Чупров, особенности проявления закона больших чисел при анализе языкового материала требуют обследования весьма обширного языкового материала[4]. В связи с этим любая статистическая работа является весьма трудоемкой. В частности, подготовительная работа по словарю польского языка XVI в. велась коллективом, состоящим из 30 штатных сотрудников, в течение 9 лет (работа начата в 1949 г.). Группа, состоящая из 5 человек, могла обработать текст длиной в 10 тыс. слов в течение месяца.

Целесообразно ли в дальнейшем вести подобную статистическую работу вручную или, может быть, уже сегодня имеет смысл поставить вопрос о применении для нужд современной лингвистической статистики электронно-вычислительных машин? Как показывают опыты итальянца Р. Буза (Roberto Busa) и американца Эллисона, машины, применяемые для статистики, могут: а) разбивать текст на отдельные элементы (предложения, слова, синтагмы, основы, окончания); б) изготовлять для каждого слова отдельные карточки с указанием источника, номера предложения и с требуемым контекстом; в) производить классификацию карточек по заданным критериям[5].

В частности, Эллисон при помощи электронно-вычислительной машины UNIVAC получил за 1000 рабочих часов машины словарь, фиксирующий все употребления слов в библии, на основе анализа 750 тыс. слов — работа, которую обычным способом можно было бы выполнить за 23 года.

Ясно, что для решения тех многообразных задач, которые поставили себе составители польского словаря XVI в., машина могла бы выполнить лишь некоторую предварительную работу (заполнение карточек, фиксация всех вариантов написания слова, отождествление вариантов в тех случаях, когда для него могут быть даны формальные правила, фиксация контекста заданной длины, указание источника, расположение по алфавиту, предварительные подсчеты). В случае необходимости машина могла бы «выдать» кривые Курашкевича. Машина не могла бы, однако, выделять отдельные значения слова (если не исходить из чисто синтаксического критерия), типы фразеологических единиц, в которых слово выступает (если эти типы не определены статистически). Машина не могла бы произвести отбора наиболее характерного иллюстративного материала. В целом же работа словарного коллектива могла бы быть значительно облегчена.

Дело состоит, однако, в том, что прежде чем использовать машины для серьезной статистической работы, необходимо точно определить программу работы, наши требования, ввести точные определения для

---

[1] W. Kuraszkiewicz i J. Łukaszewicz, Ilość różnych wyrazów w zależności od długości tekstu, «Pamiętnik literacki», roczn. XLII, zesz. 1, 1951, стр. 168—182.

[2] St. Hrabec, Teoretyczne założenia słownika polszczyzny XVI wieku i ich praktyczna realizacja, «Z polskich studiów slawistycznych...».

[3] Ср. с этой точки зрения резко отрицательную рецензию известного специалиста по теории информации Б. Мандельброта на частотный словарь Йосселсона («Word», vol. 12, № 1, 1956, стр. 157).

[4] См. А. А. Чупров, Очерки по теории статистики, 2-е изд., СПб., 1910, стр. 280—281, примеч. 2.

[5] См. E. Agricola, Elektronische Analyse und Synthese in der Sprachwissenschaft, «Forschungen und Fortschritte», Jg. 32, Hf. 3, 1958.

основных единиц[1], подвергаемых счету. С этой точки зрения анализ работы над словарем может дать, как мне представляется, весьма много поучительного.

В целом, проведенная польскими лингвистами работа над словарем польского языка XVI в. несомненно представляет собой важный вклад не только в польскую лексикографию, но и в общую теорию лингвистической статистики.

И. И. Ревзин

[1] См. И. И. Ревзин, О соотношении структурных и статистических методов в современной лингвистике, сб. «Вопросы статистики речи (материалы совещания)», М., 1958.

J. de Vries. **Altnordisches etymologisches Wörterbuch.**— Leiden, Lf. 1—2, 1957; Lf. 3—4, 1958.

Исландский язык с его чрезвычайно своеобразными путями развития, его архаическим строем, его лексикой, хранящей многие элементы, восходящие еще к общегерманской эпохе, наконец, замечательная, весьма богатая и самобытная литература на этом языке — это все приковывало и продолжает приковывать внимание скандинавистов, германистов и индоевропеистов к данному языку. В этом свете становится понятным, хотя и достойно удивления, что за последние десять лет появилось три этимологических словаря исландского языка[1].

Рецензируемый словарь де Фриза[2], выходящий с 1957 г. (к настоящему времени вышло уже 4 выпуска—до слова *hrip*), намного превосходит вышеуказанные словари. Наряду с готским словарем Фейста, немецким словарем Клуге-Митцка, шведским словарем Хелльквиста он несомненно будет использован не только всеми германистами, но и индоевропеистами. Такому высокому качеству словаря весьма способствовало то, что де Фриз начал работу над словарем, будучи признанным специалистом в области германской мифологии, религии и скандинавской литературы. Отсюда — обилие и точность филологических указаний, проникновенная разработка всех вопросов, связанных с историей и культурой древних скандинавов. Принципы отбора слов не отличаются существенно от других словарей. Включены слова как исландские, так и норвежские, включены также имена личные, имена богов, многие географические названия, даются также названия народов.

Слова расположены в алфавитном порядке, омонимы даются разными словарными статьями. Каждая статья открывается грамматической пометой (часть речи, род существительных и т. д.), затем следуют соответствия в рунических надписях (с точным указанием памятников), соответствия в новоскандинавских языках (исландском, фарерском, норвежском, датском, шведском). Весьма примечательно, что тут же дается написание и значение слова, если оно отличается от исландского в нескандинавских языках (немецком, французском, ирландском, английском и его диалектах —шотландском, оркнейском и т. д.), будучи заимствовано этими языками. Особо даются заимствования из германских языков в финские (причем не только в финский, но и саамский, ливский, эстонский, удмуртский и т. д.). Далее идут соответствия в других германских языках, а иногда и восстанавливаемая общегерманская форма (особенно в случаях, когда фонетическое развитие каким-либо образом затемнено); затем — бесспорные соответствия в других индоевропейских языках. Наконец — ссылки на однокорневые слова. Особо выделяется обзор литературы по спорным этимологиям.

Слова, принадлежащие к одному и тому же индоевропейскому корню, помимо того, что они анализируются в соответствующих словарных статьях, сводятся также в одну группу, рассматриваемую в конце одной из статей. Две иллюстрации:

1. Часть словарной статьи *hark* «шум»: «Широко разветвленное гнездо, которое можно обзорно представить в связи со следующими и.-е. корнями:

(*s*)*kerg*, ср. *hark* „шум", *harka* „тащить со скрежетом", *harki* „мусор", *herkir* „опустошитель, огонь", *hǫrkull* „шум, стыд", *hráki* „слюна", *hrókr* „ворона", *hrækja* „плевать", *skark* „шум, суматоха", *skerkir* „крикун", *skrækr* „крик", *skrǫk* „ложь"

kerk, *krenk*, ср. *hringja* 3 «звонить».
(*s*) *kerd* » *skrati* «тролль»
(*s*) *kerb* » *hróp* «брань», *skrafa* 2 «болтать»
(*s*) *kerp* » *hrafn* «ворон», *skrafa* «болтовня»
(*s*) *kerm* » *harmr* 2 «ястреб»
(*s*) *krei* » *hrína* «кричать», *skrikja* «сойка»
(*s*) *kreu* » *hrjóta* „ворчать"»

2. Часть словарной статьи *gjá* „пропасть, овраг": «Широко представленный индоевропейский корень **gnēi* „зиять", ср.

детерминатив *n*, ср. *gína* «зевать»
» *m* » *geimi* «море», *gima* «отверстие»
» *l* » *geil* «долина», *gil* «ущелье»
» *gh* » *geiga* «сбиться с пути»
» *p* » *gífr* «чудовище»
» *b* » *geipa* „болтать вздор"».

---

[1] См.: F. Holthausen, Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altwestnordischen, Göttingen, 1948; A. Jochannesson, Isländisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1951—1956.

[2] Авторами настоящей статьи приняты во внимание следующие рецензии: F. de Tollenaere, «Leuvense bijdragen», Jg. XLVII, aflev. 1—2, Bijblaad, 1958, стр. 58—61; S. Gutenbrunner, «Deutsche Literaturzeitung», Jg. 79, Hf. 9, 1958, стр. 771—774; K. G. Ljunggren, «Arkiv för nordisk filologi», bd. 73, hf. 1—2, 1958, стр. 98—99.

Таким образом, сочетается алфавитный принцип с легкой обозримостью словообразовательного гнезда, характерной для корневого словаря.

В противоположность Хольтхаузену и Иоганнессону, де Фриз сознательно минует словарь Вальде — Покорного (ссылки на который встречаются сравнительно редко), обращаясь непосредственно к этимологической литературе. Автор не ограничивается общепризнанными этимологиями, а приводит даже маловероятные предположения (снабжая их, конечно, соответствующими комментариями) с точными библиографическими указаниями. Обзор литературы доведен до самого последнего времени (1955 г.), причем охвачен чрезвычайно широкий круг работ из самых разнообразных журналов, несмотря на тяжелые условия работы, о которых автор говорит в предисловии.

С технической стороны словарь издан удовлетворительно. Опечаток сравнительно немного, причем большинство в немецких словах, что, вероятно, объясняется голландским происхождением наборщика. Следует отметить лишь: *bǫrk* вместо *bǫrkr* (s. v. *barrI*), κοιράνος вместо κοίρανος (s. v. *herr*), *hupfen* вместо *hüpfen* (s. v. *byxa*), *gelezen* вместо *gelesen* (s. v. *dalidun*), *Knörpel* вместо *Knorpel* (s. v. *herðar*), *Župitza* вместо *Zupitza* (s. v. *heyja*, *hitta*), *Tonschritt* вместо *Tonleiter* (s. v. *gammi*), *Unterzug* вместо *Unterzeug* (s. v. *hjúpr*), *missmütig* вместо *missmutig* (s. v. *hnípa*). Иногда встречаются неточности в немецких падежных окончаниях: s. v. *flakka*, *flekkr*, *fóðr*, *glot*, *gná*, *heðinn*, *hloðvér*.

Выше уже указывалось на замечательную филологическую разработку каждой статьи. Это проявляется, в частности, в том, что автор часто снабжает слова пометой («встречается лишь в христианской литературе», «встречается поздно» или «засвидетельствовано один раз»). Такие пометы увеличивают ценность словаря, и в этом сказывается огромная эрудиция де Фриза в области древнескандинавской литературы. Для лексической характеристики словаря важно разграничение поэтической лексики и прозаической. Слова, встречающиеся только в поэтических текстах, снабжаются пометой «поэтическое», например: s. v. *freki*, *fúrr*, *fylvingr*, *fýrr*, *gamðir*, *garmr*, *geimi*, *gemla*, *gemlir*.

Ценность словаря увеличивается также благодаря прозрачному методическому построению. Помимо указанного выше приема объединения слов в одно гнездо, следует отметить, что де Фриз очень хорошо дает грамматическую разработку статьи: подробно дается деривация, указываются продуктивные словообразовательные модели, перечисляются отглагольные и отыменные образования, выделяются суффиксы и префиксы. При реконструкции автор четко выделяет детерминативы и там, где это возможно, говорит об их удельном весе в скандинавском.

Положительными чертами словаря следует признать широту анализируемого материала, использование истории реалий, привлечение имен собственных и т. д. Не всякий автор этимологического словаря чувствует себя в силах настолько расширить рамки словаря. Большое достоинство словаря заключается в точности и полноте критико-библиографического материала. Обилие привлекаемых работ просто поражает.

Однако, приводя обширную литературу по той или иной этимологии, де Фриз отнюдь не теряет своего собственного «я» в этимологии, отнюдь не становится лишь компилятором. Он совершенно определенно выступает за или против такой-то точки зрения, обнаруживая при этом осторожность, здраво взвешивая различные возможности при выборе объяснения. Автор часто приводит соображения, представляющие интерес для общей теории этимологии. Нельзя, например, не присоединиться к замечанию s. v. *gnaga*: «...следует при этом заметить, что многие древнесеверные слова совсем не могут быть сведены к индоевропейским праформам, но, вероятно, возникли благодаря чередованию звуков (Lautvariation) в германском или скандинавском». Эту мысль де Фриз настойчиво проводит не только в своем словаре, но и в статье, опубликованной в PBB (Hf. 1, Tübingen, 1958). Он особенно подчеркивает правильность этой мысли в отношении так называемой «аффективной лексики»; ср. замечание s. v. *gnípa* «вершина скалы»: «Объяснение **ga-hnīpa* к *knípa* является излишним, поскольку здесь вероятнее аффективное чередование звуков, которое проявляется также в гласном, ср. *gnapa* „нависать, наклоняться" и *gnúpr* „нависшая скала", и даже в конечном согласном, ср. *gnúfa* „наклоняться" и *gnæfa* „торчать, чваниться"».

Наконец, важно указать на то, что де Фриз пытается включить исландскую (или германскую) лексику в ареал итало-германо-кельтской, давая ссылки чаще всего на Г. Крае (H. Krahe, Sprache und Vorzeit, Heidelberg, 1954, где в главе 11, стр. 79—83 специально разбирается лексика данного ареала) или на В. Порцига (W. Porzig, Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebietes, Heidelberg, 1954).

Несмотря на все свои положительные черты, словарь де Фриза все же вызывает ряд критических замечаний. Включение названий народов и топонимических названий в одних случаях оказывается совершенно оправданным, но в других (подобно *Frísir*, *Goti* и т. д.) лишь загромождает словарь. Топонимику следует, на наш взгляд, включать в словарь лишь в том случае, если данное название представлено на территории Исландии и Норвегии, или если данное слово имеет в древнесеверном какие-либо фонетические, морфологические, семантические особенности[1].

В отношении реконструкции следует заметить, что де Фриз последовательно дает общескандинавскую праформу; в том слу-

[1] На это указывает Ф. Толленаре в упоминавшейся выше рецензии.

чае, если необходима (и возможна) общегерманская праформа, особенно при сопоставлении скандинавской, готской и западногерманской моделей, де Фриз дает и германский архетип.

Возражение может вызвать непоследовательное восстановление моделей то с *i̯* то с *j* [наряду с правильными *erta*< герм. **artian*; *espi*< герм. **aspia*; герм. **falþian* (стр. 117) встречаются противоречащие закону Зиверса реконструкции — герм. **faznjan* (стр. 117), **fōðjan* (s. v. *fœða*)]. С фонологической точки зрения следовало бы всюду давать *j*, поскольку *i̯* и *j* в общегерманском были комбинаторными вариантами одной фонемы.

Можно отметить следующие работы, имеющие значение для этимологии исландских слов, ссылки на которые тем не менее отсутствуют в словаре:

s. v. *ek*: B. Schwarz, The root and its modification in primitive Indo-European, „Language", vol. 23, № 1, Supplement (Language dissertation № 40), 1947 (особенно ввиду неудовлетворительности старого объяснения *eĝ/eĝh* по Петерсону);

s. v. *flekkr*: E. Öhmann, Die ältesten germanischen Lehnwörter im Finnischen, „Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen", I, phil.-hist. Klasse, Jg. 1954, № 2, а теперь H. Fromm, Die ältesten germanischen Lehnwörter im Finnischen, „Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur", Bd. 88, Hf. 2, 3, 4, 1957—1958, стр. 81—100, 211—240, 299—324;

s. v. *goti*: в связи с проблемой литов. *gudaĩ* следует иметь в виду: E. Hermann, Sind der Name der Gudden und die Ortsnamen Danzig, Gdingen und Graudenz gotischen Ursprungs, „Nachrichten der Geselschaft der Wissenschaften in Göttingen", phil.-hist. Klasse, N. F., № 3, 1941; см. рецензию Э. Фрэнкеля на эту работу (IF, Bd. LX, Hf. 1);

s. v. *fiskr*: P. Thieme, Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache, „Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse (der Akademie der Wissenschaften und der Literatur)", Jg. 1953, № 11, Wiesbaden, 1954;

s. v. *gestr*: для сложных слов учесть: E. Wessén, Nordiska namnstudier, „Uppsala universitets årsskrift", 1927, стр. 44 и сл.;

s. v. *gœr*: Specht (KZ, 68, 1944);

s. v. *hestr*: C. Marstrander, De nordiske runeinnskrifter i eldre alfabet, Oslo, 1953.

Из более поздних работ следует также добавить:

s. v. *erg*: A. H. Smith, English place-name elements, pt. II, Cambridge, 1956, стр. 226.

s. v. *es*: H.-F. Rosenfeld, Ingwäonl *he*, *hi* und das germanische Demonstrativpronomen, „Zeitschrift für Mundartforschung", Jg. XXIII, Hf. 2, 1955, стр. 74—110, где доказывается, что *es* в руническом имело значение местоимения указательного. Указание на эту работу следует включить и s. v. *hann*.

s. v. *ey*: E. Wessén, Runstenen vid Röks kyrka, Stockholm, 1958, где дается совершенно другое чтение данного места надписи;

s. v. *Haraldr*: O. Höfler, Stammbaumtheorie, Wellentheorie, Entfaltungstheorie, PBB, Bd. 77, Hf. 1, Tübingen, стр. 51; O. Höfler, German. Sakralkönigtum, стр. 106, Anm. 90, где дается объяснение неперегласованному -a.

Большое значение для работающих в области германской этимологии имеет появившийся первый том этимологического словаря финского языка Тойвонена (J. Toivonen, Suomen kielen etymologinen sanakirja, I, Helsinki, 1955), ссылки на который отсутствуют в словаре. Интересно отметить, что указанное s. v. *gil* 2 фин. *kilu* отсутствует в словаре Тойвонена; что же касается фин. *kave*, эст. *kabe* и т. д. (заимствований из германского, согласно де Фризу s. v. *gefjón*), то они приводятся у Тойвонена без какого-либо указания на германский.

Желательно, чтобы автор унифицировал способ обозначения ключевого слова словообразовательного гнезда в отдельных словарных статьях: путем подчеркивания или обязательной постановки на первое место в ряду однокорневых слов. Было бы весьма желательным также иметь в конце словаря список таких ключевых слов с соответствующими индоевропейскими корнями. Подобный список значительно облегчил бы использование словаря негерманистами.

Более принципиальное значение имеют некоторые этимологические каноны де Фриза, которые не кажутся нам бесспорными. Вряд ли можно спорить против того, что, при прочих равных условиях, этимологии, предполагающие семантическое развитие от конкретного к абстрактному, в общем оказываются более предпочтительными и чаще соответствуют действительности, чем этимологии обратного порядка. Однако у де Фриза этот принцип возведен в догму, причем часто ради этого принципа отвергаются этимологии, удовлетворительные во всех остальных отношениях.

Следует подчеркнуть, что и обратное развитие (от абстрактного к конкретному) наблюдается очень часто. В частности, этому процессу посвящена статья Э. Бенвениста о семантической реконструкции (E. Benveniste, Problèmes sémantiques de la réconstruction, сб. «Linguistics to-day», New York, 1954).

По-видимому, именно стремление автора следовать принципу «от конкретного к абстрактному» и толкнуло его на путь, которым уже 20 лет следует Й. Трир. Теория Трира, несомненно заслуживающая совершенно самостоятельного разбора[1], в нескольких словах сводится к следующему. В жизни древних германцев и древних индоевропейцев большую роль играло так называемое «хозяйство мелколесья» («Niederwaldwirtschaft»), т. е. хозяйственное ис-

[1] Один из рецензентов (А. Я. Шайкевич) собирается вернуться к теории Трира в ближайшее время в специальной работе, посвященной общей концепции этого оригинального ученого.

пользование мелких и молодых деревьев, кустарников, хвороста и т. д. Эти материалы использовались не только для плетения корзин, но и для сооружения жилищ (с применением глины), изгородей и т. д. Трир предполагает существование у индоевропейцев так называемых «мужских обществ» («Mannring»), подобных тем, какие этнографы обнаружили у некоторых народов Африки и Океании; постоянным атрибутом таких обществ были изгороди. На этом предположении Трир основывает громадное количество этимологий индоевропейского и особенно германского словаря.

Не входя в подробное рассмотрение аргументов за и против теории Трира, заметим лишь, что полученные этимологии чрезвычайно шатки в семантическом отношении. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть несколько примеров:

bragr «самый важный, первый, благородный» из «полезный», т. е. «полезный в общей работе» («мужской союз»);

brekka «крутой холм» из «край» из «забор»;

brjóst «грудь» из «грудная клетка» из «сплетение ребер»;

brúðr «невеста», т. е. «вновь пришедшая в род, семью, мужской союз», а отсюда и *bróðir* «брат»— «брат супруга»;

draumr «сон» из «радость» из «пир» (в «мужском союзе»);

dýrr «дорогой» из «любимый (товарищ)» (по «мужскому союзу»);

fél «напильник» из «прибор для полировки и окраски стен»;

fǫlr «бледный» (по цвету глины на стене);

hildr «борьба», т. е. «огороженное место поединка»;

hjalpa «помогать» (т. е. «участвовать в общей работе „мужского союза“»);

hlaupa «бежать» из «прыгать, танцевать», т. е. «танцевать на религиозных церемониях „мужского союза“»;

hljóta «слушать» из «слушать на собрании» («мужского союза»);

dalr «долина», т. е. «огороженное горами место»;

breiðr «широкий», т. е. «ширина огороженного пространства»;

djúpr «глубокий» из «пустой (сосуд)» из «корзина»;

frest «срок, время» из «круг», т. е. «мужской союз».

Создается впечатление, что де Фриз полностью принял гипотезу Трира. Ни разу не возражает он против этимологий Трира. Было найдено лишь одно замечание, звучавшее холодно по отношению к Триру, а именно замечание об отсутствии в германском слов семантически промежуточных между др.-исл. *bíða* «ждать» и лат. *fiscus* «корзина» (чрезвычайно характерный для Трира пример этимологии, основанной на сплошных семантических интерполяциях, без каких-либо промежуточных звеньев. Ср. также соположение др.-исл. *drekka* «пить» и греч. θρυκός «изгородь», объясняемое опять-таки через «мужской союз»). Правда, де Фриз иногда дает этимологии Трира как только одно из целого ряда объяснений (так с др.-исл. *bíða* «ждать», *bragr* «важнейший, первый», *brauð* «хлеб», *brúðr* «невеста», *feima* «робкая девочка» и др.), но поскольку этимологии Трира — хронологически последние, а де Фриз не дает им никаких объяснений, создается впечатление, что де Фриз разделяет точку зрения Трира. В большинстве же случев де Фриз прямо присоединяется к толкованию Трира. Так, s. v. *fold*, присоединяясь к этимологии Трира, он замечает: «таким образом, оказываются несостоятельными прежние этимологии». В некоторых случаях (*brekka* «крутой холм», *brjóst* «грудь», *draumr* «сон», *doði* «бесчувственность», *flaga* «тонкий слой земли» и др.) в словарной статье нет ссылки на Трира, но объяснение построено на его гипотезе; можно полагать, что в таких случаях этимологии принадлежат де Фризу.

Всего в четырех выпусках словаря около 400 слов, так или иначе связанных с гипотезой Трира. Это составляет $^1/_9$ всего словаря — цифра совершенно необыкновенная для слов, восходящих к одной семантической группе. Такое обилие мало обоснованных этимологий настораживает читателя, а это приводит к тому, что подобные этимологии вызывают недоверчивое отношение к себе даже там, где они могут иметь какие-то основания [ср. др.-исл. *akr* «поле (огороженное)», а не «выгон», как раньше; впрочем, Трир не устранил старой этимологии, поскольку он допускает связь «изгородь» и «гнать»; ср. объяснение *drífa* «гнать» из «выгонять (скот) на огороженный луг»].

Все вышеуказанные недостатки не снижают, однако, общего высокого качества словаря. Первые выпуски словаря де Фриза позволяют выразить уверенность в том, что данный словарь безусловно получит одобрение всех специалистов, которых волнуют вопросы истории исландского языка и литературы, вопросы сравнительной грамматики и лексики германских языков.

Э. А. Макаев, А. Я. Шайкевич

Els Oksaar. **Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit.** «Plötzlich», «schnell» und ihre Synonymik im Deutsch der Gegenwart und des Früh-, Hoch- und Spätmittelalters. — Uppsala, 1958. 553 стр.

В последние десятилетия на Западе широкое распространение получила теория смыслового (лингвистического) поля, основоположником которой является Й. Трир[1]. От Трира идут две линии — одни ученые теоретически обсуждают идеи Трира, вы-

[1] Трир говорит о «лингвистических, понятийных, словесных, лексических» полях, но не семантических. Термин «семантическое поле» возник в лингвистической литературе несколько раньше — его выдвинул в 1924 г. Г. Ипсен (см. G. Ipsen, Der alte Orient und die Indogermanen. Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft, Heidelberg, стр. 225), однако разработал теорию поля Трир и его ученики.

двигают новые определения семантических полей; другие — практически исследуют различные лексические группы в разных языках по методу Трира[1]. К последним примыкает и рецензируемая работа Э. Оксара.

В исследовании слов, обладающих значением скорости, у Оксара были предшественники — Г. Стерн и Г. Сандегрен. Стерн анализировал слова английского языка древних эпох, а Сандегрен—слова древненемецкого языка[2]. Ни тот, ни другой не рассматривали взятые слова в современном языке. К тому же оба исследователя изучали лишь отдельные слова, как и Трир, отграничиваясь от целых выражений. Оксар же привлекает и многословные единицы[3] типа *Zug und Zug*; *wie von Affen gebissen...* Оксар провел среди студентов лингвистический эксперимент, состоящий в том, что студентам—эксперименту подверглись участники семинаров В. Бетца и В. Рихтера в Бонне (136 чел., 1953—1954 г.) и Г. Эггерса в Гамбурге (89 чел., 1955 г.)—было предложено отметить все выражения со значением «plötzlich» и «schnell». Для первого значения набралось 246, для второго—630 примеров, которые составили две группы слов и выражений, передающих в одном случае точечную, мгновенную скорость («punktuelle Schnelligkeit», условно PS), в другом — линейную («lineare Schnelligkeit», LS). Такое деление соответствует, по мнению Оксара, единству времени и пространства в нашем понимании физического мира (стр. 22). Затем была вычислена частота употребления слов и выражений. Для 45 слов PS и 89 слов LS был дан опросный лист с целью определить значения этих слов. Некоторые слова вошли в промежуточную группу линейно-мгновенной скорости (PS — LS). Каждую из этих двух групп Оксар делит в свою очередь на центральную и периферийную подгруппы, а в группе PS выделяет еще и самую крайнюю, внешнюю периферию («äusserste Peripherie»).

Для исследования взяты 4 периода: современный немецкий язык, прослеживаемый на материале 222 работ с 1900 по 1956 г. (газеты, журналы, художественная литература); эпоха 770—1170 гг. (81 работа); 1170—1250 гг. (67 работ); 1250—1500 гг. (140 работ). Чтобы не увеличивать слишком объем работы, период с 1500 по 1900 г. отбрасывается совсем. Практическое исследование начинается с современного языка; слова анализируются по намеченным группам (стр. 58—274). Порядок анализа значений можно проследить, например, на наречии центральной группы *plötzlich*. После краткой историко-этимологической справки и выписок из многочисленных современных словарей автор перечисляет 3 значения данного наречия. Далее Оксар приводит примеры на каждое из значений, причем исходит из контекста [для прилагательного он выделяет следующие детерминативы: люди (мужского, женского пола), вещи, звери, части тела, абстрактные существительные...]. В конце разбора слова дается краткий вывод и особо оговаривается употребление наречия. Точно по такому же плану анализируется прилагательное *plötzlich* и другие слова сначала центральной, а затем остальных подгрупп PS (внутри подгрупп слова располагаются по алфавиту), а потом и LS. В отдельных случаях приводится статистика употребления слов у разных писателей. В результате анализа современного состояния языка автор приходит к следующим выводам: 1) к словам, означающим скорость, относятся: а) слова немотивированные (*rasch*, *schnell*, *gleich*) и мотивированные (мотивированные морфологически — *eilig*, *unmittelbar*; фонологически — *bums*, *wuppdich*; семантически— *Hals über Kopf*; *im Hui*); б) рациональные (*sofort*, *plötzlich*, *gleich*) и экспрессивные слова (*flink*, *umgehend*, *in einem Atem*); в) активные и потенциальные употребления слов; 2) контекст важнее, чем отнесенность слов к полю; 3) между словами в группах есть известное соперничество за право господствовать.

Для трех древнейших периодов (стр. 275—344, 345—403, 404—490) слова рассматриваются не по группам, а все подряд. В заключительных главах речь идет об изменениях в сравнении с предыдущим периодом. В противоположность Триру, который считал, что для полей обязательны резкие внешние и внутренние границы (на практике, правда, Трир часто игнорирует свою собственную теорию границ), Оксар настойчиво и совершенно справедливо указывает, что острых границ между группами нет нигде и слова могут переходить из групп PS в группы LS, а внутри этих подразделений — из одной подгруппы в другую. Общая тенденция развития слов следующая: слова из периферийной группы устремляются в центральную. В заключение подытоживается семантическая история отдельных слов. В книге, как мы видим, используется идея трировского поля, однако сам метод исследования сильно отличается от метода Трира. С этой точки зрения книга Оксара является и лемически заостренной против теории поля. Его кри-

---

[1] Метод исследования самого Трира — сравнение по вертикали различных периодов одного и того же языка — применял, например, его ученик Ф. Фродл (F. Frodl). Другой метод, лишь вскользь упоминаемый Триром,— сравнение по горизонтали двух различных языков одного и того же периода — использовали Г. Фишер (H. Fischer), Г. Хюсген (H. Hüsgen); П. Цинсли (P. Zinsli) также исследовал в плане смыслового поля данные диалектов.

[2] G. Stern, *Swift, swiftly* and their synonyms, Göteborg, 1921; H. Sandegren, Die Bedeutungsentwicklung von *schnell* und seinen Synonymen in Hochdeutschen, Uppsala, 1912. Ср.: S. Kallós, *Umsonst, sogleich*, PBB, Bd. 55, Hf. 1, Halle a S., 1931; E. Oksaar, Schelligkeit im Geschäftsstil, „Sprachforum", Jg. 2, Hf. 2, стр. 102—110.

[3] Многословные выражения в пределах одного поля использовал также К. Ройнинг.

тические замечания часто совпадают с критикой таких лингвистов, как А. Рудскогер, К. Ройнинг, В. Бетц.

Основное возражение вызывает само определение поля. По мнению Трира, поля представляют собой «языковые реальности, расположенные между отдельными словами и всем словарем языка; они есть части целого и напоминают отдельные слова тем, что комбинируются в высшую единицу, а весь словарь тем, что сами разлагаются на более мелкие единицы»[1]. Слова покрывают понятийное поле и делят целое на органически связанные куски. Как говорит Трир, «словесное поле представляет собой словесное пальто, словесное покрывало, определенную мозаику, которая подразделят понятийное поле»[2].

В своих исследованиях Трир берет за первичное область понятий, идей, т. е. понятийное поле, а не индивидуальное слово. Эти взгляды Трира не принимаются очень многими языковедами. В частности Оксар, подобно Ройнингу и Рудскогеру, занимающимся изысканиями в области того или иного конкретного смыслового поля, исходит, как мы видели, в своем исследовании из самого слова.

По Триру, значение слова зависит только от значений его соседей; роль контекста в образовании значений не учитывается совершенно. Как пишет Трир, «слова бессмысленны, если противоположные им слова, принадлежащие к тому же понятийному полю, не известны слушающему»[3]; «слова в поле находятся во взаимозависимости друг от друга. Внутри этого целостного здания и получает единичное слово свою внутреннюю понятийную определенность. Слово получает свое значение не как таковое, а только будучи приравненным к этому целому понятию»[4], т. е. полю. Против этого положения выступают Рудскогер, Ройнинг и особенно Оксар, который на протяжении всей работы подчеркивает огромную роль контекста, как лингвистического, так и ситуационного.

Большие нарекания вызвало трировское понимание изменения значений как перегруппировки внутри поля. Наконец, неоднократно указывалось на тот факт, что Трир изучает преимущественно древний период, а не современное состояние языка и сравнивает несколько исторических пластов одного языка. В свое время против этого весьма энергично выступил Бетц. Этот недостаток Трира попытались восполнить Ройнинг, сопоставивший поле эмоций современного немецкого и английского языков, Рудскогер и др. Оксар в своей работе также использует материал современного немецкого языка.

Таким образом, подобно многим западноевропейским лингвистам, Оксар вносит ряд теоретических поправок к учению о смысловом поле Трира. В заключительной главе книги Оксар цитирует слова О. Шпрингера о том, что «проблемы семасиологии так разнообразны и запутаны, что возможны и необходимы многие пути их изучения». По мнению Оксара, целесообразным является путь исследования отдельного слова в контексте. Этот метод Оксар и применяет в практической части своей монографии, посвященной анализу наречий и прилагательных немецкого языка, обозначающих скорость.

Помимо своей практической направленности, труд Оксара интересен для языковедов (особенно германистов) богатым фактическим материалом. В конце книги даны обширная библиография (стр. 537—550) и регистр слов.

А. И. Кузнецова

[1] J. Trier, Das sprachliche Feld, «Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung», Jg. 10, Hf. 4, Leipzig, 1934, стр. 430.

[2] J. Trier, Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes, Heidelberg, 1931, стр. 1.

[3] Там же, стр. 8.

[4] Там же, стр. 2.

№ 5 1959

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Серия статей, в которых синтагматическая теория подверглась серьезному рассмотрению и конструктивной критике (ср., например, M. Camara Jr., A teoria sintagmatica de Mikus, «Revista brasiliera de filologia», Rio de Janeiro, 1956, стр. 245—259; R. L. Wagner, [рец. на кн.:] R. F. Mikus, A propos de la syntagmatique du professeur A. Belić, «Journal de psychologie normale et pathologique», vol. XLVII, 1954, стр. 542—544 и т. д.), недавно пополнилась статьей Е. А. Седельникова (ВЯ, 1958, № 4), которой посвящается это письмо. Мне хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

1. Совершенно справедливо, что моя статья в «Вопросах языкознания» представляет собой лишь совокупность общих тезисов, в связи с чем в ней, естественно, дается весьма неполная характеристика синтагматической теории. Цель этой статьи — привлечь внимание ученых (особенно советских) к указанной теории и в рамках проводимой «Вопросами языкознания» дискуссии о структурализме открыть обсуждение синтагматической теории. В этом смысле моя статья, возможно, и удачна. Более того, несмотря на краткость статьи, заключенный в ней материал дал возможность Седельникову применить мою теорию к лингвистической практике. Отметим между прочим, что синтагматическая теория оказалась полезной не только для изучения русского языка, но также и других языков, например вьетнамского (см. мою статью об агглютинативных языках, которая должна появиться в журнале «Word»), языка соссо (сенегальский язык, насколько я выяснил из моей переписки с Уи из Дакара), латинского, сербскохорватского, французского, английского и туземного американского языка пэют, к которому я, весьма фрагментарно, в меру своих возможностей, применил синтагматический структурализм (см. мои работы). Что касается самой теории, то до сих пор она была наиболее полно изложена в «Principi sintagmatike — rasprava o strukturalno-sintagmatskom jedinstvu govora», которые напечатаны ротапринтом на сербскохорватском языке (Загреб, 1958, докторская диссертация). Один экземпляр этой работы был послан в редакцию «Вопросов языкознания». Седельников, очевидно, не имел возможности ознакомиться с этим экземпляром.

2. Совершенно справедливо, что в моей статье в «Вопросах языкознания», а также в моих «Principi» я особо подчеркиваю морфо-структуральную сторону вопроса. Седельников (и другие) вполне естественно задает вопрос о том, в чем заключаются семиологические основы моих взглядов. «Principi» имеют подзаголовок — «О структурально-синтагматическом единстве речи». Следовательно, прежде всего я хочу сказать, что человеческий язык состоит в принципе лишь из одной типической структуры — синтагмы; важным для меня было констатировать наличие этой структуры в каком угодно знаке, независимо от его ценности. Уже Э. Сепир обнаружил (см. E. Sapir, Le langage, Paris, 1953, стр. 58 и сл.), что *unthinkingly* и *reformers* имеют почти параллельную структуру (но весьма разные функции и ценности). Синтагматическая теория лишь подтверждает это положение, ибо в указанных примерах представители этой теории усматривают две сложные синтагмы, состоящие из меньших синтагм, связанных по теореме сцепления:

$S_1 = think\text{-}/\text{-}ing$ $\quad S_1 = form\text{-}/\text{-}er$
$S_2 = un\text{-}/\text{-}thinking$ $\quad S_2 = re\text{-}/\text{-}former$
$S_3 = unthinking\text{-}/\text{-}ly$ $\quad S_3 = reformer\text{-}/\text{-}s$

Таким образом, структуры этих синтагм grosso modo можно представить в виде формулы $\{[b\cdot(A\cdot c)]\cdot d\}$[1]. Для доказательства единства клеточного строения живой материи не имеет значения, находится ли клетка в тканях руки или ноги, в костях или в коже, в растениях или животных организмах. Также и для разрешения проблемы структурного синтагматического единства языка совершенно неважно, что *он студент* и *дом отца* имеют различные семиологические и функциональные ценности, как правильно замечает Седельников. Главное заключается прежде всего в том, что эти две структуры с морфо-структуральной точки зрения идентичны (элемент отождествления — элемент дифференциации), в чем, как мне кажется, мне удалось убедить Седельникова. А это весьма важно, ибо, исходя из приведенного положения, можно будет продолжить рассуждение.

[1] A = *think*, *form*; b=*un-*, *re-*; c=*-ing*, *-er*; d=*-ly*, *-s*.

Упреки Седельникова относительно отсутствия семиологических соображений перекликаются с упреками Вагнера (указ. соч.), который на моих и на своих собственных примерах пытается показать, что «реальность пропускается через слишком широкие петли в синтагматической сети», и который выражает опасение, что синтагматическая теория «скрывает все особенности тех живых и изменяющихся явлений, которые называются языками». Мой ответ на эти упреки содержится в «Principi» (стр. 63):

«Если до сих пор в целях доказательства структурально-синтагматического единства языка мы избегали семиологического анализа синтагм, то сейчас наступило время заняться этим. Например, мы можем определить высказывание (*utterance*) лишь на основе его семиологической ценности, т. е. как знак, имеющий означающее и означаемое. В самом деле, лингвистический знак, его структура, его имманентный функционализм и лингвистический формализм не имеют смысла сами по себе и для себя; они приобретают смысл, если используются в социальной функции приспособления, придающей языку в целом и в отдельных его звеньях смысл и законченность. Было бы поэтому бесполезным пытаться определить знак лишь с морфо-структуральной точки зрения (как это делают представители некоторых американских школ и как мы это делали до сих пор в „Principi") или с точки зрения общей функции приспособления (как это делают некоторые „теории языка"). Для полного определения знака в теорию следует ввести понятие семиологических типов синтагмы и лингвистического знака вообще.

В самом деле, все, что мы до сих пор говорили о синтагме, представляет собой лишь ее морфологию (в смысле биологии или петрографии), а также имманентные структурные и функциональные соображения, на основе которых мы различаем морфо-структуральные типы синтагм; эти типы — мертвые схемы, пока они не оживляются семиологическими ценностями». Но я не остановился на этом. В тех же «Principi» я наметил синтагматическую иерархию, которая не только определяет синтагматические структуральные типы, специализированные синтагматические функции и автоматизированные категориальные знаки (=«части речи»), но также и семиологические типы лингвистических знаков. С другой стороны специализированные синтагматические функции (определенные схемой) и, наконец, стилистика синтагмы позволяют настолько стянуть петли сети, что из нее не сможет ускользнуть ни один лингвистический факт и что «все эти живые и изменяемые явления» (которые до сих пор считаются однородными и приравниваются друг к другу) займут подобающее им место.

Таким образом, *я не внал в ошибку*, когда избегал семиологических соображений. Наоборот, я в большой мере уже ввел эти моменты, причем на совершенно новой основе; надеюсь, что такой подход окажется более плодотворным, чем прежние.

Американцы не случайно избегают говорить о «meaning». Они преследуют при этом совершенно определенную цель: в течение 20 *лет они стараются разработать* лингвистический структурализм, пригодный для использования при машинном переводе. Этот структурализм должен быть основан лишь на одном формальном морфо-структуральном критерии и должен обходиться по возможности без человеческого (=семиологического) критерия. Таким образом, американцы стараются разработать такую структуральную *теорию*, которая позволила бы пользоваться входной (input) и выходной (output) фазой работы переводной машины без вмешательства человека.

Будущее синтагматической теории и ее разработки зависит, как я уже говорил, от условий и организации работы.

Примечание 1. Согласно синтагматической теории, *он студент* — высказывание, т. е. *дикто-модальная синтагма* (см. мои «Principi»), а *дом отца* — именная актуализирующаяся синтагма.

Примечание 2. Что касается соотношения языка и мышления, то я, к сожалению, не придерживаюсь мнения, высказанного Седельниковым. Однако следует лучше говорить о том, что нас сближает, а не о том, в чем мы расходимся.

Р. Ф. Микуш

Перевел с французского
М. М. Маковский

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И СТИЛЯ ТРУДОВ В. И. ЛЕНИНА В ГДР

В 1957 г. в Берлине Г. Зикмундом была защищена диссертация на тему «Lenins sprachliche Beziehungen zu Marx und Engels» (научный руководитель проф. Г. Г. Бильфельдт)[1]. Диссертация состоит из введения и шести глав[2]. Во введении указывается, что в настоящее время изучение языка Ленина ни в СССР, ни за его пределами не вышло из начальной стадии, хотя необходимость этого изучения не нуждается в особых доказательствах. Большой интерес представляет вопрос о том, как воспринимал Ленин труды Маркса и Энгельса, как эти труды воздействовали на него в языковом отношении. Автор сознательно суживает тему своей научной работы, отказываясь на этом этапе от более подробного исследования того, в чем состоят особенности ленинского искусства перевода. Он расценивает эту диссертацию как скромный вклад в будущие капитальные исследования языка Ленина, требующие громадной предварительной работы, дальнейшего разыскания, отбора и объяснения почти беспредельного материала.

Глава I («Ленинские источники») посвящена уточнению вопроса, какими изданиями трудов Маркса и Энгельса пользовался Ленин в различные периоды жизни (об этом безошибочно позволяют судить его сочинения). Главы II («Ленинские цитаты»), III («Ленинские выписки») и IV («Ленинские переводы») насыщены статистическим материалом и снабжены таблицами, облегчающими справки и точный подсчет. Так, в IV главе автор выясняет, сколько и какие цитаты, из каких произведений появляются у Ленина в его собственном русском переводе. Мы не располагаем ни одним произведением, полностью переведенным Лениным (перевод «Манифеста Коммунистической партии» был утрачен). Отдельно указаны переводы с французских и английских оригиналов, а также работ, первоначально написанных не по-немецки, но впоследствии переведенных Энгельсом на немецкий язык. Автор строго разграничивает разные виды передачи переводов (так как от этого может зависеть достоверность их воспроизведения): стенографический протокол речи; самим Лениным подготовленные публикации; разного рода рукописи (статьи, конспекты, заметки и т. п.), опубликованные позднее. Каждый раздел главы завершается сводной таблицей. По подсчетам автора, всего в рукописях Ленина, не опубликованных при его жизни, содержится около 750 переведенных им строк; в газетных статьях — 376 строк; в журналах — 253,4 строки; в брошюрах и книгах — около 1736 строк и т. д. Отмечаются варианты переводов (305 строк), повторения и случай обратного перевода. Указывается издание произведения Маркса или Энгельса, из которого взято данное место, страницы и строки как по этому изданию, так и по соответствующему тому сочинений Ленина. В целом Ленин перевел на русский язык приблизительно 4045 строк (не считая повторений и вариантов переводов). Это составило бы примерно 100 печатных страниц (если исходить из формата страниц и шрифта 4-го издания).

V глава посвящена исследованию того, как некоторые элементы языка и стиля Маркса и Энгельса в результате постоянного изучения их произведений воспринимались Лениным и развивались им, включаясь в «активный фонд» его стилистических средств. Вместе с идейным богатством Ленин находит здесь и разнообразие выразительных средств языка. Как замечает автор, в настоящей диссертации указанные элементы не могли быть разработаны полностью, так как материал этот слишком обширен. Все обнаруженные им элементы языка и стиля Ленина, в которых отразилось воздействие произведений Маркса и Энгельса, он распределяет по 8 рубрикам: 1) образное сравнение, 2) афоризм, 3) тезис, 4) метафора, 5) крылатое слово, 6) фразеологическое выражение (Redewendung), 7) сарказм как стилистическое средство и 8) антитетическое выражение.

Отмечается частое использование Лениным отдельного словосочетания, представляющего как бы «зерно» известной цитаты. В 7-м разделе подробно разбирается стилистическое применение сарказма, играющего значительную роль в полемике партийной борьбы. Автор показывает, как в ряде случаев у Ленина повторяются или варьируются меткие сатирические высказывания Маркса и Энгельса. Нередко это только «осколки», частицы приведенной ранее цитаты, приспособленные к новой, но аналогич-

[1] Диссертация еще не напечатана; редакция получила ее от автора в рукописном виде.—*Ред.*

[2] Объем диссертации XVI + 206 стр. текста и 12 стр. библиографии.

ной ситуации. Иногда часть цитаты становится у Ленина уже неотъемлемым элементом стиля, органически сливаясь с другими его элементами. Порой за одним словосочетанием или словом, как показывает автор, скрывается целая цитата. В 8-м разделе рассматриваются особенно характерные для стиля Маркса обороты, которые, как предлагает автор, можно назвать антитетическим способом выражения. Это — использование контрастов, сталкивание противоположностей, восходящее к Гегелю и диктуемое сущностью вещей. Ленин очень остро чувствует эту особенность стиля Маркса, близкую к его собственной (ср.: «оружие критики и критика оружия», «рассудок и предрассудок», «экспроприация экспроприаторов», «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы», «ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле» и др.). Интенсивное изучение Маркса и Гегеля не могло не наложить отпечатка на стиль Ленина, оно укрепляло и поддерживало особенную диалектическую выразительность и четкость его языка. Однако, подчеркивает Г. Зикмунд, нужны еще широкие исследования языка классиков марксизма-ленинизма, нужны дальнейшие разыскания, чтобы решить, имело ли место большое языковое и стилистическое влияние Маркса и Энгельса на Ленина.

Последняя, VI глава представляет собой этюд, посвященный истории одного слова, а именно — русским соответствиям слова «Internationale» у Ленина. Прилагательное «international» было образовано в 1789 г. английским юристом Бентхэмом (Bentham), который обозначал сочетанием «international law» понятие «jus gentium», собственно «jus inter gentes» — «международное право». Как юридический термин это сочетание быстро распространилось во Франции и в Америке. В Германии слово «Internationale» стало очень популярным с середины XIX в., главным образом в значении «всеобщий, не ограниченный национальными рамками» (как юридический термин там продолжало существовать «Völkerrecht»). После основания I Интернационала имя этой организации стало широко употребляемым и быстро сократилось до одного слова — «Internationale», которое затем постепенно превратилось в немецком языке из прилагательного в существительное, что отразилось и на его склонении. У Ленина это слово впервые упоминается в 1894 г. в форме женского рода (*Интернациональ*) и изменяется по соответствующему типу склонения существительных (*Интернационали, Интернациональю*). После революции 1905 г. у Ленина всюду уже *Интернационал* — как существительное мужского рода. В работе показывается, как возникла и утвердилась эта форма в соответствии с фонетическими и словообразовательными законами русского языка, объясняется, почему ей предшествовала другая форма.

Отмечаются следующие этапы развития в истории русского названия «Internationale»: 1) перевод полного названия организации «Международное общество рабочих»; 2) употребление сокращенного имени *Интернациональ* — из *Интернациональная ассоциация рабочих*; 3) переход имени из класса «чужих слов» в класс заимствований: *Интернациональ* > *Интернационал*, по продуктивному типу словообразования, ср. *профессиональный революционер — профессионал*.

Автор подчеркивает, что исследование языка Ленина было бы плодотворным для изучения недавней истории русского языка, в частности многих словообразовательных и терминологических проблем. До сих пор, однако, еще не исследованы отношения языка Ленина к русскому языку XIX в., так же как и значение его сочинений для русского языка XX в. Словарь языка Ленина по типу словаря языка Пушкина мог бы пролить свет на эти проблемы.

Н. П. Зверковская

ВТОРАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ВОПРОСАМ ГЕРМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С 2 по 6 марта 1959 г. в Институте языкознания АН СССР проходила Вторая научная сессия по вопросам германского языкознания. В работе сессии, кроме сотрудников института, приняли участие заведующие кафедрами и преподаватели теоретических курсов английского и немецкого языков высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Алма-Аты, Тбилиси, Еревана, Баку, Ташкента, Горького, Риги, Вильнюса, Львова, Смоленска, Пятигорска, Черновиц и других городов Советского Союза — всего более 250 человек. В качестве гостя АН СССР в работе сессии принял участие доктор Р. Гроссе (ГДР).

На сессии были поставлены на обсуждение следующие проблемы: 1) место германских языков в индоевропейской языковой семье, их классификация и связь с другими индоевропейскими языками и друг с другом; 2) проблемы фонологии и современный структурализм; 3) проблемы синтаксиса в сравнительно-исторических исследованиях; 4) проблема литературного языка, диалекта и понятие нормы; 5) некоторые вопросы теории современных германских языков.

Указав на несостоятельность традиционной классификации германских языков на восточную, северную и южную группы, чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунский в своем докладе «Племенные диалекты древних германцев (северная и южная группы)» предложил в истории древнегерманских диалектов выделить только

две основные диалектные группы: северную (скандинавско-готскую) и южную (позднее «западногерманскую»). Докладчик при этом особо подчеркивал, что историческая классификация германских племенных диалектов должна опираться на методику лингвистической географии во взаимодействии с данными археологии и истории древних германцев. Рассматриваемые с этой точки зрения древнегерманские диалекты обнаруживают сеть перекрещивающихся диалектных признаков (изоглосс) фонетического, грамматического и лексического характера, отражающих сложные процессы схождений, расхождений и смешения в длительном историческом развитии древнегерманских племен и народов.

Ст. научн. сотрудник Э. А. Макаев (Москва) в докладе «Понятие общегерманского языка», предприняв попытку рассмотреть фонологические особенности (систему согласных и гласных, ударение, законы конца слова) протогерманского и общегерманского периодов германского праязыка, отрицал возможность использования экстралингвистических данных при описании общегерманского языка. Ненадежной, по мнению докладчика, является также система изоглосс. Э. А. Макаев считает, что тенденции развития кратких гласных в общегерманском языке не позволяют присоединиться к готоскандинавской гипотезе.

Проф. Н. С. Чемоданов (Москва) в докладе «К вопросу о германо-балтийских языковых связях» на основе анализа фонетических соответствий, структурной общности некоторых словообразовательных типов в германо-балтийских языках и гото-литовских лексических соответствий пришел к выводу о существовании в древности засвидетельствованной эпохи исторической общности германских и балтийских языков.

Открывая прения, ст. научн. сотр. Б. В. Горнунг (Москва), соглашаясь с основными положениями доклада В. М. Жирмунского, отметил шаткость критерия изоглосс, которые могут отражать как факты генетической общности, так и факты параллельного развития. Б. В. Горнунг возражал Э. А. Макаеву по вопросу о необходимости при описании общегерманского языка исключать экстралингвистические критерии; он заявил также, что германо-балтийские отношения не могут быть выяснены до решения балто-славянской проблемы.

Проблемам фонологии были посвящены доклады профессоров М. М. Гухман (Москва), М. И. Стеблина-Каменского и С. Д. Кацнельсона (Ленинград). М. М. Гухман в своем докладе «Соотношение фонологии и фонетики в сравнительно-исторических исследованиях» на германском языковом материале сделала ряд общих теоретических выводов. Основной единицей изменения фонологических процессов М. М. Гухман считает дифференциальный признак. Изменение дифференциального признака ведет к перестройке фонологической системы. Ведущим фактором фонологических изменений являются процессы, происходящие на фонетическом уровне. На развитие той или иной фонологической системы оказывает влияние взаимодействие разных факторов — фонетических и фонологических — с морфологическими явлениями.

М. И. Стеблин-Каменский представил доклад на тему «Скандинавское преломление с фонологической точки зрения», С. Д. Кацнельсон — «О слоговой интонации в германских языках».

В. М. Жирмунский в своем выступлении указал, что не все факты, приведенные С. Д. Кацнельсоном, являются одинаково древними и что их сравнительная грамматика вряд ли может быть сведена к каким-то общим истокам.

Разделяя мнение М. М. Гухман о направлениях современной фонологии, В. М. Жирмунский подверг резкой критике американских фонологов, которые принципиальные положения фонологии представляют абстрактно, пренебрегая материальным звучанием и отрывая фонологию от фонетики. Фонема определяется ими не на основе материального характера звука и его различительной функции в языке, а на основе ее места в схеме. Рассматриваются различные соотношения и «треугольники», иногда с полным пренебрежением к фонетической стороне. Среди структуралистов господствует мнение, будто фонологические особенности языка развиваются из структуральных особенностей системы.

В. М. Жирмунский считает, что фонема возникает из варианта, а система развивается под влиянием внесистемных вариантных форм. Новые фонологические отношения возникают в результате фонологизации нефонологических явлений.

Проф. П. С. Кузнецов (Москва) допускает, что в большинстве случаев, хотя и не всегда, фонологические изменения являются следствием фонетических изменений.

Противоположной точки зрения придерживаются профессора Б. А. Ильиш (Ленинград) и М. И. Стеблин-Каменский. Проф. Б. А. Ильиш, выступив с категорическим утверждением о существовании фонологической системы как реального явления, считает необоснованными высказывания некоторых ученых, отрицающих роль фонологических факторов. Проф. М. И. Стеблин-Каменский высказался против сведения фонологических факторов к фонетическим. Основным для фонемы, по мнению М. И. Стеблина-Каменского, является занимаемое ею место в системе.

Проф. С. Д. Кацнельсон обвинил ряд фонологов в том, что они, вместо раскрытия причинных связей явлений, привешивают к этим явлениям фонологические ярлыки. Нельзя фонему брать изолированно от звука. При этом нужно учитывать отношение звука не только к морфологии, лексике, нужно брать систему во всех ее реальных противоречиях.

Проф. В. Г. Адмони (Ленинград) считает, что лингвисты, употребляя термин «система», забывают часто о реальных языковых фактах и их фонетическом содержании. Рассматривая вопрос о фонологизации аллофонов при умлауте, В. Г. Адмони указал, что фонологизация аллофонов зависит не только от редукции звука, вызывающей умлаут.

Проф. И. М. Тронский (Ленинград), признавая продуктивность фонологической точки зрения в историческом языкознании, в качестве примера перестройки фонологической системы языка, вызванной внешним толчком, привел вхождение в фонологическую систему латинского языка греческой фонемы «ипсилон», в результате чего изменился характер противопоставления фонем. Однако нельзя с уверенностью применять фонологические приемы к исследованию мало известных языковых состояний. Фонология требует синхронной системы, которая восстанавливается, как правило, гипотетически, при этом в ней проецируются явления, хронологически различные. И. М. Тронский отрицал возможность применения к праязыковым состояниям статистических критериев.

Проф. В. Н. Ярцева в вопросе о реконструкции фонологической системы не разделила скептицизма И. М. Тронского. При восстановлении прототипов, по мнению В. Н. Ярцевой, можно оперировать не только понятием фонемы как места пересечения каких-то линий системы, но и ее фонетическими характеристиками. Для восстановления фонологической системы мертвых языков необходимо иметь некоторое количество фонетических фактов в родственных языках.

В обсуждении вопросов фонологии приняли участие доц. Н. А. Слюсарева (Москва), доц. Б. М. Задорожный (Львов), В. Я. Плоткин (Петрозаводск) и доц. Л. А. Близниченко (Киев).

Оживленная дискуссия велась на сессии по докладу В. Н. Ярцевой «К вопросу об инновациях в области синтаксиса». Под инновациями в сравнительно-историческом синтаксисе В. Н. Ярцева понимает преобразование синтаксических моделей, являющихся автохтонными для данной группы родственных языков. Если для целей реконструкции общих синтаксических моделей необходимо выделить то сходное, что существует в родственных языках, то для определения инноваций при сравнении синтаксического строя родственных языков важнее обращать внимание на различия, имеющиеся в этих языках. При анализе форм развития синтаксических моделей следует учитывать: а) степень частотности данной модели и б) место, занимаемое данной моделью в ряду близких ей синтаксических конструкций. В. Н. Ярцева разграничивает понятия «сочетание слов» и «словосочетание». Аналитическая форма глагола, будучи сочетанием слов, не может быть названа словосочетанием. Основной единицей синтаксического исследования должно быть словосочетание, потому что любое преобразование, даже происходящее в предложении в целом, всегда имеет свое начало в словосочетании. По мнению В. Н. Ярцевой, есть два основных синтаксических закона — опрощение и переразложение.

Б. М. Задорожный отметил, что архаическим элементом в системе синтаксиса не обязательно должна быть модель, которая засвидетельствована в разных родственных языках. Архаическим может быть и явление внесистемного характера, совершенно изолированное в каком-то одном языке.

В. Г. Адмони указал, что при определении синтаксических изменений не всегда следует исходить только из словосочетания, необходимо учитывать также структуру сложного предложения и проблему модальности.

В. М. Жирмунский высказался против сведения синтаксиса к словосочетаниям, так как синтаксис предложения часто ставит вопросы, которые находятся вне проблемы словосочетания, примером чему может служить проблема образования сложноподчиненных предложений. Неправомерно было бы также проблему сложноподчиненного предложения сводить к переразложению.

Канд. филол. наук А. М. Мухин (Ленинград) поддержал тезис В. Н. Ярцевой о важности учета степени частотности данной модели. В прениях по докладу В. Н. Ярцевой выступили также Б. А. Ильиш и канд. филол. наук В. М. Шапиро (Харьков).

С большим вниманием на пленарном заседании сессии был заслушан доклад доктора Р. Гроссе (ГДР) «Литературный язык, полудиалект и диалекты на территории Саксонии». Доктор Гроссе, классифицируя немецкий национальный язык, наряду с горизонтальным «формальным» членением, выделяющим Schriftsprache «литературный язык», Umgangssprache «полудиалект» и Mundart «диалект», вводит вертикальное «функциональное» членение, учитывающее пространственное и социальное распространение, а также ситуацию говорения, в результате чего классификация немецкого языка превратилась в стройную, хотя и довольно сложную систему.

Близко к докладу доктора Гроссе по тематике примыкал доклад ст. научн. сотр. С. А. Миронова (Москва) «К вопросу о формировании литературной нормы в нидерландском языке», в котором показан процесс формирования литературной нормы нидерландского языка, обусловленный сложным взаимодействием двух факторов: старой письменной литературной традиции фламандско-брабантского варианта средненидерландского языка, положенного в основу письменной разновидности нидерландского языка, и новой, смешанной по своему характеру голландской диалектной базы, на которой сложилась его устная (разговорная) форма.

В. М. Жирмунский, высоко оценивая попытку Гроссе рассмотреть формальные

различия между диалектом, полудиалектом и литературным языком, вместе с тем полемизировал с ним по поводу его терминологии.

М. М. Гухман подробно остановилась на анализе терминов «письменный» и «литературный» язык, а также указала на неточность понимания немецкого термина Umgangssprache, который употребляется у нас в значении «разговорный язык», в то время как в Германии он обозначает полудиалект, т. е. промежуточную ступень между диалектом и литературным языком.

Несколько упрощен взгляд у нас и на процесс образования национальных языков, который обычно сводится к тому, что в основе литературной нормы национального языка обязательно должен лежать один определенный диалект.

По докладу доктора Гроссе выступили также преподаватель Е. В. Фишман (Саратов) и доц. Н. А. Булах (Ярославль).

Кроме пленарных заседаний, на сессии работали английская и немецкая секции. На английской секции были заслушаны и обсуждались доклады Б. А. Ильиша, В. Н. Ярцевой, Г. П. Торсуева и А. А. Уфимцевой.

Проф. Б. А. Ильиш в докладе «Развитие способов выражения смыслового предиката в английском языке» указал на необходимость исторического подхода к изучению способов выражения смыслового предмета.

Основными из этих способов, по мнению Б. А. Ильиша, являются: а) порядок слов в предложении; б) артикли и другие определители при существительном; в) частицы (ограничительные и выделительные), а в устной речи и интонация.

Выступавшие в прениях предостерегали докладчика против смешения логических и языковых категорий (проф. Г. Н. Воронцова), указывали на нечеткое разграничение смыслового и психологического предиката (доц. Л. З. Иофик, Ленинград), понятия и значения (канд. филол. наук А. А. Нелёлов, Орджоникидзе), а также возражали и против термина «смысловой предикат» (Г. Н. Воронцова; доц. Э. П. Шубин, Пятигорск; канд. филол. наук Г. М. Райхель, Калинин).

Проф. В. Н. Ярцева в докладе «Проблема парадигмы в языке аналитического строя» указала, что грамматические категории находят свое выражение в парадигмах, присущих различным частям речи. Следует при этом различать понятия «парадигма» и «парадигматический ряд». Последний должен строиться на основе единообразного способа выражения грамматического значения, т. е. быть либо только флективным, либо только аналитическим. Парадигма же, охватывая всю совокупность парадигматических рядов, может содержать в себе одновременно как аналитические, так и флективные формы.

Признавая наличие в английском языке аналитического спряжения, В. Н. Ярцева отрицала существование в нем аналитического склонения, так как предлог выражает отношение между двумя членами словосочетания.

Проф. Г. Н. Воронцова указала на необходимость различать слова-лексемы и слова-нелексемы, слова-морфемы.

Проф. П. С. Кузнецов возражал против отнесения предлога к синтаксису, а связи между словом и морфемой—к морфологии. По мнению П. С. Кузнецова, здесь нет никакой разницы, так как функция морфемы определяется синтагматикой.

Доц. Э. П. Шубин высказал мысль, что между основой и синтагмой нет промежуточной единицы языка, так как основы комбинируются непосредственно с синтагмами при помощи грамматических средств. По мнению Э. П. Шубина, конверсия есть разновидность семантического (а не морфологического) словообразования, при которой основа попадает в новый семантический разряд, т. е. в новую часть речи, где она обрастает новыми парадигматическими показателями. С замечаниями по докладу выступили канд. филол. наук М. В. Янкошвили (Тбилиси), Б. А. Ильиш и канд. филол. наук Г. М. Райхель.

В докладе ст. научн. сотр. Г. П. Торсуева (Москва) «О структуре слога в современном английском языке» был дан анализ фонетической структуры слога, куда, по мнению докладчика, входят: а) фонемная структура, включающая в себя состав и количество фонем, их последовательность и возможность сочетания; б) структура соединения фонем, представляющая собой определенные, характерные для данного языка способы связного произнесения сочетаемых в слове фонем, проявляющиеся в определенном соотношении фаз их артикуляции; в) силлабическая структура, характеризующая собой слогоделение, количество слогов, их строение и возможное местоположение в слове; г) акцентно-ритмическая структура, которая представляет собой определенное соотношение слогов слова, образующее акцентный тип слова и характеризующее его ритмическое строение.

Расходясь с Г. П. Торсуевым в определении фонемы, П. С. Кузнецов отметил, что при любом понимании фонемы слог по существу не является фонологической единицей, по крайней мере в тех языках, где слоговая граница не совпадает с границей слогового членения. В обсуждении доклада приняла участие доц. М. П. Вецозола (Рига).

Мл. научн. сотр. А. А. Уфимцева в докладе «Принципы исторического изучения лексико-семантических групп» указала, что предметом историко-семантического изучения служат лексико-семантические группы слов. Лексико-семантическая группа отличается в принципе как от «предметных групп», составляемых из области обозначаемых предметов, так и от «семантических полей», в основу которых кладутся абстрактные круги и сферы чистых понятий. С замечаниями по докладу выступили канд-ты филол. наук А. А. Не-

елов, Н. Ф. Пелевина (Черновцы) и Ю. Л. Лясота (Владивосток).

Заседания немецкой секции были посвящены обсуждению докладов В. Г. Адмони, О. И. Москальской и С. А. Миронова.

Проф. В. Г. Адмони в докладе «Проблема общего падежа в современном немецком языке» дал подробный анализ развития в немецком языке тенденции использования формы именительного падежа в качестве так называемого общего падежа.

Проф. Е. Г. Ризель (Москва) считает, что в связи с проблемой «общего падежа» возникает вопрос о языковых и стилистических нормах современного немецкого языка. Замена любого падежа (в частности, генитива) новым падежом без флексии способствует тому, что синтаксическая структура предложения становится более гибкой.

Доц. Е. И. Шенделькс (Москва) обратила внимание на случаи грамматической нейтрализации формы имени существительного в определенной позиции, как на результат снятия противопоставления между прямым и косвенным падежом, и призвала изучать процессы нейтрализации в области лексики и грамматики. В обсуждении доклада приняли участие М. М. Гухман, канд. филол. наук М. В. Раевский (Петрозаводск) и доц. Е. Н. Риттер (Горький).

В докладе проф. О. И. Москальской (Москва) «Структурно-семантические разряды слов в составе части речи» сделана попытка, наряду с грамматическими, выделить также структурно-семантические разряды слов с учетом лексического значения отдельных групп слов в составе части речи (исчисляемость и неисчисляемость у имен существительных; относительность у прилагательных; переходность и непереходность, предельность и непредельность у глаголов).

М. М. Гухман, возражая О. И. Москальской, заявила, что выделение групп на основе таких категорий, как предельность и непредельность, переходность — непереходность, а также деление глаголов на вспомогательные, полнозначные и модальные — совершенно разные и притом несопоставимые явления.

На сессии были подняты также вопросы об улучшении координационной работы научно-исследовательских учреждений и учебных заведений (А. Р. Гешеле, Бельцы, Молдавской ССР) и усилении работы по терминологии (В. М. Жирмунский, М. М. Гухман, В. М. Шапиро, Н. Г. Юрченко, М. В. Янкошвили, Б. А. Ильиш, Г. Н. Воронцова, Э. П. Шубин, Г. М. Райхель), а также о необходимости издания на иностранных языках учебников и учебных пособий (Ю. В. Цареградская, Смоленск; А. Р. Гешеле). Многие выступавшие говорили о настоятельной необходимости издания журнала по романо-германской филологии (А. Р. Гешеле, В. М. Жирмунский, Н. Г. Юрченко, Ю. Л. Лясота).

И. П. Анацкий

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА НА МЕСТАХ

Помещенный ниже перечень диссертационных тем, по которым ведется работа в 1959 г. на кафедрах высших учебных заведений страны, представляет собою завершение обзора, начатого в предыдущем номере журнала [1]. Источником для данного перечня послужили сведения, присланные на 1 июня с. г. 46 педагогическими институтами (см. список в конце обзора).

Как и в первой части обзора, диссертационная тематика для удобства справок расположена в алфавитном порядке по языкам [2]. В особые группы выделены темы диссертаций, построенных на сопоставлении или сравнении исследуемых фактов двух языков. В скобках после названия темы дается фамилия диссертанта (если она была указана в полученных сведениях) и цифра, обозначающая порядковый номер соответствующего вуза по алфавитному списку институтов (см. в конце обзора) [3].

Английский язык

А. Фонетика

1. Артикуляционная база современного английского языка (В. М. Вронский; 14).

Б. Лексика

1. Слово-заместитель *one* в современном английском языке (В. М. Аринштейн; 14).

2. Лексические особенности диалогической речи в современном английском языке (З. П. Алексютина; 14).

3. К вопросу о классификации эмоциональной лексики в современном английском языке (В. Р. Мальцев; 14).

4. Фразеологические единицы современного английского языка, основанные на пословицах (И. М. Оницкапская; 14).

5. Семантико-структурные особенности фразеологических единиц определенного типа (М. Ф. Харенко; 4).

6. Образование сложных фразеологических оборотов (Р. П. Дворжецкая; 1).

7. Фразеология в толковых словарях английского языка (Г. Д. Филановский; 4).

---

[1] См. ВЯ, 1959, № 4, стр. 143.

[2] Диссертации на методические или педагогические темы в список не включались.

[3] Исключение составляют наименования тем диссертаций, которые вместо цифры имеют обозначение КБУ — Кабардино-Балкарский гос. ун-т.

В. Морфология

1. К вопросу о словообразовании прилагательных в английском языке (Р. П. Павлович; 32).
2. Глаголы, образованные от существительных в современном английском языке (Э. Л. Шейвахман; 20).
3. Значение и употребление грамматических средств выражения понятия будущего в современном английском языке (36).
4. Причинные союзы в современном английском языке (40).
5. Семантические соотношения при конверсии в английском языке (Г. П. Троицкая; 14).
6. Соотношение слов в конверсии в современном английском языке (Н. И. Лихошерст; 4).
7. О группе наречий, относящихся ко всему предложению в современном английском языке (Т. П. Борисова; 14).
8. Предлоги — выразители деликативных отношений в современном английском языке (Г. С. Качкина; 14).
9. Собирательные существительные в английском языке (З. И. Котова; 14).
10. Сочетаемость существительных с предлогом *for* в английском языке (Г. Д. Полищук; 14).

Г. Синтаксис

1. Конструкция «*to be going* + инфинитив» в английском языке (Р. И. Циба; 35).
2. Конъюнктив и его эквиваленты в условиях придаточных предложений в современном английском языке (36).
3. Двучленные и многочленные словосочетания с препозитивным субстантивным определением в современном английском языке (С. М. Блехер; 20).
4. Случаи синтаксической связи, промежуточные между сочинением и подчинением в современном английском языке (В. И. Жельвис; 14).
5. Предложения с однородными глагольными сказуемыми в современном английском языке (Е. Д. Максимова; 14).
6. Грамматическая специфика и классификация обстоятельств сопутствующего действия в современном английском языке (Н. Л. Минкович; 14).
7. Развитие синонимии неличных оборотов и придаточных предложений причины и времени в английском языке (М. И. Оссовская; 14).
8. Словосочетания «существительное + глагол» в современном английском языке (Г. Г. Сельницкий; 14).
9. Интонация обстоятельств времени и места в современном английском языке (И. С. Сорокина; 14).
10. Интонация коммуникативных типов предложений (Э. В. Собуцкая; 4).
11. Интонация неместоименного вопроса и ответа, выраженная словами и их эквивалентами (О. Ф. Пилипенко; 4).
12. Несобственная прямая речь в современном английском языке (На материалах произведений Джона Голсуорси) (А. Б. Танченко; 4).
13. Несобственно-прямая речь в английском языке (В. В. Шкалина; 14).
14. Вопросительные предложения в английском языке (Л. Ф. Шутенкова; 14).

Д. История языка

1. Проблемы исторической лексикологии (канд. филол. наук Р. Г. Зятковская; 4). Докторская диссертация.
2. Закономерности процесса утраты конечного *е* среднеанглийского существительного в дательном падеже единственного числа (36).
3. Этимологические дублеты в английском языке (М. М. Сегаль; 14).
4. Возникновение и развитие союзных наречий в английском языке (С. В. Шиперович; 14).
5. Историко-семасиологическое исследование группы глаголов, выражающих понятие «искать» в английском языке (Л. И. Семенова; 14).
6. Исторический принцип орфографии в английском языке (Л. С. Юркова; 14).

Баскский язык

1. Материалы для баскского этимологического словаря (канд. филол. наук Ю. В. Зыцарь; 21). Докторская диссертация.

Белорусский язык

1. Конструкция с косвенными падежами в белорусском языке (канд. филол. наук М. М. Барковский; 16). Докторская диссертация.
2. Фонетические черты говоров Могилевской области (А. А. Малышева; 16).
3. Морфология говоров Могилевской области (Н. Я. Сергеев; 16).

Кабардинский язык

1. Русские слова, вошедшие в кабардинский язык (М. Л. Апажев; КБУ).

Немецкий язык

1. Немецкие диалекты Славгородского района (36).
2. Модальные и эмоциональные частицы в немецком языке (2).
3. Сложные глаголы в современном немецком языке (В. Е. Витте; 34).
4. К вопросу о синонимии предлогов в немецком языке (Е. Д. Троцык; 20).
5. Способы выражения антонимичности в немецком языке (36).
6. Конструкция «*sein* с причастием 2 переходных глаголов» в немецком языке (2).
7. Отношения между пассивом с *werden* и конструкцией с *sein* в немецком языке (2).
8. Бессоюзное условное предложение в немецком языке (2).
9. Структурно-синтаксическая характеристика причинных предложений в древневерхненемецком языке (2).

Памирский язык

Баджувский диалект памирского языка (Д. Карамшоев; 31).

Русский язык

А. Изучение языка художественных произведений

а) Язык и стиль писателей

1. Эпистолярный стиль Пушкина (В. М. Филиппова; 27).
2. Язык и стиль драматургии М. Ю. Лермонтова (канд. филол. наук Г. А. Пустынников; 12). Докторская диссертация.
3. Язык и стиль романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» (Б. Ф. Любченко; 12).
4. Язык сатиры Некрасова (Л. Шабалина; 13).
5. Язык и стиль «Уральских сказов» Бажова (3).
6. Народные элементы в языке М. М. Пришвина (На материале произведений 40-х годов) (В. П. Мельников; 46).
7. Особенности языка и стиля басен С. Михалкова (3).

б) Текстология

1. Принципы установления подлинных текстов сочинений В. Г. Белинского на основе данных языка и стиля (По материалам XIII т. «Полного собрания сочинений») (Е. Ф. Решетникова; 9).

в) Лексика и фразеология художественных произведений

1. Лексико-фразеологический состав русской демократической сатиры XVII в. (3).
2. Иноязычная лексика в «Путешествии стольника П. А. Толстого по Италии» (конец XVII в.) (Д. П. Дробинина; 14).
3. Лексико-стилистические особенности языка мемуарной литературы второй половины XVIII в. (На материале записок А. Т. Болотова, Г. И. Добрынина, С. Порошина, М. В. Данилова, дневника поручика Васильева и др.) (канд. филол. наук П. В. Бурба; 19). Докторская диссертация.
4. Лексика художественной прозы М. Д. Чулкова (И. А. Валентинова; 41).
5. Славянизмы и их функции в стихотворном языке К. Батюшкова (3).
6. Общественно-публицистическая лексика и фразеология в «Почте духов» И. А. Крылова (Г. Г. Жвания; 13).
7. Лексика романа Лермонтова «Герой нашего времени» (3).
8. Лексика произведений Н. Г. Помяловского (канд. филол. наук М. М. Орлов; КБУ). Докторская диссертация.
9. Лексика и фразеология Л. Толстого (На материале произведений 80-х годов)(43).
10. Словообразование имен существительных в произведениях В. В. Маяковского (С. Г. Собакин; 46).
11. Сравнения в художественной прозе А. М. Горького и способы их выражения (3).
12. Разговорно-просторечная и диалектная лексика в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» (С. А. Колтаков; 6).
13. Лексика романа С. П. Злобина «Степан Разин» (3).
14. Фразеология «Записок» А. Т. Болотова (М. Ф. Бурба; 19).
15. Синонимика имен существительных в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (Н. А Романова; 46).
16. Синонимика имен прилагательных в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (Е. С. Виленчик; 46).
17. Синонимика глаголов в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (В. В. Селезнева; 46).
18. Фразеологизмы и их стилистическое назначение в романе И. А. Гончарова «Обломов» (Т. П. Тараненко; 35).
19. Синонимика прозы К. Симонова (З. И. Малярчук; 42).

г) Грамматические классы и конструкции, их функции в художественных произведениях

1. Наречие в русских повестях второй половины XVIII в. (3).
2. Морфологические типы и семантические группы прилагательных в творчестве В. А. Жуковского (3).
3. Глагол, его формы и синтаксические функции в языке басен Крылова (3).
4. Деепричастные конструкции в произведениях И. А. Крылова (Г. Н. Самарина; 9).
5. Семантико-стилистические функции имен прилагательных в языке художественной прозы Пушкина и Лермонтова (И. В. Рыбакова; 46).
6. Обособление в произведениях В. Г. Короленко (украинский цикл) (3).
7. Деепричастие и деепричастные обороты и их функция в художественных произведениях А. М. Горького (В. Ф. Кузина; 6).
8. Прилагательные в функции определения (по повести А. И. Куприна «Поединок») (Л. А. Качаева; 46).
9. Суффиксы эмоциональной оценки имен существительных в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (В. Н. Покуц; 35).
10. Формы несобственно-прямой речи в трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (Н. В. Кащавцева; 7).
11. Синтаксис простого и сложного предложения в поэме Твардовского «Василий Тёркин» (А. М. Самурин; 12).
12. Синтаксические особенности русских повестей Квитки-Основьяненко (Т. Е. Величко; 34).
13. Прилагательные и их стилистические функции (На материале дилогии К. Федина) (Л. И. Донецких; 14).
14. Порядок слов в простом предложении в языке художественной прозы советского периода (На материале «Поднятой целины» М. Шолохова) (3).

Б. Современный русский литературный язык

а) Лексика. Фразеология. Лексикография

1. Словообразовательные средства выражения экспрессивности в названиях лица в современном русском языке (М. Ф. Скорнякова; 28).
2. Иноязычная лексика в современном русском литературном языке (По материалам газет) (М. М. Ягпятинская; 46).
3. Освоение иноязычных слов (на материале немецких заимствований) в русском языке (Е. А. Мейсахович; 28).

4. Слова французского происхождения в активном словаре современного русского языка (Т. Э. Кудрявцева; 10).

5. Синонимика падежных и падежно-предложных конструкций в современном русском языке (Д. В. Уткин; 24).

6. Семантико-грамматические разряды фразеологических единиц в русском языке (канд. филол. наук А. В. Яковлевская; 32). Докторская диссертация.

7. Разговорная фразеология в современном русском языке (П. В. Ткаченко; 27).

8. Речевая парцелляция в современном русском языке (Ю. В. Ванников; 27).

9. Академический словарь русского языка под ред. акад. А. А. Шахматова (И. Н. Шиманская; 14).

б) Грамматика современного русского языка: морфология

1. Лексические и грамматические процессы при словообразовании в русском языке (Г. М. Ничникина; 17).

2. Морфологические чередования в современном русском языке (Г. А. Смирнова; 17).

3. Бессуффиксные существительные, соотносительные с глаголами, в современном русском языке (Н. А. Крылов; 17).

4. Префиксально-суффиксальное образование прилагательных в современном русском языке (Е. Ф. Виноградова; 7).

5. Словообразование прилагательных от прилагательных в современном русском языке (Л. Г. Титова; 17).

6. Прилагательные с суффиксами эмоционально-оценочного характера в современном русском языке (П. Ф. Иванова; 8).

7 Значения и синтаксические функции местоимений-прилагательных в современном русском языке (В. М. Малютина; 18).

8. Грамматическое значение глагольных приставок в современном русском литературном языке (А. И. Конова; 28).

9. Проблема управления глаголов, обозначающих процессы речи (Г. В. Степанова; 18).

10. Повелительное наклонение в русском языке (А. В. Немешайлова; 23).

11. Адвербиализация в системе творительного падежа (О. С. Орлова; 26).

12. Предикативные наречия в русском языке (А. П. Валькова; 11).

13. Значение и употребление предлогов *в — из*, *на — с* при глаголах направленного движения с именами существительными, обозначающими место (22).

14. Наблюдения над функционированием местоимений в русском языке (Г. И. Суворова; 37).

15. Наблюдения над процессом адвербиализации существительных в родительном падеже с предлогами *без* и *до* в современном русском языке (А. С. Дымский; 29).

в) Грамматика современного русского языка: синтаксис

1. Устойчивые сочетания слов, оформленные как предложения (О. В. Шавкунова; 37).

2. Слова, сочетания слов и предложения со значением сравнения (канд. филол. наук А. Ф. Кулагин; 37). Докторская диссертация.

3. Словосочетания существительных с зависимыми наречиями в современном русском языке (Л. К. Чикина; 29).

4. Словосочетания со сравнительной и превосходной степенью в качестве подчиняющего и подчиненного слова в современном русском языке (Н. А. Троицкая; 41).

5. Глагольно-именные сочетания с родительным падежом в современном русском языке (Ю. В. Солоницын; 7).

6. Управление как тип синтаксической связи в именных словосочетаниях с родительным падежом имени существительного (А. К. Жданова; 30).

7. Синтаксическая омонимия в современном русском литературном языке (А. Г. Щепин; 41).

8. Синтаксические смещения в русском языке (А. А. Коротаев; 27).

9. Несогласованное сказуемое в современном русском языке (Т. Е. Гильчёнок; 25).

10. Приложение в современном русском языке (К. П. Орлов; 26).

11. Предложения с однородными членами при обобщающем слове (А. Б. Паламарчук; 25).

12. Конструкция с союзом *чем* в современном русском языке (Я. И. Тесля; 25).

13. Номинативные предложения и сходные с ними по форме синтаксические конструкции в современном русском литературном языке (А. С. Попов; 11).

14. Структура простого безглагольного предложения (к вопросу о неполных предложениях) (Б. И. Фоминых; 18).

15. Предложения с соотносительными словами в русском языке (Н. Н. Кудинова; 17).

16. Вопросительные предложения в современном русском языке (А. Д. Осоловская; 37).

17. Бессоюзные предложения со значением противопоставления в современном русском языке (А. Е. Пак; 39).

18. Сложносочиненное вопросительное предложение (Р. Я. Саакьян; 25).

19. Сложное предложение с сочинением и подчинением в русском языке (Н. Н. Холодов; 17).

20. Сложноподчиненное предложение с присоединительным придаточным предложением (Е. В. Коток; 17).

21. Присоединение как особый тип синтаксической связи в современном русском языке (22).

22. Сложноподчиненные предложения с придаточным, раскрывающим именную часть составного сказуемого в главном (22)

23. Сложноподчиненное предложение с придаточными, относящимися к однородным членам главного предложения (Ю. В. Коваленко; 25).

24. Сложноподчиненное предложение с придаточным места (В. К. Покусаенко; 25).

25. Сложное предложение с соподчине-

нием и последовательным подчинением Г. Ф. Калашникова; 25).

26. Несобственно-прямая речь в современном русском литературном языке (36).

В. Диалектология и история русского языка

а) Диалектология

1. Лексика флоры Рязанского края (И. П. Гришина; 26).

2. Лексика одежды и украшений в некоторых говорах Захаровского района Рязанской области (Ю. П. Чумакова; 26).

3. Лексика в говоре поселений по р. Курши (рязанск. мещеры) (В. Т. Ванюшечкин; 26).

4. Лексика говоров Верх-Убинского района Восточно-Казахстанской области (Н. Е. Дмитриева; 38).

5. Лексика старожильческих говоров Минусинской группы районов (К. П. Римашевская; 9).

6. К вопросу о классификации и происхождении современных типов предударного вокализма в с.-в.-р. говорах (Е. Н. Иваницкая; 17).

7. Суффиксальное словообразование глаголов (На материале народных говоров) (43).

8. Говоры Пречистенского района Ярославской области (М. Н. Бородина; 46).

9. Говоры Мышкинского района Ярославской области (О. А. Соцкова; 46).

10. Говоры Середского района Ярославской области (З. А. Николаева; 46).

11. Говоры Костромского района Костромской области (К. И. Маков; 46).

12. Говоры Западной Брянщины (Фонетическая система) (А. Б. Пеньковский; 14).

13. Фонетико-морфологический очерк ливенских говоров Орловской области (Е. И. Кирсанова; 21).

14. Чокающие говоры Кировской области (Л. Н. Макарова; 7).

15. Говоры русских переселенческих сел Кировоградской области (И. И. Ляховецкая; 6).

16. Говоры Сосновоборского района Пензенской области (Л. А. Зелецукина; 23).

17. Говоры западных районов Ставропольского края (Н. С. Бушина; 30).

18. Говор северо-восточной части Емельяновского района Красноярского края (В. В. Алехина; 9).

19. Говор селений по Московскому тракту в западной части Красноярского края (Р. Т. Гриб; 9).

20. Старожильческие говоры Енисейского района Красноярского края (А. И. Иванова; 9).

21. Явления морфологической аналогии в говорах Свердловской области (Н. А. Пашковская; 28).

22. Говор с. Бобровки Восточно-Казахстанской области (К. В. Маерова; 38).

б) Язык памятников

1. Язык писцовых книг Рязанского края (К. Г. Пронина; 26).

2. Язык Устюжской кормчей XIII—XIV вв. (палеографический и лингвистический анализ рукописи Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, Рум. № 230) (В. Е. Ушаков; 7).

3. Язык деловых документов Красноярского острога XVII— начала XVIII в. (Фонетика) (Н. Е. Попова; 9).

в) Историческая лексика

1. Лексика, служащая для обозначения цветовых понятий в русском языке по письменным памятникам XI—XIII вв. (М. А. Малютина; 8).

2. Лексический состав летописи Авраамки (М. Г. Еренбург; 44).

3. История русской арифметической терминологии (Б. Б. Максимов; 14).

4. Терминология родства в сравнительно-историческом освещении (с привлечением данных из рязанских говоров). (И. М. Шарапова; 26).

5. Терминологическая лексика изобразительных средств в статьях и письмах художников-живописцев XIX—XX вв. (В. М. Сергеев; 14).

г) Топонимика

1. Топонимика рязанского края по писцовым книгам и грамотам XVII—XVIII вв. (З. П. Никулина; 26).

2. Топонимика и лексика ландшафта Касимовского района Рязанской области (А. М. Корнилаева; 26).

д) Историческая грамматика

1. Категория видов в древнерусском языке (Л. Т. Демиденко; 14).

2. Глагольная система в I Новгородской летописи по Синодальному списку (З. Ф. Петрусь; 7).

3. Беспредложное применение управление в связи со значением падежей в древнерусском языке по памятникам XI—XIV вв. (М. Г. Фавилович; 14).

4. Глагол и его формы в «Пандектах» Никона Черногорца (А. Г. Исакин; 46).

5. К вопросу о словообразовании глагола по памятникам XII—XIII вв. (Л. С. Орлянкина; 17).

6. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI ст. (36). Докторская диссертация.

7. История форм прошедшего времени в древнерусском языке (с XII по XVII вв.) (Н. М. Чередеева; 18).

8. Выражение причинных отношений предложно-падежной системы в древнерусском языке (Т. В. Культенко; 38).

9. Некоторые вопросы исторического развития категории состояния в русском языке (В. М. Панфилов; 33).

10. Управление при прилагательных в древнерусском языке (На материале текстов XV—XVI вв.) (А. А. Шумилова; 39).

11. Синтаксис «воинских» повестей XVII в. (Р. С. Маклер; 13).

12. Система склонения имен существительных по данным южновеликорусских текстов XVI—XVII вв. (В. В. Петрова; 21).

13. Структурные типы и значение наречий по данным южновеликорусских текстов XVI—XVII вв. (Т. С. Оловенникова; 21).

14. История атрибутивного и предикативного функционирования кратких и полных прилагательных в русском языке (канд. филол. наук А. Е. Бескровный;24).Докторская диссертация.

15. Из истории образования наречий, соотносительных с прилагательными (И. К. Марковский; 19).

16. Словосочетания имени с глаголом, обозначающие время (по материалам письменности XVIII в.) (Н. В. Ламзикова; 26).

17. Типы периодов в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (Р. Д. Лебедева; 7).

18. Основные синтаксические явления в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (Л. И. Бабичева; 10).

19. Союз *чтобы* в литературном языке первой трети XIX в. (В. Ф. Юдина; 9).

20. Адъективация причастий в русском литературном языке XVIII—XX вв. (Л. И. Удалова; 11).

21. Сложные предложения с придаточными цели в русском литературном языке XIX в. (О. Д. Павлова; 12).

Славянские языки

1. Значение места и времени творительного падежа в восточнославянских языках (В. К. Мохова; 8).

2. Родительный падеж прямого объекта в восточнославянских языках (А. М. Кузнецова; 17).

Таджикский язык

1. Лексика и словообразование в сочинении Абу-Саида Гардези «Зайн-ал-ахбар» (М. Давлятова; 31).

2. Язык «Таърихи Табари» («Истории» Табари) (Б. Сияев; 31).

3. Язык романа Улуг-Заде «Навобод» (П. Курбанов; 31).

4. Вводные слова в таджикском языке (И. Норова; 31).

5. Придаточные предложения цели и причины в таджикском языке (Г. Камолова; 31).

Тюркские языки

1. Лексические особенности рассказов Джалила Мамедкулизаде (Велиев Солтан-Паша Азизхан оглы; 5).

2. Казахский диалект азербайджанского языка (Джафаров Али Камал оглы; 5).

3. Некоторые закономерности процесса смешения диалектов (На материале тюркского говора дер. Эушта) (36).

4. Сарыкский диалект туркменского языка (40).

5. Глаголы в современном туркменском языке (40).

6. Деепричастие туркменского языка (40)

Украинский язык

А. Изучение языка украинских писателей

1. Терминологическая лексика в научных и публицистических произведениях И. Я. Франко (3).

2. Лексика художественных произведений П. А. Грабовского (3).

3. Лексика «Народных оповідань» Марко Вовчок (3).

4. Синтаксис сложного предложения в рассказах и повестях Марко Вовчок (3).

5. Лексика художественных произведений Ив. Котляревского (3).

6. Лексика поетичних творів Котляревского (Г. С. Смирнова; 34).

7. Мова творів Стефаника (В. Ф. Суханова; 34).

8. Мовні засоби гумору в українських творах Г. Ф. Квітки-Основ'яненка (А. С. Скорик; 35).

9. Сравнительные синтаксические конструкции в художественных произведениях М. М. Коцюбинского (3).

10. Обособленные члены предложения в произведениях М. Коцюбинского (Д. Т. Кроть; 19).

11. Безличные предложения в языке художественных произведений М. М. Коцюбинского (3).

12. Сложное предложение в художественных произведениях С. Васильченко (3).

13. Общественно-политическая лексика в пьесах А. Корнейчука (3).

14. Послеоктябрьская лексика и фразеология в произведениях А. Малышко (3)

15. Обращение в художественных произведениях советских поэтов М. Рыльского и А. Малышко (3).

16. Из наблюдений над языком украинской поэзии для детей (Н. С. Фесенко; 19).

Б. Современный украинский литературный язык

1. Лексико-грамматическая и стилистическая роль аппозитивных конструкций в украинском языке (Б. Г. Ключковский; 15).

2. Очерки по стилистике современного украинского литературного языка (А. П. Масюкевич; 1).

3. Мова сучасного українського фейлетону (О. М. Шляхов; 34).

4. Составное сказуемое в украинском языке (А. О. Пискун; 15).

5. Союзы подчинения в современном украинском литературном языке (На материале художественных произведений М. М. Коцюбинского) (Е. В. Пругло; 1).

6. Структурно-семантичні типи складних речень допустового співвідношення в українській мові (А. Г. Кващук; 34).

В. Диалекты

1. Мова українських народних дум (О. О. Назарук; 34).

2. Лексика художнього промислу Гуцульщини (В. П. Бойчук; 34).

3. Лексика украинских говоров Придунавья (Т. П. Заворотная; 20). На укр. яз.

4. Синонимика предложных словосочетаний в языке украинской народности (З. И. Иваненко; 20). На укр. яз.

5. Фразеологический состав народных сказок, записанных на Полтавщине (В. И. Хоменко; 1).

6. Говоры Дубенского района Ровенской области (3).

7. Украинские говоры на территории Куйбышевской области (Кинель-Черкасский район) (И. Т. Вальченко; 10).

Г. История украинского языка

1. Морфология актовых книг Полтавского городового уряда второй половины XVII ст. (Л. А. Самойленко; 20). На укр. яз.

Французский язык

А. Изучение языка писателя

1. Язык П.-В. Кутюрье (В. А. Костелянец; 4).

Б. Проблемы семантики

1. Семантические сдвиги французских глаголов в связи с изменением их переходности (Р. И. Рышковский; 1).

2. Семантическая эволюция группы слов, которые обозначают правовые понятия в современном французском языке (В. А. Барский; 4).

3. Способы выражения условности в современном французском языке (М. М. Бобырева; 4).

4. Синонимия французских существительных (Т. В. Моринец-Дейнеко; 4).

5. Вопросы синонимии во французской лексикографии (И. Н. Япушевская; 14).

6. Изменение значения слов на материале художественной прозы и публицистики французского языка XX ст. (Н. Ф. Каввадиа; 4).

7. Развитие многозначности некоторых латинских глаголов группы verba sentiendi во французском языке (Э. И. Соколова; 14).

8. Глагол *devoir* во французском языке, развитие его употребления и его функции в современном французском языке (В. Б. Шеметилло; 14).

В. Грамматика современного французского языка: морфология

1. Префиксы, выражающие отрицание в современном французском языке (И. А. Белова; 14).

2. Неопределенный артикль в системе артикля в современном французском языке (Е. В. Фибер; 14).

3. Частичный артикль в современном французском языке (А. И. Рохленко; 14).

4. Суффиксальное образование прилагательных в современном французском языке (А. Д. Жаловский; 4).

5. Конверсия в современном французском языке (Р. А. Насимович; 14).

6. Субстантивация прилагательных и адъективация существительных во французском языке (С. Н. Сатова-Ковачевич; 20).

7. Образование сложных слов с глагольным элементом во французском языке (О. И. Кондратьева; 14).

8. Образование и употребление междометий в современном французском языке (Е. Е. Корди; 14).

9. Развитие отыменных предлогов во французском языке (С. А. Кулакова; 14).

10. Категория кратности в современном французском языке (В. И. Киселева; 14).

Г. Грамматика современного французского языка: синтаксис

1. Обособленное определение в современном французском языке (К. Н. Кияткина; 14).

2. Предложное определение в современном французском языке (существительное с предлогами *de*, *à*, *en* в функции определения) (Г. П. Никитина; 14).

3. Имя существительное в функции беспредложного определения в современном французском языке (К. И. Масленникова; 14).

4. Адвербиальные сочетания во французском языке, выражающие обстоятельства образа действия (В. Б. Старгородская, 14).

5. Дробление предложений и его роль в современном французском языке (Ж. А. Винтман; 14).

6. Утвердительный ответ в современном французском языке (Г. А. Камынка; 1).

7. Несобственная прямая речь в современном французском языке (Н. Ю. Сахарова; 14).

Д. История французского языка

1. Из истории сложных союзов во французском языке (О. В. Сухова; 13).

Хантыйский язык

1. Хантыйские топонимы Средней Оби (36).

Общее языкознание

1. А. М. Горький и вопросы языкознания (С. Т. Малышев; 45).

Исследования на материале двух языков (в плане сопоставления)

А. Английский и украинский языки

1. Интонация категории вопросительности на материалах английского и украинского языков (канд. филол. наук Л. А. Близниченко; 4). Докторская диссертация.

Б. Грузинский и русский языки

1. Приложение в русском и грузинском языках (Дж. Г. Джапуашвили; 13).

2. Придаточные временные предложения в русском и грузинском языках (Э. А. Георгадзе; 13).

В. Китайский и русский языки

1. Виды русского глагола и способы выражения видовых значений в китайском языке (Лу Дзюнь-сян; 18).

Г. Литовский и русский языки

1. Предлоги с двойными падежами в современном русском и литовских языках (В. П. Зайцева; 44).

Д. Немецкий и русский языки

1. Современный анализ звукового состава немецкого и русского языков (2). Докторская диссертация.
2. Страдательный залог в немецком и русском языках (2).
3. Интонационно-отрицательные предложения в современном русском языке сопоставительно с немецким (Е. М. Кубарев; 10).

Е. Украинский и русский языки

1. Из наблюдений над синтаксисом переводов художественно-исторической прозы с русского языка на украинский (На материале произведения В. Яна «Батый», А. Толстого «Петр I», Л. Никулина «России верные сыны») (3).

Ж. Чешский и русский языки

1. Плюсквамперфект в истории русского языка в сопоставлении с чешским языком (В. И. Чернов; 14).

Перечень высших учебных заведений, представивших сведения

Университеты

Кабардино-Балкарский гос. ун-т (КБУ).

Педагогические институты

1. Горловский иностр. языков.
2. Иркутский иностр. языков[1].
3. Киевский им. А. М. Горького[2].
4. Киевский иностр. языков.
5. Кировобадский им. Г. Зардаби.
6. Кировоградский им. А. С. Пушкина.
7. Кировский им. В. И. Ленина.
8. Кишиневский им. И. Крянгэ.
9. Красноярский.
10. Куйбышевский.
11. Курский.
12. Кустанайский.
13. Кутаисский им. А. Цулукидзе.
14. Ленинградский им. А. И. Герцена.
15. Львовский.
16. Могилевский.
17. Московский городской им. В. П. Потемкина.
18. Московский им. В. И. Ленина.
19. Николаевский им. В. Г. Белинского.
20. Одесский иностр. языков.
21. Орловский.
22. Орский[3].
23. Пензенский.
24. Петропавловский.
25. Ростовский-на-Дону.
26. Рязанский.
27. Саратовский.
28. Свердловский.
29. Смоленский им. Карла Маркса.
30. Ставропольский.
31. Сталинабадский им. Т. Г. Шевченко.
32. Сталинградский им. А. С. Серафимовича.
33. Сталинский.
34. Станиславский.
35. Сумский им. А. С. Макаренко.
36. Томский[4].
37. Ульяновский им. И. Н. Ульянова.
38. Усть-Каменогорский.
39. Ферганский им. Улугбека.
40. Чарджоуский[5].
41. Читинский.
42. Шадринский.
43. Шахтинский[6].
44. Шяуляйский.
45. Южно-Сахалинский.
46. Ярославский им. К. Д. Ушинского.

[1] В присланных сведениях фамилии диссертантов не указаны.
[2] То же.
[3] То же.
[4] То же.
[5] То же.
[6] То же.

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В марте 1959 г. в Свердловском государственном медицинском институте состоялась 22-я годичная научная сессия института. В работе секции иностранных языков, проходившей 25—26 марта, приняли участие преподаватели иностранных языков Уральского ун-та, пед. ин-та, УПИ, УЭМИИЖТ и других вузов города, преподаватели отдела переводов Свердловского совнархоза и работники других научных учреждений и учебных заведений города. Всего было заслушано и обсуждено десять докладов; при этом большинство докладов касалось вопросов о функциональных стилях речи в разных языках и три работы были связаны с методикой преподавания иностранных языков в вузах.

В своем вступительном слове зав. ка-

федрой иностранных языков доц. С. Д. Береснев подчеркнул, что такая тематика была избрана не только в связи с практикой изучения и преподавания иностранных языков в вузах, но и в силу крайней недостаточности конкретных работ по вопросам функциональных стилей на материале определенных языков в существующей лингвистической литературе. На первом же заседании был заслушан доклад Береснева «О терминологической фразеологии». Докладчик говорил о существовании в функциональных стилях речи наряду с общей лексикой и фразеологией и «терминологической фразеологии», то есть таких фразеологических словосочетаний, которые семантически сближаются с терминами. Их наличие и функционирование в речи, по мнению автора, дополняет характеристику того или иного стиля. Докладчик возражал против точки зрения ряда лингвистов, приравнивающих термины к знакам, формулам и т. п. (Гринаф, Китридж, Жильбер) и называющих рассматриваемое явление сложными или составными терминами.

С докладом «Заимствованное слово *спутник* в немецком языке» выступил ст. препод. П. П. Квасов, который на обширном материале из немецких газет и журналов за 1957—1958 гг. показал, что заимствованное из русского языка слово *Sputnik* в значении «искусственная планета» уже полностью оформилось по законам грамматики и фонетики немецкого языка и даже стало компонентом сложных и производных слов. Убедительно был представлен факт продуктивности морфемы *-nik* (*Spätnik*, *Kaputtnik*), проникшей в немецкий язык со словом *спутник*.

Вопросам методики изучения английской медицинской терминологии и теории термина было посвящено сообщение ассист. Л. И. Рысевой. Доклад «Английский и латинский герундий при сопоставлении» ст. препод. З. М. Карасевой и ассист. А. К. Мелентьевой был посвящен выявлению в историческом аспекте общих и особенных черт герундия в латинском и английском языках. Ст. препод. Е. В. Кулибина в докладе «Некоторые дополнения к терминологическому англо-русскому медицинскому словарю» дала критическую оценку имеющихся англо-русских медицинских словарей и на материале этих дополнений изложила свои соображения относительно принципов составления терминологического словаря. Большой интерес и оживленные прения вызвал доклад ассист. В. И. Репина «Из опыта оформления экспортной технической документации на английском языке». Докладчик на конкретном материале выявил и охарактеризовал типические особенности синтаксиса делового стиля в английском языке.

На секции были заслушаны также следующие доклады и сообщения: ассист. Л. Г. Маршининой «К стилистической характеристике прилагательного и глагола в немецкой медицинской литературе», ст. препод. П.П. Квасова «Лексика и фразеология спорта в немецком языке», ассист. Л. В. Гавриловой «Терминологический медицинский справочник французского языка» и ассист. А. Я. Евсейкиной «Сопоставительная характеристика некоторых инфинитивных и причастных оборотов в латинском и английском языках».

Г. В. Фаворин
(Свердловск)

С 21 по 22 апреля 1959 г. состоялось расширенное заседание Бюро Словарной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР. На заседании был заслушан доклад О. С. Ахмановой, В. Ф. Беляева и А. И. Полторацкого «О словарях лингвистической терминологии». В докладе был дан критический обзор существующих словарей лингвистической терминологии и было указано, что в связи с их неудовлетворительностью и неполнотой в процессе подготовки монографии «Некоторые основные вопросы общего языкознания» (плановая тема Института языкознания) приходится составлять специальную картотеку употребляемых в современной лингвистике терминов, система которых в разных научных направлениях очень различна. Из сопоставления различных систем терминологии можно извлечь материал для более точной категоризации языковых фактов и уточнения границ между общим языкознанием и смежными науками. Часть доклада была посвящена анализу терминологии античной поэтики и риторики и вопросу о ее использовании в современной лингвистике.

В прениях указывалось на актуальность более скромной задачи — составления удовлетворительного и полного словаря русской лингвистической терминологии, а также на то, что установление правильных с точки зрения автора объема и содержания понятий науки — это задача совершенно отличная от раскрытия значения терминов, фактически употребляемых в научной литературе. Только вторая задача является задачею лексикографии. В словаре должна быть отражена история термина, изменения в его значении на протяжении определенного промежутка времени, а «исправления» в существующей системе понятий — это не дело составителей терминологических словарей. Последнее положение подчеркивалось особенно Б. В. Горнунгом, С. И. Ожеговым и др.

А. П. Евгеньева на заседании доложила вторую (расширенную) редакцию «Проспекта-инструкции для составления тематических словарей». Бюро комиссии, предложив работу, проделанную А. П. Евгеньевой, опубликовать в виде статьи, одновременно указало, что для «Проспекта-инструкции» необходимо расширить охват материала источников XIX—XX вв. и придать изложению более конкретный и инструктивный характер.

Г. П. Блок сделал сообщение о предлагаемых им новых технических принци-

пах организации картотеки словаря русского языка XVIII в. Бюро комиссии признало возможным рекомендовать предложенную механизацию выборки только для некоторых источников, подлежащих «сплошной выборке».

Н. Н. Уханова
(Москва)

21—22 апреля 1959 г. в Ярославском пединституте им. К. Д. Ушинского состоялось межвузовское диалектологическое совещание, посвященное вопросам создания зонального словаря говоров, расположенных на территории быв. Владимиро-Суздальского княжества. В работе совещания приняли участие языковеды Архангельска, Иванова, Костромы, Москвы, Орехово-Зуева и Ярославля.

На совещании были заслушаны и обсуждены доклады Г. Г. Мельниченко (Ярославль) «Задачи и принципы составления зональных областных словарей», М. Н. Шабалина (Орехово-Зуево) «О словнике регионального словаря» и В. А. Никонова (Москва) «Диалектология и топонимика». С сообщением о словаре гидронимов Ярославской области выступил преподаватель кафедры географии Ярославского пединститута Н. С. Студенов. Представители Архангельского пединститута М. В. Сыромля, Ивановского — Е. С. Клейменова, Костромского — Г. З. Шкляр, Орехово-Зуевского — М. Н. Шабалин, Ярославского — Г. Г. Мельниченко рассказали о проведенной институтами словарной работе. Особенно успешной была работа в Ярославле: в межобластном диалектологическом кабинете (при Ярославском пединституте) — центре создания зонального словаря — составлено уже более 50 тыс. карточек, несколько пробных лексических карт. Заканчивается составление краткого диалектного словаря Ярославской области, который должен стать костяком будущего зонального словаря.

Совещание, одобрив основные положения докладов, в дальнейшей коллективной работе предложило:

1. Распределить территорию бывшего Владимиро-Суздальского княжества (современные 8 областей) между расположенными здесь одиннадцатью высшими учебными заведениями.

2. Каждому пединституту наметить 3—4 населенных пункта в качестве «опорных» для глубокого и систематического изучения их говоров.

3. Одновременно каждому институту максимально расширить работу по собиранию материалов в различных районах своей области через студентов стационара и заочников, а также через учителей сельских школ. В частности, давать студентам соответствующие семинарские и курсовые работы и ввести в условия зачета по диалектологии обязательное представление письменной работы по диалектной лексике на основе самостоятельно собранного и проанализированного материала.

4. Весь намеченный сбор материалов, их обработку и подготовку рукописи к печати закончить к 1966—1967 гг.

М. Н. Шабалин
(Москва)

С 11 по 15 мая 1959 г. состоялась Конференция по использованию технических средств при обучении иностранным языкам, созванная 1-м МГПИИЯ. В работе конференции приняли участие представители 122 учреждений, в том числе 22 университетов и 41 педагогического вуза, всего — 325 человек; среди них — лингвисты, методисты, преподаватели языка, психологи, физиологи, инженеры и техники. На конференции были заслушаны 33 доклада и ряд сообщений, посвященных следующим основным проблемам: 1) лингвистические, психологические и физиологические закономерности восприятия и воспроизведения речи на иностранном языке; 2) методика использования технических средств при обучении иностранным языкам; 3) основные типы и конструктивные особенности аппаратуры, необходимой для обучения иностранным языкам.

В. А. Артемов (Москва) выступил с докладом «О взаимоотношении физических свойств, воспринимаемых качеств, языковых значений и смыслового содержания речи». Ф. М. Березин и И. А. Волнина (Москва) сделали обзор методики преподавания иностранного языка с помощью технических средств в советской и зарубежной литературе. В. А. Васильев (Москва) в докладе «Об основных технических, методических и организационных принципах и проблемах применения технических средств обучения» подчеркнул особую важность технических средств обучения и необходимость массового производства учебной аппаратуры. Назрела необходимость создания научно-исследовательского института технических средств обучения.

В докладе «Восприятие иностранного языка в свете теории отношений между языковыми системами» В. В. Иванов (Москва) выдвинул следующие основные положения: одним из существенных результатов вырастающей в связи с практикой машинного перевода теории отношений между языковыми системами является то, «что на основании системы соответствий между n языковых систем можно построить $n+1$ языковую систему. Основной задачей теории восприятия иностранного языка является исследование третьей системы, возникающей на основании системы соответствий между двумя языковыми системами (родной и иностранной) в условиях смешанного двуязычия. Цель преподавания заключается в освобождении иностранного языка учащихся от шума, наложенного первым (родным) языком. Средством для достижения этого является восхождение от родного языка к иностран-

ному через установленную между ними систему соответствий».

Н. И. Жинкин (Москва) в докладе «Каналы усвоения языка» говорит о совокупности таких устройств, которые не только достаточны для передачи речевого сообщения, но и необходимы для: а) накопления в памяти элементов (единиц) языка и б) настройки управления для отбора этих элементов. При определении элементов языка в языковой системе следует различать два основных звена: А — составление слова из звуков и Б — составление сообщения из слов.

В докладе К. Б. Карпова были освещены задачи, принципы организации и оснащения лабораторий устной речи. И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг (Москва) в докладе «Принципы отбора и закрепления лингвистических единиц при преподавании устной речи с применением техники» подчеркнули необходимость строгого отбора лингвистических единиц при работе над устной речью с применением техники, что диктуется не только лингвистическими, но и психологическими соображениями. Для успешного синтеза речи говорящим необходима выработка ряда навыков, принципиально отличающихся от навыков, приобретаемых при традиционных методах обучения, при которых синтез (акт говорения) и анализ (акт восприятия) не различаются. Далее докладчики остановились на значении теории информации для успешного обучения восприятия речи и на процессе восприятия при разных стадиях интенсивности помех.

А. А. Реформатский (Москва) в докладе «Двустороннее соотношение фонологических систем языков при обучении произношению» осветил вопросы фонологии как научной базы для разработки методики обучения произношению, идиоматичности фонематического слуха и системной организации языка. Он подчеркнул, что трудности овладения произношением иностранного языка состоят не в усвоении чужого произношения, а в преодолении своего. Е. Б. Черкасская (Москва) в докладе «Виды лабораторных работ, проводимых с использованием технических средств», отметив, что организация самостоятельной работы студентов с техническими средствами открывает возможности творческой их работы при овладении языком, подробно остановилась на характеристике видов лабораторных работ, предлагаемых студентам.

После пленарных заседаний одновременно работали методическая и техническая секции. На методической секции были заслушаны 18 докладов, в которых были освещены вопросы методики преподавания практики языка, фонетики, перевода (синхронного и последовательного) с применением технических средств. На технической секции было заслушано 6 докладов, в которых подробно были освещены основные типы и конструктивные особенности аппаратуры, необходимые для обучения иностранным языкам, более совершенные типы аппаратуры (по сравнению с ныне действующими), а также технические требования к выпускаемой аппаратуре. Затем участники конференции посетили опытные занятия по практике, фонетике и синхронному переводу с применением технических средств, а также просмотрели ряд учебных фильмов, озвученных на иностранном языке, которые были привезены делегатами конференции.

На заключительном заседании был принят ряд рекомендаций по оценке существующей аппаратуры, по разработке методики ее применения, по вопросу необходимости проведения более глубоких теоретических исследований звучащей речи и т. п. В прениях выступило около 50 человек участников конференции, прибывших из Ленинграда, Перми, Бельска, Новозыбкова, Курска, Калуги, Орджоникидзе и других городов Советского Союза.

И. А. Волнина
(Москва)

С 11 по 16 мая 1959 г. в Ленинграде проходило совещание арабистов, созванное Институтом востоковедения АН СССР. Из 75 докладов, представленных учеными Ленинграда, Москвы, Ташкента, Тбилиси, Баку, Киева, Еревана, вопросам арабского и семитского языкознания было посвящено 19 докладов.

На заседаниях секции арабского языка был прослушан ряд докладов из области арабской грамматики и лексики. А. А. Ковалев (Москва) в своем докладе рассмотрел аналитические формы времени арабского глагола в современном литературном языке и охарактеризовал их как семантико-грамматические неразложимые единства; он показал также, что развитие форм шло по линии расширения временных значений глагола. Проблеме изучения вопросов видо-временных отношений был посвящен доклад В. С. Храковского (Ленинград), который анализировал категориальное значение имперфекта (формы типа «йактулу») в классическом арабском языке. А. Д. Мамедов (Баку) сообщил о результатах исследования одного из распространенных типов простого предложения — так называемого «двуличного» или «двуначального» предложения. В докладе В. Э. Шагаля (Москва) была дана семантическая и структурная характеристика особенностей субстантивных беспредложных сочетаний типа «ддфа». Некоторые разряды устойчивых словосочетаний, широко употребляемых в современном арабском литературном языке, были анализированы в докладе В. Д. Ушакова (Москва). Г. М. Габучан (Москва) выступил с сообщением о выделении (помимо определенного и неопределенного) третьего, нулевого, артикля в арабском языке.

Изучению арабской терминологии были посвящены два доклада — Т. Г. Недоспасовой (Тбилиси) и А. С. Илизарова (Москва).

Г. Г. Зариназаде (Баку) выдвинул в своем докладе принципы составле-

ния арабских двуязычных словарей по корневой и алфавитной системам.-О. Б. Фролова (Ленинград) сделала сообщение о работе арабистов в Экспериментальной лаборатории машинного перевода ЛГУ. Доклад Н. Н. Пурцеладзе (Тбилиси) был посвящен некоторым особенностям языка произведений крупнейшего современного египетского новеллиста и драматурга Махмуда Теймура.

Арабская диалектология нашла отражение в двух докладах: В. Г. Ахвледиани (Тбилиси), который провел сравнение путей возникновения аффрикат в арабских диалектах, и Г. Ш. Шарбатова (Москва), рассказавшего о процессе расширения сфер аналитических средств в арабских диалектах в связи с исчезновением в последних ряда морфологических форм имен и глагола.

Г. М. Габучан в докладе, посвященном истории языкознания, показал, что возникновение арабских грамматических учений восходит еще к VII в. н. э. Среди докладов, прочитанных на пленарном заседании совещания, был доклад Г. Ш. Шарбатова о научной, педагогической и переводческой деятельности наших арабистов — лингвистов и литературоведов — в послевоенные годы.

В секции семитских языков было заслушано пять докладов по языкознанию. Доклад К. Г. Церетели (Тбилиси) был посвящен решению вопроса о происхождении местного падежа в еврейском и арамейском языках. В. П. Старинин (Москва) осветил вопрос, очень важный для истории семитологии: о так называемых прерывистых аффиксах в семитских языках. В докладе А. М. Газова-Гинзберга (Ленинград) была представлена попытка выявить следы древнейшей ономатопеи в некоторых семитских корнях. Доклады, прочитанные в этой же секции, обнаружили также и другую, новую сторону деятельности наших семитологов — их работу по изучению и публикации ценных рукописных грамматических и лексикографических трудов по семитологии. М. И. Зислин (Ленинград) анализировал несколько фрагментов разных рукописей неизданного еврейско-арабского грамматического трактата «ал-Кафи», который был написан в первой половине XI в. Л. Х. Вильскер (Ленинград) дал описание, характеристику и датировку шести рукописей самаритянско-еврейско-арабских двуязычных словарей (конец IX в. — первая четверть X в.).

Все эти доклады в целом являются показательными для современного состояния и размаха лингвистических работ наших арабистов и семитологов. Основной состав докладчиков — научная молодежь: ей принадлежало 15 докладов (из 19).

Совещание приняло резолюцию, которая указывает на необходимость: 1) усиления внимания к проблемам фонетики, морфологии, синтаксиса как арабского литературного языка, так и основных территориальных диалектов; 2) создания в предстоящем семилетии различных общих и специальных терминологических словарей арабско-русских, русско-арабских и на других языках народов Советского Союза; 3) подготовки учебных пособий и хрестоматий по литературному языку и диалектам. Совещание предложило также обратить особое внимание: 1) на расширение советской семитологии, без которой невозможно научное исследование ряда областей арабистики и арабского языкознания в особенности, и 2) на осуществление издания неопубликованных трудов арабистов и переиздания ставших библиографической редкостью языковедческих работ ученых старшего поколения — Н. В. Юшманова, Я. С. Виленчика и др. Следующее совещание состоится в Ташкенте в 1961 г. Материалы ленинградского совещания будут изданы в отдельном сборнике.

Г. Ш. Шарбатов
(Москва)

С 13 по 15 мая 1959 г. в Институте русского языка проходило очередное Седьмое диалектологическое совещание, посвященное вопросам создания областных диалектных словарей. Помимо сотрудников институтов АН СССР и ее филиалов, в работе совещания приняли участие представители кафедр русского языка тех периферийных вузов, в которых ведется в настоящее время или планируется на ближайшее будущее работа над областными диалектными словарями.

Совещание открыл директор Института русского языка АН СССР акад. В. В. Виноградов, охарактеризовавший состояние и задачи диалектологической работы в свете решений XXI съезда КПСС. В течение 14 послевоенных лет, сказал акад. В. В. Виноградов, всесоюзный коллектив диалектологов проделал по единому плану очень большую работу по созданию и подготовке диалектологических атласов русского языка. Одной из очередных задач, стоящих перед советскими диалектологами, является подготовка обобщающего курса русской диалектологии с привлечением новейших данных. В связи с этим на первый план выдвигается задача изучения и систематизации лексического богатства русских народных говоров.

Совещание обсудило «Пособие для собирания диалектной лексики при подготовке региональных словарей», составленное коллективом авторов, состоящим как из сотрудников Института русского языка АН СССР, так и из представителей кафедр различных вузов.

Принципы построения «Пособия», а также методические указания по сбору диалектной лексики были освещены в докладе доктора филол. наук В. Г. Орловой «О подготовке пособия для собирания диалектной лексики». Докладчик особо подчеркнул принципиальную новизну обсуждаемого «Пособия», представляющего собой темник для бесед, в отличие от широко применяемых в диалектологической практике программ или вопросников.

Лексикографические вопросы, возни-

кающие при составлении областных диалектных словарей дифференциального типа, были освещены в докладах канд. филол. наук Т. С. Коготковой «О структуре региональных диалектных словарей» и мл. научн. сотр. В. Б. Силиной «Фразеологические сочетания в регоинальных диалектных словарях», а также в научных отчетах о работе над диалектными словарями канд. филол. наук О. Г. Гецовой (МГУ), доц. В. И. Чагишевой (ЛГПИ им. А. И. Герцена), канд. филол. наук С. М. Глускиной (Псковский пединститут им. С. М. Кирова). В указанных докладах были затронуты проблемы отбора лексического материала в областной словарь дифференциального типа и принципы построения словарных статей на уровне современной лексикографической практики. Оживленную дискуссию вызвали вопросы о месте просторечной лексики при работе над областными словарями, о грамматических и стилистических пометах при слове и др.

На совещании были также прочитаны и обсуждены доклады доц. В. В. Палагиной (Томск) «Лексика санно-тележного промысла в старожильческих сибирских говорах» и канд. филол. наук М. И. Литвинова (Шуя) «Лексика плотничьего дела», связанные с проблемой создания диалектных словарей специализированного типа.

В прениях выступили: В. А. Сенкевич (Магнитогорск), Г. Я. Симина (Ленинград), Т. А. Вовчок (Свердловск), Л. И. Баранникова (Саратов), Ф. Л. Скитова (Пермь), И. С. Козырев (Орел), М. И. Моисеенко (Казань), С. И. Котков (Москва), В. Г. Руделев (Оренбург), Г. Г. Мельниченко (Ярославль), Г.С. Маслова (Москва), Н. М. Малеча (Уральск), В. А. Малаховский (Куйбышев), А. И. Лебедева (Ленинград), Е. А. Комшилова (Москва), Э. В. Глазырина (Свердловск), А. А. Скворцова (Красноярск), Л. И. Горева (Киров), Е. П. Луппова (Ленинград).

В заключение были заслушаны доклады этнографов канд. историч. наук Г. С. Масловой (Москва) «Обычаи и обряды, связанные с некоторыми видами производственной деятельности и быта старой дореволюционной деревни» и Н. И. Лебедевой (Рязань) «Терминология домашних промыслов и ремесел».

Подытоживая работу, совещание отметило своевременность появления практического руководства для сбора диалектной лексики и рекомендовало «Пособие» к печати. В резолюции было подчеркнуто своеобразие работы над областными словарями, проводимой на местах, не столь централизованной, как работа над диалектологическими атласами, и осуществляемой не по равномерной сетке обследования территории, а с учетом языковой специфики говоров.

Е. А. Твердовская
(Москва)

С 18 по 21 мая с. г. в Куйбышеве была проведена Третья научно-исследовательская конференция работников кафедр русского языка педвузов Поволжья, входящих в зональное объединение[1]. На конференции были представлены кафедры русского языка Куйбышевского, Саратовского, Балашовского, Сталинградского, Астраханского, Оренбургского, Ульяновского, Мелекесского, Орского, Бирского и Уральского пединститутов, а также Башкирского университета. Всего на конференции присутствовало свыше 60 представителей кафедр и гостей (учителей средних школ и работников народного образования).

Работа конференции проходила в трех секциях: современного русского языка (руководитель проф. А. Ф. Ефремов), истории и диалектологии русского языка (руководитель доц. Л. И. Баранникова) и методики русского языка (руководитель доц. М. Н. Князева).

На пленарных заседаниях (18 и 21 мая) были заслушаны и обсуждены доклады проф. В. А. Малаховского (Куйбышев) «Задачи высшего филологического образования в свете решений партии и правительства о перестройке школы», проф. А. Ф. Ефремова (Саратов) «Украинско-русские языковые параллели в творчестве Гоголя», проф. А. Н. Гвоздева (Куйбышев) «О звуковом составе морфем» и аспиранта Е. М. Кубарева (Куйбышев) «О сопоставительном методе в изучении языков».

В секции современного русского языка по вопросам фразеологии были заслушаны доклады В. М. Коровниковой (Балашов) «Фразеологический словарь Михельсона» и А. В. Яковлевской (Сталинград) «Глагольная фразематика в современном русском языке». По лексикологии были сделаны доклады о лексической системе русского языка (Г. А. Пастушенков, Бирск), о переходе графических сокращений в буквенные аббревиатуры (Д. И. Алексеев, Мелекесс), о лексической экспрессии в русском языке (М. Д. Мишаева, Ульяновск).

По проблемам синтаксиса были прочитаны доклады: о неполных предложениях как особом грамматическом типе (А. Н. Назаров, Пенза), о вокативных предложениях (А. Ф. Кулагин, Ульяновск), о некоторых особенностях синтаксиса Добролюбова (М. Г. Свотина, Балашов), об употреблении относительных местоимений *который* и *какой* в сложноподчиненных предложениях с придаточным, раскрывающим значение именного сказуемого в главном (Л. М. Гущина, Орск) и об употреблении предлогов *в — из, на — с* при глаголах движения (Г. Л. Алексеенко, Орск). В докладе В.Ф. Ильиной (Саратов) был освещен вопрос об условиях выявления залоговых значений глагола.

Все доклады, вызвавшие оживленный обмен мнениями, секция рекомендует к печати.

---

[1] Первая конференция состоялась в Куйбышеве в 1957 г. (ВЯ, 1957, № 4, стр. 142—143); вторая — в Саратове в 1958 г. (ВЯ, 1959, № 1, стр. 151—152).

На секции диалектологии и истории русского языка было заслушано 13 докладов; три из них были посвящены использованию диалектной и просторечной лексики в языке советских писателей. В докладе Л. Н. Мурзина (Бирск) выяснялась роль форм народной речи в романе В. Шишкова «Емельян Пугачев» для социальной характеристики различных прослоек народа. Д. Е. Горелик (Оренбург) показала разнообразные формы просторечно-разговорной лексики в романе Д. Фурманова «Чапаев». Интерес вызвал доклад студентки Куйбышевского пединститута Г. Л. Рыжиковой о диалектизмах в очерках М. Пришвина «В краю непуганых птиц».

Вторая группа докладов была посвящена анализу наиболее интересных явлений в русских народных говорах. В докладе Р. С. Овчинниковой (Астрахань) была дана характеристика фонетической системы говора с. Большой Кугунур Кировской области с анализом архаических черт и показом современных изменений в фонетической системе.

В докладе Г. С. Оксман (Саратов) «Произношение гласных неверхнего подъема первого предударного слога после отвердевших шипящих в южновеликорусских говорах» прослеживается на большом материале (по 800 насел. пунктам) одно из характерных явлений южновеликорусского вокализма. Изъявительному наклонению глаголов в диалектах был посвящен доклад А. Л. Шибаевой (Уральск); анализу синтаксических явлений в одном из говоров Пензенской области (северновеликорусского типа) — доклад Л. А. Зелепукиной (Пенза). По вопросам топонимики на конференции был заслушан доклад Н. Я. Ойфмана и С. А. Попова (Оренбург). Секция обсудила «Материалы для программы собирания сведений о синтаксисе территориального диалекта уральских казаков», составленные Н. М. Малеча (Уральск).

Третья группа докладов была связана с методикой преподавания русского языка в условиях диалектной среды. Заслушан был также доклад З. П. Кривопустовой (Куйбышев) по истории изучения русского ударения.

На вечернем заседании 20 мая секция заслушала два доклада студентов Пензенского пединститута М. П. Головой и Л. А. Ратушняк по морфологии современного русского языка. На последнем, заключительном заседании конференция приняла резолюцию и постановила созвать четвертую конференцию в мае 1960 г. в Сталинграде. Был также организован ученый совет зонального объединения (с центром в Куйбышеве).

В. А. Малаховский
(Куйбышев)

На проходившем в Ленинграде 27—30 мая IV Всесоюзном совещании по древнерусской литературе особый день был выделен для обсуждения вопроса о состоянии изучения древнерусского рукописного наследия.

В. И. Малышев в докладе «Собрание древнерусских рукописей Института русской литературы» подвел итоги большой десятилетней работы по собиранию рукописей, составляющих ценнейшие собрания Пушкинского дома и насчитывающих в настоящее время около трех тысяч единиц. Докладчик сообщил также, что он заканчивает подготовку к печати полного научного описания Печорского собрания рукописей.

В докладе И. Н. Ларионова была дана характеристика рукописного собрания Псковского историко-художественного музея и отмечены наиболее интересные памятники. Среди них — греческая рукопись IX в., роскошное евангелие Елеазарова монастыря 1532 г., представляющее большой палеографический интерес, служебник Мирожского монастыря начала XVI в. (самая древняя псковская рукопись музея); имеются книги из личной библиотеки царя Алексея Михайловича.

Характеристику рукописного собрания Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника дал в своем докладе А. И. Семенов. В музее собрано более пятисот рукописей XI—XVII вв. Среди них хранятся: отрывок служебной минеи XI — первой половины XII в., грамота князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю 1130 г., вкладная грамота Варлаама Хутынского 1192 г. и др. Большой интерес как в отношении содержания, так и с точки зрения палеографии представляют, в частности, синодики (всего 26), большинство которых еще не вошло в научный оборот. На многих рукописных книгах XV—XVII вв. имеются чрезвычайно интересные вкладные и другие записи, изучение которых ведет сейчас Семенов. Он же подготавливает полное описание древнерусских рукописей музея.

И. Ф. Голубев доложил об археографической работе в Калининской области и об обнаружении в коллекции печатных книг Калининского пединститута неизвестных ранее рукописей. Среди них Письмовник середины XVII в., содержащий, между прочим, два обширных стихотворных послания. Одно из них, по определению И. Ф. Голубева, принадлежит князю С. И. Шаховскому и адресовано Д. М. Пожарскому; другое адресовано справщику книг Печатного двора первой половины XVII в. Арсению Глухому одним из его учеников или помощников. Оба послания подготавливаются Голубевым к опубликованию. В той же коллекции — интересный лицевой синодик 1689 г., декабрьская минея XVI в. и др. рукописи.

В. В. Лукьянов обрисовал состав рукописных собраний Ярославской области, насчитывающих в общей сложности около 4 тысяч рукописей XII—XX вв. Докладчик остановился, в частности, на собрании Ярославского краеведческого музея, подробное описание которого, составленное В. В. Лукьяновым, только что

вышло в свет. В собрании музея имеется несколько пергаменных грамот и 14 пергаменных рукописей литературного содержания, в том числе так называемый «Ярославский сборник» XIII в., в котором помещено около 20 молитв Кирилла Туровского. В собрании музея около 300 сборников, содержание которых представляет большой интерес и еще ожидает своего исследования.

Многие делегаты высказались за созыв всесоюзного совещания по вопросам археографии, за широкую популяризацию собирательской работы средствами печати, кино и телевидения, за организацию подготовки кадров на периферии. Было предложено выработать единые правила описания древнерусских рукописей, обязательные для археографов всего Советского Союза, ускорить издание описаний рукописных собраний (в частности, периферийных) и выпускать такого рода издания большими тиражами, так как ценность их не утрачивается на протяжении длительного времени — издания эти обслуживают многие поколения исследователей.

С. Н. Азбелев
(Ленинград)

---

28 мая 1959 г. на очередном заседании Топонимической комиссии[1], посвященном вопросам составления региональных топонимических словарей, были обсуждены доклады членов Географического общества А. И. Ященко (Курск) и Н. С. Студёнова (Ярославль). Топонимический словарь Курской области, составляемый А. И. Ященко, включает в себя 4 раздела: 1) названия населенных пунктов, 2) названия водных источников,3) названия урочищ и 4) названия оврагов, долин и других форм поверхности. В каждом из разделов названия расположены в алфавитном порядке. Н. С. Студёнов работает над гидронимическим словарем Ярославской области. В словарях даются варианты топонима, дата первого упоминания по документам и этимология. Используются летописные материалы, древние акты, атласы генерального межевания и экономические примечания к ним, а также сельскохозяйственные карты районов и т. д. К собиранию материала привлекаются учителя и студенты.

В обсуждении докладов приняли участие С. А. Копорский, Г. Г. Мельниченко и другие. К. К. Целуйко остановился на основных задачах, стоящих перед составителями топонимического словаря любого типа: полностью взять на учет в пределах данной территории наименования или всех объектов или только определенных (например,наименования водных источников). Работу всем исследователям надо строить на единых принципах, предусмотрев задачу составления в будущем топонимических атласов. В. А. Никонов сделал обзор различных типов топонимических словарей у нас и за рубежом и имеющихся руководств по сбору топонимических материалов, а также рассказал о своей работе над словарем местных названий Ульяновского района. Главную трудность представляет идентификация названий, зафиксированных в документах, с современными.

Все выступавшие отмечали, что ведущуюся на местах работу по сбору топонимического материала до сих пор очень затрудняло отсутствие организационного центра. На заседании была выбрана комиссия для выработки инструкции по собиранию топонимического материала (с учетом опубликованных программ Г. Г. Мельниченко, А. П. Дульзона, К. К. Целуйко, И. Дуриданова и др.).

Н. П. Зверковская
(Москва)

[1] См. ВЯ, 1959, № 4, стр. 136.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

После трехлетнего перерыва снова начал издаваться «Jazykovedný časopis» Словацкой Академии наук. Его издание было прекращено в 1955 г., когда он был слит с журналом «Slovenská reč». Однако с тех пор постоянно сказывалась необходимость иметь специальный журнал, освещающий различные проблемы языкознания, журнал широкого теоретического профиля. В связи с этим выход в свет очередного тома журнала «Jazykovedný časopis» (roč. IX, Bratislava, 1958) представляет собой значительное событие в научной жизни Словакии.

В журнале будут освещаться вопросы словацкого, славянского и общего языкознания. Он предназначается как для теоретических работ, так и для конкретных исследований и материалов по современному словацкому языку, истории словацкого языка, диалектологии и сравнительной грамматике славянских языков. В течение года будут выходить два номера.

Вышедший из печати IX том, объединяющий первый и второй номера, открывается статьей Ф. Мико «К вопросу о эмфатическо-эмоциональной стороне предложения в словацком литературном языке». Автор рассматривает эмфазу как элемент синтаксиса, как один из существенных факторов, определяющих структуру предложения. Проблемам стилистики посвящена статья М. Шалинговой, в которой исследуется структура контекста в прозе известного словацкого писателя М. Урбана. Значительный интерес представляет статья Е. Паулини о словарях Кларета, известного чешского лексикографа XIV в., и их роли в Словакии.

С двумя словацкими словарями XVII—XVIII вв. знакомит читателя Я. Мишианик. О подготовке и издании словаря А. Бернолака говорится в статье Я. Поважана. В статье К. Габовштяковой о литературном словацком языке, созданном Бернолаком, указывается на важность и необходимость пересмотра и глубокого изучения творчества Бернолака, в частности вопроса об отношении литературного словацкого языка, созданного Бернолаком, к словацким говорам. Глубокий интерес известного русского ученого И. И. Срезневского к словацким диалектам показан в статье Н. А. Кондрашова «Материалы для словаря наречий горных словаков, собранные И. И. Срезневским». Дифференциации оравских говоров в связи с историей колонизации Оравы посвящена статья А. Габовштяка.

Раздел «Дискуссии» представлен заметками Ш. Ондруша об этимологическом словаре чешского и словацкого языков. В журнале имеется также раздел рецензий и сообщений.

Л. Н. Смирнов
(Москва)

Вышел первый номер «Brno studies in English» (Praha, 1959). Журнал издается Английским семинаром университета в Брно, работающим под руководством проф. Й. Вахка (редколлегия: Й. Вахек, К. Штепаник, Я. Фирбас, Л. Пантучкова и И. Коцманова). Лингвистическая часть номера посвящена вопросам современного английского языка и содержит статьи: Вахка «Two chapters on written English», обобщающая и развивающая широко известные исследования этого ученого в области «функциональной перархии» устной и письменной речи и развития орфографических норм в английском языке, и Фирбаса «Thoughts on the communicative function of the verb in English, German and Czech», которая обобщает теоретические принципы исследования «актуального членения речи» или «функциональной перспективы предложения» и содержит ценный материал, разработанный в сопоставительном плане. В сборник включены также и литературоведческие статьи.

О. С. Ахманова
(Москва)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Ин-т языкознания АН СССР. Программа Всесоюзного совещания по разработке терминологии в литературных языках народов СССР. 25—30 мая 1959 г.— М., 7 стр.

Информационный бюллетень ЮНЕСКО.— 1959, №№ 46—51

Научные доклады высшей школы. Филологические науки.— М., 1958. № 4. 166 стр.

Сборник докладов на научно-методической конференции 1957 г. (Кафедра иностранных языков Высшего военно-морского инженерного ордена Ленина училища им. Ф. Э. Дзержинского).— Л., 1958. 77 стр.

Тезисы докладов и сообщений на 7-й научной конференции профессорско-преподавательского состава (Филологический фак-т Киргизский гос. ун-т). — Фрунзе, 1959. 74 стр.

Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Т. CXXVI. Фак-т иностранных языков. Вып. 2.— М., 1958. 272 стр.

Фонетический сборник, посвященный семидесятилетию Г. С. Ахвледиани. I (Труды кафедры общего языковедения. 3. Тбилисского гос. ун-та им. И. В. Сталина).— Тбилиси, 1959. (XV + 447) стр.

Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР.— М., 1959. 27 стр.

Т. А. Бертагаев, Ю. Д. Дешериев (руководитель), М. И. Исаев, В. И. Лыткин, С. Г.-М. Хайдаков, А. К. Шагиров. Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР.— М., 1959. 55 стр.

Т. Г. Брянцева. О словниках терминологических словарей.— М., 1959. 7 стр.

М. М. Маковский. К проблеме вида в готском языке (Уч. зап. 1-го МГПИИЯ. Т. XIX) — М., 1959. 98 стр. [отд. отт.].

Д. А. Попов. Лингвистические взгляды В. Г. Белинского.— Саратов, 1959. 199 стр.

А. А. Реформатский. Что такое термин и терминология. — М., 1959. 14 стр.

Н. К. Сухов. Об основных направлениях современной терминологической работы в технике.— М., 1959. 25 стр.

Е. И. Убрятова. Некоторые вопросы графики и орфографии письменности языков народов СССР, пользующихся алфавитами на русской основе. — М., 1959. 15 стр.

З. І. Іваненко. Синоніміка прийменникових словосполучень, які виражають часові відношення (посібник для викладачів та студентів) — Одеса, 1959. 43 стр.

Н. А. Москаленко. Нарис історії української пунктуаційної термінології.— Одеса, 1959. 32 стр.

А. А. Москаленко. Синтаксис складного речення давньоруської та української мови. Посібник для студентів-заочників.— Одеса, 1959. 33 стр.

Бюллетень издательств Чехословацкой и Словацкой АН.— Прага — Братислава, июль — декабрь 1958. 132 стр.

И. Дуриданов. Топонимията на Първомайска околия.— София, 1958. 200 стр.

Acta universitatis Carolinae. Philologica II — III.— Praha, 1958. 286 стр.

EOS. Commentarii Societatis philologae Polonorum.— Wroclaw — Warszawa: vol. XLVIII (1956), fasc. 2.— 1957. 409 стр.; vol. XLVIII (1956), fasc. 3.— 1957. 497 стр.; vol. XLIX (1957—1958), fasc. 1.— 1958. 208 стр.

Język polski. XXXIX.— 1959, № 1. 80 стр.

Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Festjahrgang zur 550 = Jahrfeier (als manuskript gedruckt). Hft. I, Jg. 8 (1958—1959). 253 стр.

R. Austerlitz. A linguistic approach to the ethnobotany of South-Sahalin (Ninth pacific science association. Abstracts of papers.— Bangkok, Thailang, 1957).

R. Austerlitz. Semantic components of pronoun systems: Gilyak. (Reprinted from «Word». Vol. 15. № 1,— April, 1959). Стр. 102—109.

R. Austerlitz. Vocatif et impératif en ghiliak. (Orbis. Bul. International de documentation linguistique. T. VII. № 2,— 1958). Стр. 477—481.

V. Pisani. Storia della lingua greca.— Torino, 1959. 136 стр.

SOMMAIRE

I. K. Béloded, A. S. Melničouk (Kiev). Sur le developpement des langues nationales pendant le période de transition du socialisme au communisme; Lui Chou-syang (Pékin). Le problème du mot en chinois; N. N. Prokopovič (Moscou). Sur les groupes de mots simples et complexes; **Discussions**: N M. Chanski (Moscou). La compilation d'un dictionnaire étymologique russe basé sur les principes historiques et les principes de la formation de mots; O. P. Sounik (Léningrad). L'origine de la structure morphologique du mot; Sur la formation des langues nationales littéraires des slaves d'est; **Communications et notices**: G. K. Venediktov (Moscou). Les traces de l'ancien aoriste sygmatique en bulgare moderne; J. S. Maslov (Léningrad). Les catégories de perfectivité et d'imperfectivité de l' action verbale en gothique; A. S. Garibian (Yerevan). Sur le consonantisme arménien; **Extraits des périodiques étrangers**: P. Skok. Sur le dictionnaire étymologique de la langue croate ou serbe; **Linguistique appliquée**: Lyu Joun-tsuang: Les investigations dans le domaine de le traduction mécanique dans la République populaire chinoise; **Critique et bibliographie**: R. F. Mikuš (Ljubljana). Lettre à la rédaction; **Vie scientifique**: N. P. Zverkovskaïa (Moscou). L'étude de la langue et du style des oeuvres de V. I. Lénine dans la République démocratique allemande; I. N. Anatski (Moscou). La 2-me session scientifique consacrée à la linguistique germanique.

CONTENTS

I. K. Beloded, A. S. Melničuk (Kiev). On the development of national languages during the transition-period from socialism to communism; Lui Shu-syang (Peking). The problem of the word in the Chinese language; N. N. Prokopovič (Moscow). On simple and complex word-groups; **Discussions**: N. M. Shansky (Moscow). On compiling a Russian etymological dictionary based on the principles of historical word-formation; O. P. Sunik (Leningrad). The origin of morphological word-structure; On the formation of East-Slavonic national literary languages; **Notes and queries**: G. K. Venedictov (Moscow). The traces of old sygmatic aorist in modern Bulgarian; Y. S. Maslov (Leningrad). The categories of perfectivity and imperfectivity of verbal action in Gothic; A. S. Garibian (Yerevan). On Armenian consonantism; **From foreign periodicals**: P. Skok. On the etymological dictionary of the Croat or Serb; **Applied linguistics**: Lyu Jun-tsuang. Research work on machine translation in the Chinese People's Republic; **Critics and bibliography**; R. F. Mikuš (Ljubljana). A letter to the Editorial Office; **Scientific life**: N. P. Zverkovskaya (Moscow). The study of language and style of V. I. Lenin's works in the German Democratic Republic; I. N. Anatsky (Moscow). The 2nd scientific session on Germanic linguistics.

Технический редактор Д. А. Фрезинская-Крупенская

Т-10469 Подписано к печати 14/X 1959 г. Тираж 6125 Зак. 2076
Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 4³/₄ Печ. л. 13,02 Уч.-изд. л. 15,7

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10